

АЗБУКА ВЕРЫ

Поселянин Евгений Николаевич

Пустыня. Очерки из жизни древних подвижников

Художественная литература 2022

Пустыня. Очерки из жизни древних подвижников

Поселянин Евгений Николаевич

Предисловие к первой части

Пустыня!..

Сколько манящей силы, сколько таинственной прелести заключается в этом одном слове для многих душ христианского мира!

Не только для тех избранников, которые жаждут безусловной правды, совершенного служения Богу, для которых самое желанное в жизни — возможность предаваться ничем не отвлекаемой молитве, не видеть ни одного лица человеческого, а лишь прислушиваться к тому чудному гимну, который сотворенная тварь поет своему Творцу и в котором щебет птицы, рев моря, журчание ручья и лучи звезд сливаются в один согласный аккорд; лишь созерцать в этой природе, хранящей всю ненарушенную свою красоту, отблески славы Божества, — не только для них одних понятно обаяние пустыни. И с обыкновенным, созданным для мира средним человеком бывают минуты, когда все то лживое, мелкое, пошлое, из которого состоит главным образом мирская жизнь, начинает настолько претить душе, что она рвется из обычных уз, от людей в неведомую даль.

Ей хочется ходить там, где не ступает нога другого человека; ей хочется в ненарушимой тишине насытиться тихим сиянием ночного неба и думать без конца о Боге и в этой обстановке, где нет искусственных преград между душой и Богом, ощутить в себе близость Бога и поклониться Ему всей крепостью своей.

Стар спор о правах мира на служение Ему всех людей. Много было и будет говорено о том, что глубоко эгоистично побуждение, толкающее людей на такие исключительные одиночные пути спасения. Но не будем суживать и насиловать природу. Она одинаково растит и дружно подымающиеся неисчислимыми тысячами деревья леса, и в великолепном одиночестве развивающиеся стволы, которые никогда не достигли бы той чрезвычайной силы, если бы росли среди других.

Принято преклоняться перед глубоколичными, исключительно сосредоточенными чувствами. Осуждают ли жену, которая через двадцать лет скорбит об утраченном муже так же горячо, как в день его смерти? Скажут ли слово упрека безгранично преданному человеку, для которого с уходом любимого его существа разом поблекли все краски, разом исчезли все радости жизни? Как же осуждать людей, для которых все впечатления жизни без остатка покрыты вечно стоящей перед ними за них принесённой Жертвой Бога?

Когда на руках у сына отходит страстно любимая мать, когда отец ловит последние вздохи единственного сына, кто от них потребует в ту минуту интереса к общественной жизни?

Так вот, есть люди столь великой искренности и столь глубокого сердца, что все живущее заслонено для них одним таинственно и чудно страшным призраком: призраком Распятого Христа. И всякую минуту тяжелые капли Божественной Крови падают над ними из-под терна, растерзавшего Божественное чело; и всякую минуту в их ушах отдается вопль Бога на кресте: «Стражду!»

Что странного в том, что в таком состоянии духа эти люди не жильцы среди мира?! Пригвоздить свой взор к этому Кресту; вместо всего разнообразия речи человеческой повторять лишь одно слово, выше которого нет ничего во Вселенной и в котором они заключили всю свою любовь и все свои надежды, — слово «Христос» — вот единственное возможное призвание этих людей. «Они не созданы для мира, Как мир не создан был для них». И пусть они не приносят людям пользы в ощутительной грубой форме. Красота, лучезарная красота, которой в таком подвиге пламенной любви Божественной достигает их душа, бросает свой ответ даже из недостигаемой дали их пустынь на мир людей.

Из звездного неба не выкроишь себе платья, не вырежешь куска хлеба, но сколько бы потеряла жизнь без звездного неба! Сколько людей, глядя в него, по-видимому столь непонятное и чуждое, находили в нем одни утешения своих страданий, другие могучее вдохновение, даже новые пути жизни.

Так и с этими пустынножителями. Они бегут от мира, чтобы приобрести Христа. А мир бежит за ними, чтобы через них приблизиться к Христу.

Только в период духовной работы, в первую эпоху пустынножительства, мир забывает об истинном отшельнике. Но, когда в постоянной беседе с Богом пышно расцветет душа аскета и лучи его святости пробьют чащу леса, те люди мира, которым дорога духовная высота, нетерпеливой рукой стучат в пустынную келью. Стучат тем громче и терпеливее, чем она упорнее заграждена. И ничем нельзя устранить этого стремления, как не удержать насекомых, из ночной темноты летящих к источнику света.

Русской душе особенно понятен, дорог подвиг пустынножителя, потому что ни один народ не был так чуток к бесконечной цене Голгофской Жертвы.

Едва появившись в России, христианство, как весна водами половодья, наводнило дебри этими «небесными человеками, земными ангелами». Никакие внешние препятствия, никакие тягости северного климата не могли уменьшить этой распалывшей русскую душу жажды «пустыни». Чуть христианство утвердилось прочно на святых горах киевских, является великая рать бессмертных иноков с родоначальниками своими преподобными Антонием и Феодосием. То были первые жаворонки, певшие Руси весну ее православия над зеленеющими всходами ее веры. Центр русской истории передвигается к северу — является новый богатырь с новыми ратниками, чудный Радонежский игумен. Далеко по крайнему северу Руси разлетелись птенцы его святого гнезда.

И действительно, что-то освободившееся от человеческих ограничений, что-то райски первобытное было во многих его последователях, этих удивительных насельниках Вологодского края, которые, как птицы, ютились в дуплах деревьев.

Прошло с тех пор пять веков. Но жажда пустыни не иссякла в чующей Бога русской душе. И почти в наше время русский народ выставляет одного из величайших когда-либо живших пустынножителей в лице Саровского старца Серафима.

При такой любви к «пустыне» для православного читателя, конечно, будет интересна повесть о великих египетских отцах. О тех людях, которые, живя среди христианства, только что еще утверждавшегося в мире, искали в пустыне уединения с Христом, «проидоша в милотех, и в козях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени» и принесли в жертву Богу то большее, что может человек отдать в жертву, — свою жизнь.

I. О происхождении монашества

Монашеский подвиг не представляет собой какого-нибудь насилия над человеческой природой, а является вполне естественным состоянием для многих людей, имеющих особый душевный склад.

Во все века на разных ступенях общественной жизни, среди разных положений находились люди, которые посвящали все свои силы на всецелое и исключительное, всю жизнь поглощающее служение какому-нибудь великому интересу. Недаром опытные и проницательные люди утверждают, что редко когда великие деятели в области мысли и искусства были счастливы в семейной жизни.

Слишком тонка духовная организация этих людей, слишком глубоко уходят они в ту невидимую миру, но обогащающую мир прекрасными произведениями внутреннюю работу, чтобы приносить семье достаточную свежесть и непосредственность чувства и заботы.

Вообще интерес к чему-нибудь может до такой степени охватить человека, что все иное в жизни, кроме этого интереса, будет казаться ему как бы несуществующим.

Таким образом, путем простого сравнения мы должны прийти к той мысли, что уже по самому складу человеческой природы должны найтись люди, которые будут всецело, так сказать, захвачены и поглощены той светлой и безграничной святой областью какой представляется царящее над миром Божество.

Если мы признаем и понимаем людей, для которых ничего в жизни не существует вне сферы звуков, если мы понимаем и оправдываем их деятельность, состоящую исключительно в том, что они прислушиваются к таинственно доносящимся к ним из какой-то чудной неведомой дали прекрасным звукам и стараются передать эти звуки людям, то как же не понять нам и тех людей, для которых во всем мире нет ничего, кроме покрывающего и наполняющего весь мир Божества, нет иной цели, как возможно тесное слияние с Ним; нет иной заботы, кроме творения Его Воли; все слова которых суть только молитва к этому чудному краю их желаний; для которых, одним словом, весь мир, все созданное как бы блекнет и тает в лучах Божественной Славы.

Да, простым соображением должны мы прийти к выводу, что они должны существовать, эти всецело своей святине отдавшиеся рыцари Божества на земле. И эти рыцари суть иноки.

Жизнь монашеская или однородная с ней была известна еще в Ветхом Завете, хотя лишь в Новом достигла полного своего осуществления и совершенства.

Назореи у иудеев, посвящавшие себя путем особого обета Богу; секта ессеев, отрекавшаяся от прав собственности и жившая в палатках; Илия, Елисей, «сыны пророческие», соблюдавшие воздержание, бедность и селившиеся в пустынных местах, наконец, на пороге Ветхого и Нового Завета великий пустынножитель Иоанн, Предтеча и Креститель Господень, — все это были провозвестники иночества.

Новозаветное иночество имеет своим стремлением провести в жизнь следующие слова Господа Иисуса Христа:

«Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, и следуй за мною» (Луки гл. 18, ст. 22).

«Всякий, кто оставит дома или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Матфея гл. 19, ст. 29).

Божественный Учитель, мудрость Которого была проникнута кротостью, не предлагал эти правила как законы, необходимые всякому верному для спасения. Он указывал на них как на средство к совершенству, средство, к которому можно не прибегать, не подвергаясь при этом опасности потерять жизнь вечную. На этой основе построены два различных образа жизни.

Одна — жизнь мирская, где среди трудностей общественных обязанностей люди ищут спасения путем соблюдения Заповедей; другая жизнь — обособленная, при которой, отрекаясь от забот мирских, человек предается исключительно деятельности религиозной и старается дойти до совершенства исполнением высших заветнейших указаний Евангелия. Такова основа монашества.

Имя «монах» на греческом языке означает «одинок живущий». Так называли монахов, кажется, не потому, что многие из них жили поодиночке в пустынях, но потому, что жизнь их есть жизнь обособленная от мира, отличная от нее. Монашество в полном своем составе есть нечто одинокое по отношению к миру.

В этом смысле можно назвать после Воскресения Спасителя новорожденную церковь Иерусалимскую монашеской общиной, так как там воплотились высшие заветы Евангелия, особенно же относительно общности имущества.

Это дало повод святителю Василию Великому, Иоанну Златоусту и Кассиану сказать, что учреждение иночества относится ко временам апостолов и что иноки живут не иначе, чем и первые верующие в Иерусалиме.

Таким образом, монашество, рассматриваемое как точное воплощение Евангельских добродетелей, имеет учредителем Иисуса Христа, образцами апостолов и первых христиан. Их примеру старались следовать во все последующие времена те, которые становились иноками.

В этом смысле легко доказать, что в монашестве существовало преемство от апостолов до преподобного Антония, так как несомненно, что в церкви всегда были истинные христиане обою пола, которые полагали всю свою жизнь в Заветах Христовых. Но не все смотрят на иночество в этом широком смысле. Люди обыкновенно присваивают название «монах» лишь тем, кто удалился из городов, чтобы всецело, вдали от обычной жизненной обстановки и людей, предаться подвигам благочестия или в общинах (монах общежительный), или в одиночку, или в крайнем случае вдвоем, втроем (отшельники, пустынники).

Знаменитый церковный писатель преподобный Кассиан Римлянин высказывает мысль, что иночество общежительное предшествовало отшельничеству и что это общежительное иночество началось с апостолами; что все первые иерусалимские христиане были собственно иноками; что вся тогдашняя церковь была составлена из лиц, живших в такой праведности и в таком единении, что монастыри, которые основывались впоследствии, явились лишь слабым подражанием этой первоначальной монашеской общине.

«Но, — говорит преподобный Кассиан, — по смерти апостолов верные стали ослабевать в своих подвигах. И те, в ком еще горело пламя, пылавшее в непосредственных учениках Христовых, и кто помнил чудные первоначальные дни Иерусалимской церкви, — эти люди покидали города, удалялись в уединенные места, прерывали мало-помалу общение с прочими верующими, почему их и называли монахами, то есть «одинокими», или, в другом смысле,

«обособленными».»

Отпрыском этой плодородной ветви, давшей столько святых, Кассиан и считает отшельничество, имевшее своего родоначальника в лице преподобного Антония Египетского.

В подтверждение этого мнения о преемстве, связующем великих египетских пустынных отцов с Иерусалимской Апостольской общиной, можно привести существование ессеев, или терапевтов, упоминаемых Филоном в его книге о созерцательной жизни и широко распространивших свои общины во время св. Марка в окрестностях Александрии. Их образ жизни был чисто монашеским бытом. Они добровольно отрекались от имущества, безвозвратно разлучались с семьей, друзьями, родиной и жили вне городов, в отдаленных местах, спасаясь уединением от соблазнов, приносимых общением с людьми.

Жилища их были весьма просты и отделены одно от другого, чтобы не мешать их обитателям сосредоточиваться, но не настолько отделены, чтобы они при случае не могли подать друг другу помощь. У них были особые священные места, в которых они совершали общие моления и которые назывались монастырями. Читали они лишь Священное Писание и книги, способствующие благочестию. Пели священные гимны, утром и вечером приносили Богу молитву, а в промежутки между молитвами занимались ручным трудом и размышлением о Небесном.

Они считали воздержание основной добродетелью. Никто из них ни пил, ни ел до захода солнца. Некоторые из них принимали пищу через три дня, другие через шесть, и то с трудом решаясь нарушить свое суровое пощение. Так описывает Филон жизнь этих терапевтов, которая чрезвычайно близко подходит к тому, что передают церковные писатели об учениках преподобного Антония и о других иноках четвертого века.

Кроме этих терапевтов в течение трех первых веков христианства было немало святых, которых с полным правом можно считать монахами.

Таковы были в первом веке святые равноапостольные преподобномученицы Фекла, Зинаида и Филонилла, обращенные св. Павлом Фиваидским. О св. Фекле передают, что, когда она осталась целой после мучений, к которым была приговорена, она удалилась к одной Горе провинции Селевкии, а две другие, перейдя в Фиваиду, основали свое жительство в одной пещере.

Из актов мученичества святой Евдокии, пострадавшей при Траяне в Гелиополе, близ горы Ливана, видно, что уже тогда в окрестностях этого города были монастыри для мужчин и женщин.

Во втором веке можно назвать святого Фронтоня, имевшего под своим руководством около семидесяти иноков и удалившегося в Нитрийскую пустыню, где он устроил монастырь. Затем уроженка Иконии, великомученица Параскева, по смерти своих богатых родителей раздала свое имение бедным и, уневестив себя Христу, проводила свою молодость в иноческих подвигах, пока не приняла мученический венец при Диоклитиане.

Святой Наркис, епископ Иерусалимский, будучи оклеветан, покинул свою кафедру и ушел жить в пустыню.

Преподобномученица Евгения, дева, уверовав во Христа, чтобы лучше скрыться, надела мужское платье и спасалась под видом инока. Впоследствии основала женский монастырь и была замучена за Христа.

В третьем веке можно назвать святителя Никона, который из иночества перешел прямо к епископству, не покидая, однако, иноческого звания, и принял мученичество со 199 своими монахами.

Мученик Феодот, пострадавший при императоре Александре, жил в монастыре.

Из актов мученичества св. Галактиона видно, что монах Онуфрий обратил к Христу свою мать Левситу и что он со своей супругой Епистимией ушел из мира и оба они поступили один в мужской монастырь у Синайской горы, а жена его — в небольшую женскую общину; впоследствии оба они приняли страдание за Христа. Можно бы привести и еще много других имен. В эту же эпоху, кроме монахов, были еще во всем им подобные так называвшиеся тогда аскеты.

Вся разница их с монахами в том, что аскеты мало удалялись вдаль от городов, между тем как монахи селились в пустыне. Впоследствии этот чисто внешний признак отличия совершенно сгладился, и аскеты и монахи наконец слились в одно общее монашеское звание.

Приведя эту историческую справку, хочется спросить: отчего же до преподобного Антония Великого о монашестве слышно так мало и так глухо?

На это приходится ответить, что только со времени святого Антония и его учеников монашество с блеском выступает в церкви, как по громадному, можно даже сказать, невероятному числу лиц, ставших в его ряды, так и по чрезвычайности добродетелей и чудес, которыми в эту пору заявило о себе иночество.

II. Преподобный Павел, первый отшельник Верхней Фиваиды

Святого Павла приходится назвать первым отшельником или потому, что он действительно поселился первый в глубине пустыни, или потому, что о нем первом из пустынников дошли несомненные сведения. Преп. Антоний был очевидцем, а св. Иероним историком его жизни.

Он родился в Нижней Фиваиде в царствование римского императора Александра Севера приблизительно в 228 году христианской эры. Богатые его родители дали ему прекрасное воспитание. Он тщательно изучил греческий и египетский языки. Но уже тогда добродетели были главным его стремлением.

В пятнадцать лет он осиротел. У него осталась только старшая сестра. Если бы он любил жизнь, теперь бывшие в руках его значительные средства дали бы ему полную возможность насладиться ею. Но не к тому лежала его душа. Очень необыкновенен тот путь, который привел его в пустыню.

В то время императоры Деций и Валериан воздвигли на христиан гонение, которое особенно сильно чувствовалось в Египте и в Фиваиде. Потому ли, что Павел не доверял своим силам, или потому, что Бог желал спасти его от смерти, чтобы выработать из него первого инока-подвижника, так или иначе, но он решил скрыться в одном загородном доме. Недолго, однако, он оставался тут в безопасности. Муж его сестры, в расчете воспользоваться его состоянием, составил изменнический план. Он хотел выдать его преследователям, чтобы воспользоваться конфискацией его имущества. Ни страх перед Богом, ни обязанности родства, ни юность Павла, ни слезы его сестры не могли смягчить этого изверга. Павлу пришлось искать спасения жизни во вторичном бегстве, и между животными он нашел наконец ту безопасность, в

которой отказали ему близкие люди.

Сперва он отошел недалеко, так как его намерением было ненадолго отступить перед грозой. Но, привыкая постепенно к ужасам пустыни, углубляясь со всяким днем в обширные безлюдные пространства этой страны, он достиг наконец горы, в которой нашел запертую пещеру. Он раскрыл вход в нее, чтобы проникнуть туда и узнать, что в ней находится.

Павел нашел там помещение, образованное из сплетенных пальмовых ветвей, и тут же был источник, воды которого, протекши на коротком пространстве в виде маленького ручейка, пропадали в земле недалеко от истока. Казалось, что это место когда-то было обитаемо. Вокруг были видны развалины домов и кое-где были разбросаны горны и молотки.

Павел решил, что это место ему указано Провидением. Он отказался от всех мирских расчетов и поселился в этой пещере на все время жизни, какое ему оставалось. Когда он износил свою одежду, он сделал себе рубаху из пальмовых листьев. Плоды этого дерева служили ему пищей. Вода источника утоляла его жажду. Все это казалось достаточным человеку, воспитанному в роскоши богатого дома, и он все свои заботы сосредоточил на своей душе. Смирение Павла скрыло от нас его духовные труды в этом долгом уединении. Но чудеса, ради него сотворенные Богом, и великие созерцания, до которых он возвысился, доказывают, что жизнь его здесь была более ангельской, чем человеческой.

Эту небесную жизнь он вел до 113 лет. И тут Господу было угодно сделать его известным церкви через посредство преп. Антония, который проводил тогда уединенный образ жизни и которому было 90 лет. Вот как произошло это счастливое открытие. Однажды у преп. Антония возникла мысль, что раньше него никто в пустыне не вел подвижнической жизни. В следующую же ночь Господь обнаружил перед ним его заблуждение, открыв ему в сновидении, что в глубине пустыни живет отшельник, который превосходит его и возрастом, и заслугами, и что Антоний должен поторопиться свидеться с ним.

Покорный Гласу Божию, Антоний на рассвете взял свой посох и отправился в путь, преодолевая немощь своего тела, удрученного бременем годов и изнуренного суровой жизнью... Уже настал полдень. Но и жгучие лучи солнца, раскаляющие в эту пору пустыню, не ослабили его рвения. Вдруг он встретил гиппоцентавра, т. е. чудовище, у которого половина тела была похожа на человека, а остальная часть на лошадь.

Опасаясь, не видит ли он перед собой демонский призрак, он осенил себя крестным знаменем и заговорил с чудовищем, спрашивая, где живет служитель Божий. Чудовище, пробормотав что-то непонятное, протянуло руку, указывая, в каком направлении надо идти, и обратилось в бегство.

Св. Иероним, который передает это обстоятельство, рассуждает, не был ли то призрак, которым демон хотел испугать преп. Антония и отклонить его от предприятия, или это могло быть настоящее чудовище, какие попадались иногда в Африке и особенно в Фиваиде. К этому можно добавить, что Плиний уверяет, будто он видел такое чудовище в Риме, где его тело было набальзамировано.

Как бы то ни было, то было неединственное чудовище, которое Антоний встретил на своем пути. Он еще с удивлением размышлял о первой встрече, как в глубине каменистой долины увидел новое чудовище другого вида. Оно было малого роста, имело рожки на лбу и козлиные ноги. Антоний снова прибег к знамени нашего спасения и с этим духовным орудием не побоялся подойти к нему и спросить, кто он такой.

Это чудовище оказалось менее пугливым, чем первое, и ответило членораздельными звуками:

— Я смертный, я один из тех обитателей пустыни, которым язычники поклоняются под именем фавнов и сатиров. Я послан к тебе своими товарищами, чтобы просить тебя вознести за нас молитвы к Тому, Кто твой Бог и наш Бог, и Кто, как мы знаем, пришел спасти мир.

Святой старец не мог слышать, как это чудовище исповедывало Славу Христа, без того, чтобы не разразиться потоком радостных слез, закипевших у него в груди. Он ударил своим посохом оземь и воскликнул в пылу переполнявшего его восторга:

— Горе тебе, Александрия, что ты поклоняешься чудовищам, как богам? Горе тебе, город разврата ставший убежищем демонов, рассеянных по всей земле! Какое найдешь ты себе теперь оправдание? Звери возвещают величие Христово, а ты воздаешь этим зверям почести, которые принадлежат только Богу!

Это чудовище не дождалось, чтобы пустынный предложил другие вопросы, и обратилось в бегство с такой поспешностью, словно у него были крылья.

«Пусть, — прибавляет св. Иероним, — это не покажется невероятным, так как в царствование императора Констанция в Александрию привели живым одного такого сатира, которого после смерти положили в рассол и доставили в таком виде в Антиохию, чтобы показать его императору».

Между тем наш святой путник имел перед собой путеводной нитью только следы диких зверей и уже два дня шел, не зная куда. Так попустил Бог, чтобы испытать его. Когда настала ночь, он ее провел всю в молитвах, чтобы небо дало ему новые указания. И, когда начал брезжить день, он увидел издали волчицу, бежавшую вдоль холма. Он стал следить за ней глазами, пока она не исчезла; и, подойдя к этому месту, он достиг пещеры, где находился тот, кого он искал.

Он бросил взор внутрь пещеры, чтобы посмотреть, что там есть, но темнота была так велика, что он ничего не мог разглядеть. Это не удержало его, и, постояв немного, чтобы передохнуть, он пошел ощупью. Наконец он увидел слабый свет, мерцавший издали, и тут он понял, что это и есть жилище отшельника, которого открыл ему Бог.

Радость, что он нашел его, придала ему смелость; он ускорил шаги и в стремительности, с какой он шел, задел камни и произвел шум. Тогда обитатель этого уединенного места, которого тишины никто еще не нарушал, услышал его и запер дверь своей кельи.

Антоний, видя, что отшельник отказывает ему в приеме, бросился на землю у его порога и заклинал его в самых трогательных выражениях не лишать его того утешения, за которым он пришел столь издалика и с такими трудностями.

— Ты знаешь, — говорил он, — кто я, откуда явился и какая причина привела меня. Я сознаю, что я недостойн тебя видеть, но я не удалюсь, прежде чем ты не дашь мне этого счастья. Запретишь ли ты войти в твою пещеру человеку, когда ты позволяешь входить в нее зверям? Я тебя искал, я тебя нашел; я стучу теперь у твоей двери: если ты не согласишься отворить мне, то я решился умереть, прося тебя о том; я надеюсь, что, по крайней мере, тогда ты будешь настолько милосерд, что погребешь меня.

Павел сделал вид, что не сдается на его просьбу, и ответил изнутри своей кельи:

— Никто не умоляет с угрозами и не мешает брань со слезами. Как хочешь ты, чтобы я тебя принял, когда ты говоришь, что пришел лишь для того, чтобы умереть?

В то же время он отпер дверь со сладкой улыбкой; и они воздали друг другу целование с той любовью, которая объединяет святых, и назвали друг друга по имени, которые они знали по ниспосланному им от Бога дару прозорливости.

Затем они вместе помолились, чтобы возблагодарить Господа, после чего, снова обменявшись целованием мира, Павел сел около своего гостя и сказал ему так:

— Вот тот, которого ты отыскал ценой таких трудов, которого тело, изнуренное старостью, покрыто седыми волосами; вот перед тобой человек при конце своего жизненного пути, готовый рассыпаться в прах. Скажи же мне: как стоит мир? Возводят ли новые постройки? Кто ныне царствует? Есть ли еще люди, ходящие во тьме и поклоняющиеся демонам?

Антоний ответил на все эти вопросы. И во время этой беседы ворон принес цельный хлеб и положил на землю возле них. Это послужило для обоих святых новым поводом прославить милосердие Божие.

— Смотри, — сказал Павел, — как благ Господь, промысляющий о нашем пропитании. Уже шестьдесят лет Он ежедневно этим способом посылает мне полхлеба. Сегодня, когда ты пришел. Он даровал двойное количество, чтобы показать, как Он заботится о тех, кто Ему служит.

Они возобновили свою благодарственную молитву и расположились около источника для трапезы. Но, когда надо было разделить хлеб, они хотели взаимно уступить друг другу честь преломить его; Павел настаивал на правах гостя, а Антоний на правах возраста. Наконец, они сговорились: оба они взяли за хлеб, каждый со своей стороны, и таким образом разделили его.

Вся следующая ночь прошла в молитве; а на другой день, продолжая беседу, Павел сказал Антонию:

— Уже давно, брат мой, я знал о твоём пребывании в этой пустыне. Уже давно Бог возвестил мне, что ты, как и я, посвятил свою жизнь на служение Ему: вот настал последний мой час. Всегда имея жажду соединиться с Христом, я хотел еще принять из рук Его венец правды, и дивный Бог послал тебя, чтобы предать мое тело погребению, или, лучше сказать, чтобы вернуть персть персти.

Антоний, слыша, что он говорит о близости своей смерти, залился слезами и заклинал его не покидать его или просить у Бога, чтобы он, Антоний, последовал за Павлом, но Павел отвечал:

— Ты не должен желать того, что для тебя всего приятнее. Без сомнения, для тебя было бы большим счастьем быть освобожденным от тяготы этого смертного тела, но твои братья еще нуждаются в твоём примере. Прошу тебя, если это тебе не слишком трудно, пойди за мантией, которую дал тебе епископ Афанасий, и принеси ее для моего погребения.

Он просил его об этом не потому, что для него составляло какую-нибудь разницу быть погребенным в мантии или без мантии, но он хотел удалить Антония на несколько дней и избавить его от печали видеть его смерть. Кроме того, он показывал этим, что и в смерти не прерывает духовного общения со святителем Афанасием, неоторимым защитником православной веры против ереси Ария.

При упоминании о мантии Афанасия Антоний еще более убедился в том, что Дух Божий пребывал с отшельником, потому что только путем чудесного откровения он мог узнать, что этот святитель подарил его сподвижнику мантию. Он не смел возражать, мог только пролить

слезы, целовал ему глаза и руки и отправился в свой монастырь.

Желание видеть преп. Павла придавало ему бодрость, словно вся сила его ума перешла в его изнуренное тело. Когда он пришел в монастырь, его ученики, обеспокоенные его отсутствием, вышли к нему навстречу и стали его спрашивать, где он так долго пробыл; но, не давая им объяснения и полный весь впечатления от добродетелей Павла, он, ударяя себя в грудь, говорил:

— Горе мне, несчастному грешнику, так незаслуженно носящему имя отшельника! Я видел Илию, я видел Иоанна в пустыне, или, что ближе к истине, я видел Павла в раю:

Эти слова возбудили еще большее любопытство в его учениках. Они еще настоятельнее просили у него объяснения, но он ответил лишь словами Писания: «Есть время говорить, есть время молчать». И, даже не подумав подкрепиться какой-нибудь пищей, он взял мантию св. Афанасия и поспешил опять к преп. Павлу, боясь, как бы тот не умер в его отсутствие. Едва он прошел часа три, как внезапно увидал преп. Павла подымавшимся в небо в ослепительном свете в сонме блаженных духов.

— О, — закричал он, бросаясь на землю и посыпая голову свою песком, — о, Павел, зачем ты покинул меня! Зачем не дал ты мне возможности проститься с тобой!? И неужели я должен был потерять тебя так рано, узнав тебя так поздно?

В то же время он ускорил шаги и совершил остальную часть пути с такой скоростью, что сам был ею изумлен.

Дойдя до пещеры, он нашел тело отшельника, который стоял на коленях с поднятой головой и с руками, протянутыми к небу. Это положение тела, которое не могло быть принято трупом, заставило Антония предположить, вопреки бывшему ему видению, что Павел еще жив, и он стал рядом с ним помолиться, но, не слыша его вздохов, которые вырывались обыкновенно у него во время молитвы, он, поняв, что преподобный Павел умер, бросился к нему на шею, чтобы дать ему печальное лобзание.

Облегчив немного свою скорбь этим выражением любви, он вынес тело из пещеры, чтобы погребсти его, и пел при этом молитвы и псалмы. Но, когда он захотел приготовить могилу, то был чрезвычайно смущен отсутствием какого-нибудь орудия для копания.

«Если я вернусь, — рассуждал он сам с собой, — мне нужно три дня для возвращения. Если же я останусь здесь, дело нисколько не подвинется. Лучше всего, о, Господи, мне умереть и последовать за Твоим доблестным воином, предав около него последнее издыхание!»

Так размышлял он, а Бог послал ему двух львов, которые выбежали из глубины пустыни с длинными гривами, развевавшимися по ветру. Антоний сперва несколько испугался и возвысил свой ум к Богу, прося помощи. Но эти звери, вопреки своей природной лютости, приблизились к телу святого Павла, улеглись у его ног и, махая хвостами, испускали мощный рев, чтобы свойственным им способом выразить сожаление о его смерти. Затем они стали разгребать когтями землю и, нарочно отбрасывая песок в обе стороны, образовали ров, достаточный, чтобы вместить драгоценные останки отшельника.

Совершив эту работу, они, как будто желая получить от Антония награду за труд, подошли к нему, двигая ушами, и, опустив головы, стали лизать ему ноги и руки.

Антоний понял по этим ласкам, столь необыкновенным для этих диких животных, что они просят его благословения. Он воздал хвалу Иисусу Христу, всесильную волю Которого творили

эти звери, и произнес за них к Богу краткую молитву:

«Господи, без воли Которого не упадет ни один лист с дерева, не гибнет ни малейшая птица, дай этим львам то, что Ты считаешь для них необходимым!»

После этого он дал им знак удалиться и, приняв на свои плечи тяжесть тела праведного отшельника, положил его в могилу и засыпал его песком.

Отдав таким образом останкам преподобного Павла последний христианский долг, он вернулся в свой монастырь, унося с собой одежду из пальмовых листьев, которую сплел себе святой старец. Он рассказал своим ученикам все происшедшее и ежегодно в великие дни Пасхи и Троицы имел обыкновение одевать на себя эту драгоценную одежду.

Св. Иероним, описавший эту жизнь и узнавший о ней из уст учеников преп. Антония, заключает свой рассказ о ней следующими прекрасными размышлениями.

«Я спрошу у тех, кто обладает столькими сокровищами, что даже не может их счесть, кто воздвигает дворцы из мрамора, кто заключает в одном ожерелье из бриллиантов и жемчугов цену нескольких наследств, — спрошу их, в чем нуждался этот старец, лишенный всего. Вы пьете из кубков, украшенных драгоценными камнями, а он удовлетворял жажду из пригоршни; вы рядитесь в одежды, сотканые из золота, а он был одет хуже, чем последний из ваших рабов. Но небо открылось для этого нищего, а ваше великолепие не помешает быть низверженным в ад. Как ни был он гол, он сохранил белое одеяние своего крещения, а вы с вашими безумно дорогими одеждами утратили его. Павел восстанет во славе, хотя теперь он покрыт лишь грубыми песками; а столь богато украшенные гордые памятники, заключающие ваш прах, не предохранят вас от вечного огня. Сжальтесь же над самими собой. Пощадите, по крайней мере, те сокровища, которые вы так любите! К чему погребать трупы в золоте и шелку и к чему сохранять тщеславие среди вздохов и слез? Разве в драгоценных тканях тела богатых будут сохранены от тления? Кто бы ни прочел эти строки, вспомни, молю, о грешном Иерониме, который, если бы Бог предоставил это на выбор, предпочел бы бедное рубище Павла с его добродетелями пурпуру царей со всем их могуществом».

Нельзя без волнения читать это сказание. Вот необыкновенный закал душ!

Пробыв столько десятилетий без общения с людьми, Павел, когда пришел к нему человек, и тогда не порывался к нему и еле позволил увидеть себя. Что могли сказать друг другу в эту беседу эти два человека, с такой искренностью, силой и исключительностью искавшие Бога? Какие духовные тайны, доселе заключенные во внутреннем мире этих людей, не получили здесь выражения на языке человеческом?

Видно, даже в великом пустынножителе Антонии не совсем умерла потребность, составляющая один из типичнейших признаков человека, — общения с себе подобными, и сколько трагизма в этом вопле души:

«Неужели я должен потерять тебя так рано, так поздно узнав тебя?»

Не то же ли бывает и с нами? Как часто томимся мы одиночеством и наконец встречаем нужных нам людей лишь для того, чтобы, пережив несколько часов счастья от общения с ними, навсегда их утратить... Где же утешение? Что может смягчить тоску такой, как нам кажется, несправедливой разлуки? Только одно то, что смягчает всякую земную скорбь: надежда на вечность, в которой заглажены будут все изъяны и скорби земные. Быть может, нам суждено пережить всю полноту общения с родственными нам душами лишь тогда, когда и они и мы в условиях небесной жизни разоведемся в те совершенные типы, на которые в земную нашу пору

и лучшие из нас представляют из себя лишь слабый намек.

III. Преподобный Антоний Великий, первый из отцов пустыни в Нижней Фиваиде

Св. Антоний был египтянин и происходил из деревни по имени Кома или Коман, в области Гераклее, между Нижним Египтом и Фиваидой. Он родился в царствование Деция в 251 году христианской эры от христиан благородного происхождения. Родители приложили все старания, чтобы привить ему чистоту нравов. А он сам настолько ей дорожил, что не хотел проходить мирские науки в школах из страха, что может испортиться в обществе других детей. Он постоянно находился дома, выходя только для посещения церкви. И чем более вырастал, тем более проявлялось в нем мудрости и ревности благочестия.

Когда ему исполнилось 18 или 20 лет, умерли его родители, оставив его наследником своего значительного состояния. Через шесть месяцев, после этого он, как-то стоя в церкви, услышал слова Иисуса Христа: «Если хочешь быть совершенным, иди, продай имение свое, раздай нищим и следуй за мной!»

Эти слова он принял за совет, данный непосредственно ему, и, чтобы исполнить его, он прежде всего уступил жителям своего селения 150 десятин принадлежавшей ему превосходной земли, продал свою недвижимость и вырученные деньги раздал бедным, оставив лишь часть для своей малолетней сестры.

В другой раз, услышав слова Спасителя: «Не заботьтесь о завтрашнем дне», он окончательно раздал бедным то, что у него оставалось, поместил свою сестру в девичий монастырь и покинул дом, чтобы вести аскетическую жизнь.

Пустыня не была тогда так населена, как было это впоследствии. В ней находилось лишь несколько благочестивых христиан, которые, желая следовать примеру Предтечи Господня, жили в местах, удаленных от шума мирского, причем часть их жила поодиночке, а некоторые соединялись, образуя род общежитий.

Для того чтобы не идти без руководителя тернистым путем, путем своего нового подвига, Антоний решил доверить себя одному праведному старцу, который вел с молодости аскетическую жизнь. Он посещал также других отшельников, наблюдая в каждом ту добродетель, в которой тот особенно отличался, чтобы стараться самому стяжать ее. У себя в келье он делил время между молитвой, чтением священных книг и ручным трудом. Вырученные за свои изделия деньги он употреблял на помощь бедным, оставляя себе лишь самую необходимую сумму.

Этой жизнью он достиг столь возвышенного благочестия, что вскоре стал предметом изумления других отшельников. Старцы любили его как своего сына, сверстники как брата, младшие как отца, и все пристально приглядывались к нему, чтобы научиться его примером.

Демон, завистник добродетели святых, стал стараться поколебать добродетель Антония. Он повел против него жестокою и упорною брань, о подробностях которой нельзя слышать без удивления. Прежде всего он пытался внушить ему раскаяние в том, что он оставил мир. Он возбуждал в нем воспоминания о его знатности, о его большом состоянии и удовольствии, которыми он мог пользоваться, он также возбуждал в нем самоупреки за то, что он оставил сестру и тем лишил ее ближайшей опоры и родственных забот. С другой стороны, он убеждал его в трудности добродетели, в слабости его телосложения, в несоответствии его сил с

подвигами аскетизма, в тоске и тяжести длинной жизни, проведенной вне общения с людьми и в постоянном умерщвлении плоти.

Антоний казался нечувствительным ко всем этим внушениям, и демон стал осаждать его воображение толпой печальных, грустных образов, мучил его и днем и ночью искушениями, которые были опасны для его еще молодого возраста. Но святой, вооруженный щитом веры и подвижничества, с мужеством отражал эти нападения и представлением вечного огня тушил то пламя, которое нечистый дух пытался разжечь в его теле.

Отраженный с этой стороны, демон хотел искусить его тщеславием. Он для этого принял на себя образ гнусного и противного на вид эфиопа и, придя к нему, бросился перед ним с печальным и смиренным видом на колени, признавая себя побежденным. Но Антоний не возгордился, а прославил Иисуса Христа и сказал искушающему духу, что образ, который он на себя принял, свидетельствует одновременное его безобразии и его слабости и что он впредь не будет его бояться. Потом он запел слова псалма: «Господь прибежище мое — кого убоюсь», и этими словами демон был прогнан.

Такова была первая победа Антония, или, вернее, победа Христа в Антонии. Но он не счел себя вправе предаться покою. Он знал, что хитрость демона имеет разнообразные уловки. Он был настороже еще более, чем прежде, и предался с такой горячностью подвигам, что некоторые были ими изумлены. Он принимал пищу однажды в день, после захода солнца, а иногда оставался без еды по два, по три дня. Трапеза его состояла из куска хлеба, посыпанного солью, а вода была единственным его напитком.

Он часто проводил ночи без сна, а если отдыхал, то ложился на землю, на тростник и на власяницу. Он лишал себя всякого послабления, облегчающего тело, и говорил, что люди в молодости должны закалять себя лишениями, а не искать удобств, которые их изнеживают. Он не думал о хороших делах, которые уже сделал, но думал всякий день лишь о том, чтобы подвинуться вперед на пути добродетели, как будто бы он только что начинал этот путь. Всегда он был готов к битве, ожидая внезапного нападения врага своей души. И всегда старался он предстоять Богу сердцем чистым и покорной волей.

Жажда еще большего уединения заставила его покинуть жилище и искать убежища в могилах, в одной из которых он заключился. Свою тайну он доверил лишь одному другу, который и носил ему пищу. Это было новое поле сражения, на котором демоны нападали на него открыто. Они боялись, что если они оставят его в покое, то люди последуют его примеру, и пустыня заселится вскоре отшельниками. Так на самом деле и произошло.

Однажды ночью они избили его столь жестоко, что его товарищ, придя на следующий день, нашел его без чувств и снес его, как труп, в сельскую церковь. Но когда Антоний пришел немного в себя, он упросил друга отнести его обратно в могилу, где, не будучи в силах стоять ^[1] из-за ран, он лежал распростертым на земле, но не переставал молиться и оказывать сопротивление врагам.

Такое мужество возбудило их Ярость. Они подали знак о себе ужаснейшим шумом, как будто хотели опрокинуть здание, и наполнили жилище Антония в образах львов, медведей, тигров, змей и других диких животных. Они хотели устрашить его своими криками и свистом и, бросаясь на него, чтобы как будто пожрать его, нанесли ему несколько ран: Среди этого смятения Антоний, несмотря на удары, которые ему наносили, сохранял спокойствие и обличал их в их же слабости.

«Если бы вы имели власть надо мной, — говорил он им, — одного из вас было бы достаточно,

чтобы меня сокрушить. Но Бог связал вас. Тщетно являетесь вы в столь великом числе, чтобы меня испугать. Не надо иного доказательства вашего бессилия, как этот образ неразумных животных, который вы на себя принимаете. Если Бог дал вам власть вредить мне, отчего не делаете вы этого? А если он не дал вам этой власти, зачем истощаетесь вы в тщетных усилиях? Знамение Христа и моя вера в Господа составляют для меня необоримую твердыню».

Так говорил он, и демоны, еще более разъяренные его презрением, скрежетали зубами, отчаяваясь победить его. Тогда преподобный поднял глаза к небу и призвал на помощь Иисуса Христа. И увидел тогда, как внезапно раскрылась крыша здания и осиял его Небесный Свет, разгоняя всех духов тьмы. Он почувствовал присутствие Спасителя своего, Который исцелил его духовным утешением. Антоний высказал Ему свои жалобы, с любовью и доверием ребенка.

— Где был Ты, Сладчайший Иисусе? Где был Ты? Зачем не пришел Ты раньше, чтобы исцелить мои раны?

Он услышал голос, который ему говорил: — Антоний, Я был около тебя и хотел созерцать тебя в битве, и так как ты мужественно сражался, то Я всегда буду помогать тебе и прославлю имя твое по всему миру.

Преподобный тотчас встал на молитву, как будто ничего с ним не произошло, и явственно почувствовал, что Бог дал ему силы, большие против прежних. Ему было тогда около 35 лет.

Дав пример такой выдающейся ревности, но сгорая желанием большего совершенства, он решил углубиться далее в пустыню, чтобы там на полной свободе отдаться порывам своего пламенного благочестия. Он открыл свое намерение своему праведному старцу, приглашая его вместе исполнить этот план. Но старец отказался из-за своих преклонных лет. И Антоний один удалился в горы.

Демон, который не переставал его преследовать, показал ему на дороге серебряный бассейн необыкновенных размеров. Он тотчас понял, что это вражеское искушение, и произнес уверенным голосом: «Это новая твоя уловка; но ты не помешаешь моему путешествию: да погибнет с тобой твое серебро». Итог-час бассейн исчез. Он нашел еще на пути большое количество настоящего золота и впоследствии, рассказывая об этом своим ученикам, уверял их, что это не было призрачное золото. Но он не только не остановился перед ним, но и еще ускорил свои шага. Жилище, предназначенное ему Богом в горах, было старым замком, в котором обитали змеи. Они уползли, чтобы уступить ему место. Он заключился в нем как в храме, который он освятил непрестанной молитвой. Его намерением было служить там в безусловном уединении, и он не позволял никому входить к нему. Каждые шесть месяцев он только получал несколько хлебов, которые ему бросали через крышу.

Демоны не оставляли его и тут в покое. Когда друзья приходили поговорить с ним сквозь стены, они слышали изнутри шум как будто от громадной толпы людей и яростные крики:

«К чему поселился ты в месте, которое тебе не принадлежит? Что делать тебе в этой пустыне? Уходи! Не думай, что сладишь с нами».

Посетители думали сперва, что то были люди, забравшиеся к нему при помощи лестницы и желавшие прогнать его из этого места, но, посмотрев в скважину и не видя никого, они поняли, что то были нечистые духи, и так испугались, что позвали Антония. Святой ответил им изнутри, ободряя их; он велел им вооружиться силой Креста и идти без страха.

Трудно было думать, чтобы он мог долго вынести такую жестокую борьбу. И всякий раз, как друзья приходили к нему, они не надеялись его застать живым. И как утешительно им было

слышать, что он воспеваает хвалу. Богу! Особенно любил он петь псалмы Давида:

«Да воскреснет Бог и расточатся врази Его и да бегат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога. Обышедше, обыдоша мя, и именем Господним противляхся им».

Такой жизнью прожил он около 20 лет, славя непрестанно Бога и борясь с силами ада. Наконец он должен был выйти из своего затвора, уступая просьбам многочисленных лиц, которые приходили, или для того, чтобы спастись под его руководством, или с просьбой о помощи в разнообразных обстоятельствах жизни. В первый раз, как он показался людям, они были удивлены, что видят его в том же состоянии здоровья, в каком он был до своего удаления в затвор. Он не похудел от своих долгих постов и постоянной борьбы с демонами. У него остались приветливые приемы, кроткий и тихий нрав; ясность его лица отражалась ясностью души; он не выражал ни нетерпения при виде окружавшей его толпы, ни тщеславного удовольствия при знаках внимания и уважения, которыми его окружали. Его всегда видели ровным, он во всех вещах выказывал ясное суждение, просветленное Божественным Духом.

Настала эпоха особой миссии в жизни святого Антония: он лишил города их обитателей и населил пустыни колониями святых. Они умножались под его руководством без числа. Его чудеса, добродетели, в которых он являл в себе геройский пример, его живая и действенная проповедь производили столь сильное впечатление на души людей, что, как замечает св. Иоанн Златоуст, пустыни Египта почувствовали тогда последствия того благословения, которое излил на эту землю Иисус Христос, посетив эту землю в младенчестве. Эти пустыни становились как бы раем, населенным бесчисленными ангелами, ибо поистине можно было дать такое имя этим отшельникам.

Преподобный не забывал ничего, чтобы доставить им успех в добродетели. Он ободрял их своими наставлениями, наблюдал за ними с неослабевающей заботой; в отдельности посещал их, даже тех, которые жили очень далеко, и его ревность не уменьшалась ни длиной, ни опасностью пути. Он относился ко всем как отец и поддерживал права на это имя безграничной сострадательностью.

Святитель Афанасий передает одну речь, которую Антоний сказал им однажды, когда они все были собраны вокруг его, и по этому прекрасному слову можно судить о других, сказанных при таких же обстоятельствах, но несохранных нам историей.

«Хотя Священного Писания достаточно нам, чтобы нам наставляться, — говорил он, — весьма полезно, чтобы мы воодушевляли друг друга духовными словами. И так как вы — мои дети, то в качестве детей отдавайте мне как отцу отчет в знаниях, которые вы приобрели в духовной жизни. И я, как старший для вас, должен говорить вам о том, что я узнал опытом».

После этого краткого введения, которое свидетельствует о любви Антония к ученикам, он распространяется о следующих истинах. Первая — это иметь одну лишь цель, именно: достижение совершенства и вечных венцов. А для этого следует никогда не ослабевать в своем намерении, не терять духа в трудах аскетизма, как бы кто долго уже ни предавался им, потому что время в сравнении с вечностью ничто. Самая долгая жизнь всегда очень коротка; и это малое количество годов, проведенных нами в строгой жизни, закончится великой и незаходимой славой.

Второе: надо убедить себя в том, что хотя, приступая к отшельнической жизни, человек много оставил, — все это ничтожно по сравнению с сокровищами будущей жизни; даже если сделаться обладателем всей земли, она вся перед обширностью неба, обладание которым нам

обещано, только точка. Таким образом, никто не должен гордиться тем, что ради веры многое покинул, или сожалеть о том тем более, что неизбежно Придется расстаться со всем в час смерти. Поэтому лучше сделать это добровольно при жизни, чтобы в сердце не осталось никакого пожелания, и предаться приобретению сокровищ добродетели, которые следуют за нами за пределы смерти и доставляют нам Царство Небесное.

Третье: надо проводить всякий день так, как будто это был последний день нашей жизни; это во многом помогает нам: и возвыситься над землей, и укрепить себя против разных искушений, и даже избежать грехов. Ибо предчувствие близкой смерти, следующего за ней Суда Божия, вечных мучений, назначенных грешникам, — все это весьма способно подавить в нас силу страстей и удержать нас, когда мы готовы впасть в грех.

Четвертое: не удивляться имени добродетели, как будто речь идет о каком-нибудь столь обыкновенном предмете, что для приобретения его не надо преодолевать непреодолимые трудности или искать ее в слишком отдаленных странах. Греки, правда, предпринимали долговременные путешествия для изучения наук. Но в этом не было необходимости для того, кто слышал Слово Христово: «Царствие Божие внутрь вас есть».

Преподобный распространяется затем относительно битв, которые демоны воздвигают против отшельников. Он говорит об их лукавстве и о том, как можно их сделать безвредными. Он показывает, как велика их хитрость и злоба на всех людей вообще и христиан в особенности, больше же всего на тех, которые вступают в иночество. Он показывает, как велико бессилие этих врагов Божиих и как мало их нужно бояться, даже тогда, когда они хотят проявить всю свою силу. Христос их связал, а знамя Христа для них невыносимо страшно.

Он прибавляет, что надо не обращать никакого внимания, когда они начинают делать предсказания, что надо остерегаться, когда они принимают облик Иисуса Христа или святых. Он указывает, как отличать добрых ангелов от злых, и дает правило, что вид благих ангелов не причиняет никакого смущения или, если их лишь сперва страшиться при их появлении, их милосердие так велико, что они уничтожают скоро этот страх. Их присутствие наполняет душу кротостью и покоем, радостью и доверием, и они возбуждают такую любовь к Божественному, что хотелось бы покинуть жизнь и последовать за ними в вечность.

Наоборот, появление злых духов наполняет ум тревогой. Они появляются с шумом, как молодые невоспитанные люди. Они внушают отвращение к отшельнической жизни. Они влагают в сердце тонкие нечистые пожелания, возбуждают отвращение к подвигам и колеблют в душе лучшие намерения.

«Наконец, — заключает он свое поучение, — когда посещают тебя видения, которые тебя изумляют, если страх перед ними исчезает вдруг и чувствуется радость, доверие и любовь к Богу, — это признак святости являющегося Духа. Если, наоборот, видишь призраки, которые представляют тебе мирские предметы или внушают сильный страх, то это искушение злых духов».

Он мог наставлять так своих учеников, как опытный человек, — он, вытерпевший столько преследований со стороны злых духов и так мужественно одолевший их оружием веры. Он много распространялся об этом предмете, потому что к этому времени пустыни стали как бы полями битв в той войне, которую демоны объявили пустынным, и он разоблачал своим ученикам различные демонские уловки, чтобы их закалить в борьбе против врага. Он также поверил им несколько искушений, которые он сам вытерпел. Из них видно, что демон не всегда нападал на него открыто, но то под видом пустынных, то под видом призрачного света, то под другими, менее на вид подозрительными формами, которые, быть может, обманули бы

всякого другого — менее, чем он, опытного — и которые он всегда умел различить, озаренный Божественным Духом. Это слово Антония произвело столь сильное впечатление на его учеников, что они были воодушевлены необыкновенным религиозным рвением. Но в то время, как он увещевал их стремиться вперед, его мудрость, равная его рвению, понуждала его также не терять из виду и самого себя. Он часто удалялся из их среды, чтобы наедине заниматься делом спасения души своей. И переходя последовательно от уединения к подвигам милосердия, он подкреплял себя уединенной молитвой и затем подавал людям от своего духовного изобилия.

Он узнал через явление ему одного небесного духа, какую жизнь он должен сам вести. Однажды, искушаемый духом уныния и терзаемый разными помыслами, он пожаловался Богу, что это смущение мешает его спасению, и просил Бога внушить ему, что ему делать. После этой молитвы он вышел из своей кельи и увидел колоду, совершенно на него похожую, как будто это был «другой он». Этот «он» сидел, занимаясь плетением циновок из пальмовых листьев; потом покидал работу, чтобы совершить молитву, после которой снова принимался за труд и затем снова покидал его, чтобы начать молитву. Это был Ангел, который явился к нему под этим образом и сказал, чтобы он действовал так же, так как тогда только будет спасен. Это наставление послужило ему правилом поведения. Он стал сообразоваться с ним, переходя последовательно от молитвы к ручному труду и от труда к молитве, хотя можно сказать, что он, собственно, никогда не прерывал молитвы, так как и ввремя работы всегда возвышал ум к Богу.

Обыкновенным занятием его после этого явления Ангела было плетение циновок. И все вообще отшельники много в этом упражнялись, так как, производя этот труд сидя, они могли легче сохранять внутреннюю сосредоточенность. Но он также иногда возделывал землю и работал в садах.

Мы уже видели, что он принимал пищу лишь после захода солнца. Он проводил время от времени по пяти дней без всякой пищи и после столь долгого поста довольствовался маленьким хлебом, который размачивал в соленой воде. Когда он состарился, ученики добились от него позволения приносить ему ежемесячно олив, зелени и масла.

Часто ему случалось проводить в молитве всю ночь; или, отдохнув до полуночи, он подымался и молился с воздетыми руками до восхода солнца или даже до трех часов вечера. Он находил столько радости в этом святом занятии, что, когда наступал день, он восклицал:

— Солнце, солнце, зачем встаешь ты развлекать меня своими лучами, как будто ты выплываешь только для того, чтобы скрыть от меня блеск Истинного Света!

Касьян, передающий эту черту из жизни Антония, прибавляет, что преподобный говорил: молитва инока несовершенна, когда, молясь, он чувствует и сознает сам, что молится. Это доказывает, насколько в своих молитвах Антоний поднимался выше чувств.

Сладость, которую он тогда испытывал, внушала ему такое равнодушие к заботам о плоти, что он смотрел на пищу и на питье как на грустную необходимость, которой он уступал с сожалением. Ему даже было стыдно чувствовать, что он не может совсем убить ее в себе. И иногда, готовясь сесть за стол с братией, он оставлял их или для того, чтобы вовсе ничего не есть, или чтобы принять пищу одному, смущаясь делать, это перед другими.

Все течение жизни его было сурово и трудолюбиво. Но это не мешало ему относиться очень снисходительно к другим, особенно относительно телесных подвигов, хотя он считал их весьма полезными. Он хотел, чтобы их принимали на себя с осторожностью, особенно молодые

отшельники; и говорил при этом, что если действовать без такой рассудительности и руководиться в назначении подвигов собственным мнением, они подвергаются опасности впасть, в прелесть. Во время одного совещания его с несколькими пустынными старцами был возбужден вопросе добродетели, наиболее способной предохранить пустытника от козней врага и наиболее верным путем довести его до совершенства. Одни говорили, что это — посты и бдение; другие — равнодушие ко всем предметам; третьи — удаление в глубь пустыни; наконец, четвертые утверждали, что это есть милосердие к ближнему. Выслушав всех их, преп. Антоний решил, что эта добродетель есть смиренная тайна своих подвигов.

«Хотя все добродетели, названные вами, — говорил он, — необходимы для тех, кто хочет приблизиться к Богу, однако, так как мы видели падения некоторых людей, обладавших этими добродетелями, то не можем сказать, чтобы в них заключался главный и безошибочный способ достичь цели. Мы часто видели пустытников, одних — строго соблюдавших пост, других — любителей уединения, третьих — подвижников полной нищеты, еще иных — которые всем сердцем предавались делам милосердия; и между тем они подвергались прелесть и тяжко падали, потому что не скрывали своих подвигов в добре, которое совершали».

В таком расположении духа он, хотя его аскетические подвиги и были очень велики, без зависти и без труда уступал в этих подвигах тем, которые подвижничали больше его. Главной его заботой было возрасти в любви к Богу. И в этом он стал настолько совершенным, что ему приписывают такое дивное слово: «Я больше не боюсь Бога, но я Его люблю». Он говорил эти слова не из ложного хвастовства, но в восторге любви и в бесхитростном порыве той горячей нежности к Богу, которой была объята его душа.

Он дал блистательные доказательства этой любви, когда император Максимин возобновил гонение на церковь. Желание выразить свою любовь к Христу повлекло преподобного в Александрию или для того, чтобы принять там мучение, или, по крайней мере, чтобы помочь исповедникам мужественно стоять за Христа. Он побуждал также других отшельников к тому же поступку и говорил им: «Пойдем на эту славную битву наших братьев, чтобы вынести ее вместе с ними, или, если нам не выпадет такого счастья, то чтобы быть зрителями их мужества». Несколько иноков присоединились к нему, и так как он не мог сам предать себя мучениям, то служил христианам, приговоренным к работам в шахтах или содержимым в тюрьмах, и следовал за ними, когда их вели к допросу, с неослабевающим рвением убеждая их стойко выносить пытки.

Судья, видя, насколько убеждения отшельников утверждали христиан в их вере, запретил им оставаться в городе. Не все исполнили это приказание, большая часть спряталась. Но Антоний на следующий день встал на возвышенное место, чтобы гонитель при своем проходе мог лучше заметить его.

Хотя тот и увидал Антония, однако Бог не попустил, чтобы его захватили, так как хранил его для выполнения Своих планов в уединении пустыни. Антоний продолжал служить мученикам до кончины святителя Петра, патриарха Александрийского, который был последним страдальцем в это гонение. И только тогда вернулся в свой монастырь, чтобы там предаться одному роду мучения, продолжительность которого делала его равным с пытками, которых ему не пришлось принять в Александрии.

С большим еще, чем прежде, рвением Антоний вернулся к своим аскетическим подвигам, возбуждая себя к ним памятью о муках святых, которых он только что был свидетелем. Он снова заключился, решив не выходить более и не принимать никого в месте своего уединения. Но он не мог помешать тому, чтобы к нему не шли со всех сторон. И Бог творил через него чудеса для тех, которые прибегали к помощи его молитв, хотя он и не показывался таким

людям и даже не говорил с ними.

Между прочим, один военачальник по имени Мартиниан, дочь которого была мучима дьяволом, пришел к нему и долго стучал у его дверей, заклиная его испросить у Бога ее избавление. Антоний не открыл ему и лишь сказал:

— Зачем приходишь ты нарушать мой покой? Я такой же человек, как и ты. Если имеешь веру, проси Бога, и Он даст тебе, что ты хочешь.

Мартиниан последовал его совету и, вернувшись домой, нашел дочь исцеленной.

Видя, что к нему постоянно обращаются с такими просьбами, и опасаясь настолько же помыслов тщеславия, насколько и нарушения своего безмолвия, он решил скрыться в Буколах в Верхней Фиваиде, где были лишь дикие люди, которые, он надеялся, не узнают его.

Пока он ожидал на берегу реки лодку, чтобы отправиться в путь, он услышал голос, который говорил ему: «Антоний, куда ты идешь и какое у тебя намерение?» Он, несколько не удивленный, отвечал: «Я хочу идти в Верхнюю Фиваиду, потому что здесь требуют от меня вещей, которые выше моих сил и не дают мне покоя». Голос ответил ему, что если он исполнит свое намерение, то ему станет еще тяжелее; если же он желает покоя, то пусть удалится в глубь пустыни и присоединится к нескольким арабам, которые идут в эту минуту мимо и которые укажут ему необходимый для него путь. Он исполнил это приказание и через три дня и три ночи ходьбы пришел на место, где Бог велел ему остаться до конца его дней.

Святой Иероним так описывает это место: «Это была каменистая гора приблизительно в тысячу шагов. Из подошвы ее проистекают воды, часть которых поглощается песком. Другая часть, падающая ниже, образует мало-помалу ручеек, на берегу которого растет много пальм, делающих это место и удобным, и приятным. Имя этой горы было Колзин, а впоследствии ее назвали горой святого Антония. Он понял, что это место определил ему Бог для жительства, и поселился на нем с тем большей радостью, что лишь арабы, с которыми он сюда пришел, узнали это место. Келья его была очень узка, протяжением не больше роста лежащего человека. В этой же горе были еще две других такой величины, высеченные на самой вершине в скале, куда можно было проникнуть с большим трудом. В одну из этих верхних келий святой удалялся, когда хотел совершенно удалиться от взглядов народа. Его убежище недолго оставалось неизвестным. Его духовные дети открыли его после долгих поисков и стали заботиться о доставлении ему хлеба. Но, желая избавить их от этого труда, он просил принести себе кирку, лопату и немного зерна, которым он и засеял небольшой клочок земли. Уродившаяся жатва была вполне достаточна для его прокормления, и он искренно радовался, что не причиняет более никому хлопот.»

Из жизни св. Илариона видно, что Антоний занимался там также другим трудом. Год спустя после его смерти этот святой посетил его жилище, и ученики Антония водили его по всем местам горы, объясняя ему: «Вот где он обыкновенно пел псалмы; вот где молился; вот где работал. Вот тут отдыхал, когда был усталым. Сам он насадил этот виноградник и эти деревца. Сам выкопал с великим усилием этот водоем, чтобы поливать свой сад».

Показывая св. Илариону этот сад, засаженный маленькими деревьями и полный овощей, они ему рассказывали, что три года назад дикие ослы, приходившие пить воду, опустошили этот сад. Тогда преподобный приказал первому из них остановиться и, ударив легонько его своим посохом, сказал ему: «Зачем едите вы то, что вы не сеяли?» И с этих пор эти животные уже не наносили ему более ущерба.

Не то было со злыми духами, которые более, чем когда-либо, наводнили это место, чтобы устроить подвижника или принудить его уйти. Заявляли они о своем присутствии великим шумом, смутным гулом голосов и как бы столкновением сражающихся людей. Иногда являлись они ему под видом диких животных.

Однажды во время молитвы они собрались под образом зверей вокруг него в таком множестве, будто ни одного зверя не осталось более в пустыне. Он понял, что это было лишь коварством демона, и сказал этим животным: «Если Бог дал вам власть вредить мне, я охотно соглашусь, чтобы вы пожрали меня, но, если вас привели сюда демоны, удалитесь, потому что я слуга Иисуса Христа».

Едва Антоний окончил свою речь, как они все обратились в бегство.

Как ни велико было желание подвижника жить в уединении, он все-таки должен был уступить настояниям своих иноков, которые приглашали его сойти с горы, чтобы посетить основанный им монастырь. В этот путь он отправился с некоторыми из своих учеников, и Бог указал чудом, что Он одобряет его поступок. Переход от его горы был далек. По дороге нельзя было найти воды, годной для питья, и воду везли за собой на верблюде. Посреди дороги запас воды вышел; чрезмерная жара, господствующая в этих местах, увеличивала палившую их жажду, и иноки были доведены до такой крайности, что пустили верблюдов, легли на землю и ожидали смерти. Святой старец, глубоко опечаленный положением иноков, отошел от них на некоторое расстояние и воздел руки к небу, чтобы вымолить помощи. Тогда Господь повелел явиться источнику в том самом месте, где молился святой. И иноки утолили свою жажду. Они наполнили водой свои пустые мехи из козьей кожи и нагрузили их на верблюда, которого они нашли остановившимся неподалеку.

Трудно выразить всю радость отшельников, к которым Антоний шел, когда они его увидели. Все они считали его за отца и настолько же любили его, насколько преклонялись перед его добродетелями. Они жадно воспринимали из уст его слова жизни, которые он им говорил, и речи его вызвали в них такое рвение подвижничества, что он был этим чрезвычайно утешен.

В это же путешествие он имел радость увидеть свою сестру, которая находилась во главе женской монашеской общины.

Вскоре Антоний вернулся на свою гору, где его продолжали посещать некоторые отшельники, а также и люди, постигнутые различными бедствиями. Иноков он поучал, а для несчастных он, всегда сострадательный к бедствиям, вымаливал от Бога чудесную помощь. Он исцелил Фронтана, одного царского родственника, от необыкновенной болезни, во время которой больной откусывал себе зубами язык. Потом Антоний возвратил здоровье одной девице, разбитой параличом.

При этом святой был настолько смиренен, что, когда Бог по своим неисповедимым путям не исполнял его молитв, он без ропота подчинялся Его святой воле и советовал это и другим или посылал их к другим пустынножителям, чтобы с их помощью получить от Бога то, чего не достигали они через него. Он считал себя гораздо ниже своих собратий и удивлялся, что люди приходят к нему, тогда как могли обращаться к этим ученикам.

Его убежище было не только местом чудес, оно было горой видений. И часто Бог давал ему там таинственные откровения. Таким сверхчувственным образом он узнал однажды, что из двух отшельников, шедших посетить его, один умер по дороге от жажды, а другой умрет, если он не поторопится послать учеников на помощь. Св. Антоний видел также душу Аммона Нитрийского возносящуюся на небо. И узнал через то минуту его смерти. Это было подтверждено месяц

спустя двумя отшельниками, пришедшими из Нитрии, где жил этот святой.

Евлогий Александрийский, пришедший к Антонию посоветоваться с ним о больном, за которым он ходил, удостоверился, что Бог открыл Антонию цель его прихода. В другие времена Бог давал ему наставления о разных духовных предметах путем видений, которыми он и делился на пользу своих ближних. Однажды во время молитвы он был восхищен духом. Ему казалось, что ангелы возносят его к Небу, а демоны мешают его проходу. Ангелы защищали его и спрашивали у демонов, имеют ли они какие-нибудь права на него. Они указывали на грехи, которые он сделал от своего рождения. Но ангелы отвечали, что Бог простил ему их и что нужно указать, чем можно упрекнуть его с того времени, как он начал монашескую жизнь. Они ничего не могли ответить, и путь на Небо оказался перед ним свободным. Придя в себя после этого видения, Антоний не подумал сесть за обычную трапезу. Он провел остальную часть дня и ночи в молитвах и столах, размышляя о том, как люты враги, противящиеся нашему спасению.

В другой раз он рассуждал с отшельниками о состоянии душ после смерти. Ион услышал в следующую ночь голос, говоривший ему: «Антоний, встань, выйди и смотри!» Он встал и увидел ужасный призрак, голова которого касалась туч и который распростирали свои руки, чтобы остановить тех, которые хотели подняться к небу. Относительно некоторых это ему удавалось, но другие ускользали от него и насмехались над его угрозами. Тот же голос, который позвал его, изрек: — Заметь хорошенько то, что ты видишь. В то же время Бог дал ему постичь смысл этого видения. Он понял, что призрак этот — демон, который старается препятствовать душам людей стремиться к небу, но все-таки бессилен против тех, кто не хочет покориться ему путем греха.

В другой раз во время молитвы Антоний увидел, что вся земля покрыта сетями. Когда он стал размышлять, кто же может избежать стольких соблазнов, то небесный голос ответил ему: — Смирная душа!

Чтобы укрепить его в смирении, столь необходимом для человека, отмеченного, как он, чудесными дарами. Бог показывал ему иногда выдающуюся добродетель каких-нибудь святых, которую Он хранил неведомой для всех людей. Так Он явил ему праведность Павла, первого отшельника, и праведность одного александрийского простолюдина, который ежедневно в приливе искреннего смирения говорил себе: «Все жители этого города исполняют свой долг и трудятся, чтобы стяжать Небо, а я один заслужил ад за грехи мои».

В жизни пустынных отцов можно видеть и другие примеры подобного рода.

Нельзя обойти молчанием знаменитое видение, бывшее Антонию относительно тех бед, которые ариане должны были причинить после его смерти в Александрии, — видения, переданного святителем Афанасием и св. Иоанном Златоустом и признанного во всем древнехристианском мире. Вот что рассказывает св. Афанасий.

Однажды Антоний вошел в религиозный экстаз и, долго находясь в этом положении, громко вздыхал. Спустя час, продолжая вздыхать, он повернулся к присутствующим и, весь дрожа, поднялся, чтобы снова молиться. Очень долго он оставался на коленях и наконец встал, проливая поток слез. Его ученики, охваченные страхом, так настоятельно просили его открыть им, что возвестил ему Бог, что он, не в силах противиться им, сказал: «О, дети, смерть бы мне казалась желаннее, чем быть свидетелем того, что сейчас открыл мне Бог». Он остановился на этих словах, и, так как ученики все упрашивали его, он, обливаясь обильными слезами, продолжал так: «Божий гнев должен пасть на Его святую церковь. Она будет предана людям, похожим по бесчеловечности на зверей. Я видел Престол Господень, окруженный мулами,

которые все опрокидывали ударами ног. И казалось, что эти удары наносило громадное множество скачущих и убивающих зверей. Я слышал голос, говоривший: «Мой алтарь будет осквернен».»

Это пророчество оправдалось. Два года спустя мир сделался свидетелем святотатства в храмах, произведенного арианами, и особенно в Александрии, когда ариане путем насилий возвели на кафедру этого города недостойного Григория Каппадокийского на место святителя Афанасия, которого они изгнали. В то время Филагор, префект Египта, посланный императором к Григорию для поддержки его, привлек на свою сторону язычников, евреев и беспутных людей и разослал их отрядами с оружием и палками против православных, собравшихся по церквам. Они бросились прежде всего в церковь, носившую имя Квирина, ограбили дев, посвященных Богу, гнусным образом обошлись с ними: топтали ногами монахов, из которых несколько человек умерло, других избили палками; иных продавали в рабство.

Язычники сбросили Святые Дары наземь, на Престоле принесли в жертву богам птиц и еловые шишки; изрыгали ужасные кощунства на Иисуса Христа. Они сожгли также священные книги. Некоторые вошли в крестильню и, раздеваясь донага, делали и говорили там безобразия, о которых непозволительно даже передать. Церковь осталась в добычу их ярости и корыстолюбия. Они унесли все, что могли найти, включая и вклады частных лиц, которые там хранились. Они выпили вино, назначенное для литургии, и разлили его; похитили масло, унесли двери и отделку стен, разбросали по полу светильники и зажгли церковные свечи в честь идолов. Никогда не было видно такой ярости, нечестия, бесчинства и ожесточения против Иисуса Христа и Его служителей.

Преподобный Антоний предсказал все эти несчастья своим ученикам, но он не хотел лишать их утешения узнать, чем кончится это испытание, и прибавил: «Все же, дети мои, не теряйте мужества. Если Господь ныне разгневан. Он еще сжалится над нами. Церковь вернет себе свое прежнее величие, и те, кто останется тверд в вере, будут с почестями восстановлены. Нечестие укроется во тьме пещер, откуда оно вышло, и вера распространится более, чем когда-либо. Что же касается до вас, берегитесь отравы ядом Ария. Его учение не только не идет от апостолов, но и имеет началом своим дьявола. Оно безумно, и те, кто поддерживает его, получили свое верное олицетворение в мулах, не имеющих ни ума, ни разума».

Так говорил великий Антоний своим ученикам в пылу ревности к истинной вере.

Вследствие этой самой ревности он ненавидел еретиков, он никогда не хотел иметь общения с ними, ни даже дружелюбно с ними разговаривать, заявляя, что дружба и общение с такими людьми составляет гибель души. Он с позором прогнал со своей горы ариан, которые осмелились туда прийти.

Некоторые последователи этой секты распустили слух, что он верует, как они. Преподобный, смирение которого вынесло бы молча всякую другую клевету, был изумлен их бесстыдством. Воспылав святым гневом против этой лжи, где слава Иисуса Христа была задета более, чем его собственная честь, он по приглашению православных епископов прибыл в Александрию и вступил с арианами в публичное прение, убеждая верующих не иметь с ними общения и говоря, что ариане ничем не отличаются от язычников и что они возбуждают против себя всю тварь, потому что принижают до своего уровня Того, Кто их сотворил. Его присутствие в этом самом городе произвело на народ чрезвычайное впечатление. Даже языческие жрецы шли в церковь и просили позволения поговорить с «Божий м человеком» — так его называли. Он совершил несколько чудес, и св. Афанасий утверждает, что в недолгий срок, какой он там оставался, обратилось к вере более неверующих, чем раньше обратилось за целый год.

Преподобный Антоний свиделся также со знаменитым слепцом Дидимом, который, потеряв зрение в возрасте четырех лет, стал, однако, глубоким ученым в области разных наук и был тогда весьма уважаем православным духовенством за чистоту своей веры. Антоний в задушевной беседе спросил его, сожалеет ли он о потере зрения. Дидиму было несколько стыдно в этом признаться. Но святой уговорил его признаться. Тогда Дидим ответил, что действительно страдает от сознания слепоты. Преп. Антоний на это заметил: «Удивляюсь, что человек настолько рассудительный, как ты, жалеешь глаз, которые мы имеем наравне с мухами, муравьями, и не радуешься вместо этого тому, что обладаешь светом апостолов и святых. Гораздо лучше, — прибавил Антоний, — иметь зрение духовное, чем телесное: эти духовные очи, не затемненные соблазнами греха, а не эти плотские очи, один нечистый взгляд которых может повергнуть человека в ад»

Антоний, исповедав столь блистательно в Александрии Божество Иисуса Христа, вернулся на свою гору. Здесь опять его стало осаждать множество народа. Его чудеса и добродетель привлекали такую толпу, что для облегчения пути по этой безводной пустыне один дьякон завел очень быстрых верблюдов, которые и перевозили без задержки лиц, направляющихся к святому отшельнику.

Хотя Антоний не изучал философии и мирских наук, его мудрость и живость его ума с избытком возмещали недостатки его образования; в особенности же помогали ему те чудесные озарения, в которых он черпал вечные истины. Поэтому языческая философия не могла одолеть его и была посрамлена его мудростью.

Два греческих философа испытали это на себе. Они пришли на его гору с намерением заставить его врасплох. Но он их узнал издали, вышел навстречу и сказал им: «Зачем, философы, вы приняли на себя столько труда, чтобы видеть безумца?» Они отвечали ему, что не считают его безумцем и что, наоборот, уверены в его мудрости. Но Антоний, предвидевший их ответ, извлек себе пользу из него и своим ответом совершенно их пристыдил.

— Если вы, — сказал он, — уверены, что я мудр, то вы должны подражать моей мудрости, потому что надо подражать тому, кого уважаешь. Если бы я пришел к вам, вы бы сочли себя вправе требовать, чтобы я последовал вашему примеру. А так как вы приходите ко мне, как к мудрому человеку, то ты должны последовать моему примеру и стать христианами.

История не говорит, был ли принят, так или иначе, этот спасительный совет. Но оба философа удивились тонкости ума подвижника.

Он также зажал рот нескольким софистам, которые осмелились при нем высмеивать почитания, которые мы оказываем Снятому Кресту.

— Что из двух, — сказал он им, между прочим, — более сообразно с разумом и с честью: поклоняться Кресту или, как вы делаете, приписывать вашим богам грехи любодеяния и отцеубийства? Крест, который мы почитаем, свидетельствует нам о самоотвержении Того, Кто на нем пострадал; но то, что вы приписываете вашим богам, это — несчастная совокупность всевозможных пороков. Еще ответьте мне: что считаете вы более разумным: утверждать ли, что Слово Божие, не теряя ничего из того, чем Оно было, пожелало принять нашу природу, чтобы сделать нас участниками небесной жизни, или приписывать Божественность змеям и другим животным, как вы это думаете?

Он продолжал свою речь в том же тоне и, укорив их в странности их учения, прибавил:

— Отчего вы, упрекающие нас за то, что Иисус Христос был распят, не удивляетесь Его

воскресению? Почему отделяете блеск Его чудес от унижения Его Креста? В книге, говорящей о Кресте, говорится и о другом, и если верить этому пункту, надо верить и другим.

Эти умозаключения, проведенные с такой силой, доводили софистов до того, что они не знали, что им отвечать. А святой, кротко улыбнувшись на их смущение и одушевляемый ревностью к Иисусу Христу, обратился к разбору их софизма. «Так как вы так много опираетесь на диалектику, — начал он, — то ответьте мне на мой вопрос: чему можно скорее верить, когда дело идет о познании Бога, — внушению ; веры или доводам ума?» Они ответили, что внушениям веры. «Вы правильно сказали, — отвечал он им, — и чтобы показать, как ваша вера могущественна, вот люди, одержимые бесами (несколько таких больных находилось перед ними во время разговора). Исцелите их, если можете, вашими силлогизмами. Если вы не можете этого сделать, а я сотворю верой во имя Иисуса Христа, то признайте бессилие ваших рассуждений и воздайте славу Христу, Которого вы осмелились презирать». Тогда он три раза перекрестил крестом этих бесноватых, призывая Иисуса Христа, и они были тотчас освобождены от злых духов.

Это чудо окончательно повергло философов в изумление, которое граничило со страхом. Тогда преподобный, сохраняя всегда свойственное ему смирение свое и относя ко Христу чудесные дары, которые послала ему благодать Божия, сказал им: «Не думайте, что я собственной силой избавил этих бесноватых. Я это сделал силой Христовой. И вы уверуете в Него и тогда узнаете, что не философия, но искренняя вера способна делать чудеса». Эти слова заставили философов еще более удивляться пустыннику. Они удалились, проникнутые благоговением к нему, и потом признавались, что путешествие их было не бесплодно.

Не один только народ почитал добродетель Антония. Его имя славилось и при дворах царских.

Так, однажды император Константин Великий и два его сына написали преподобному в выражениях сыновнего почитания письма и просили ответа, которого они с нетерпением ждали. Антоний хотел уклониться от ответного письма, но отшельники напомнили ему, что император — христианин, что, может быть, он обидится на его молчание. Тогда преподобный решил отвечать. В письме он выражал радость по поводу того обстоятельства, что император и его дети поклоняются Иисусу Христу, и увещевал не придавать царскому сану такого достоинства, за которым бы можно было забыть о своем человеческом происхождении. Он советовал им всюду быть кроткими и человеколюбивыми, оказывать всем правосудие, помогая бедным, и помнить, что Иисус Христос — Единственный и Истинный Царь.

По поводу писем, полученных от императора, преподобный сказал несколько слов и своим ученикам. Из этих слов видно, как мало трогали Антония мирские почести.

— Цари земные, — говорил он им, — писали нам, но какое значение имеет это для христианина? Хотя их достоинство и возвышает их над прочими людьми, но рождение и смерть делают их равными всем. Мы должны гораздо более проникаться удивлением, нежной любовью к Богу по поводу того, что Божественный Учитель послал нам письма законов, равных для всех людей, и вступил в сношения с нами через Своего Сына. Вот какие письма должны нас радовать!

Поведение преподобного Антония и в прочих отношениях показывало его полное пренебрежение к почестям этого мира. Богу угодно было прославлять его бесчисленными чудесами. Все — великие и малые земли, ученые и простолюдины — искали его, удивлялись и благоговели перед ним. Самые знаменитые личности его времени — святитель Афанасий Великий, Пахомий, св. Аммон Нитрийский, св. Иларион и столько же других — были или его учениками, или соединены с ним чувствами самой теплой приязни. Но он среди таких

выражений чрезвычайного отличия никогда не возносился в сердце своем ложным тщеславием. Он никогда не искал в людях и становился все более кротким, приветливым, милосердным и в особенности смиренным.

Он оказывал величайшее уважение лицам духовного сана, включительно до самых низших клириков. Перед епископами и священниками он смиренно преклонял голову и испрашивал у них благословения. Если кто-нибудь из них посещал его по какому-либо делу, то, удовлетворив его, он просил наставить его в духовных предметах, не стыдясь поучаться у посетителя и утверждая, что эти наставления весьма полезны и ему самому.

Его терпение было неиссякаемо. Мир его души выражался на его лице светлой кротостью и каким-то чудным отблеском, так что те, которые его никогда не видели, узнавали его с первого раза и легко бы узнали его среди прочей братии. Были три пустынножителя, которые ежегодно навещали его. Двое из них спрашивали у него совета для спасения своей души, третий не говорил никуда ни слова. Святой заметил это и спросил у него причины. «С меня, отец, довольно видеть тебя», — отвечал этот инок.

В ревности преподобного не было ничего резкого: он всегда был снисходителен, когда ожидал раскаяния. Один брат впал в одном монастыре в грех, и, когда на него слишком сурово напали, он отправился к преп. Антонию. Другие Последовали за ним и с жаром выставляли перед преподобным вину брата. Обвиняемый утверждал, что он невиноват. В обвинителях было в ту минуту менее чувства сострадания к брату, чем гордости и самовосхваления. Среди иноков находился один, св. Пафнутий, который, видя ожесточение обвинителей, сказал им такую притчу: «Я видел на берегу реки одного человека, который стоял в грязи по колена, но, благодаря людям, которые хотели протянуть ему руку, чтобы вытащить его, он увяз в грязи по шею». Преподобный Антоний с радостью выслушал слова Пафнутия и воскликнул: «Вот человек, который судит по истине и который способен наставлять людей ко спасению». Эти слова заставили опомниться не в меру усердных иноков. Они поняли свое неразумие и с кротостью повели изгнанного брата обратно в монастырь.

Другой монах из монастыря аввы Ильи был за некоторый поступок изгнан из обители. Он отправился к преподобному Антонию. Старец оставил его на некоторое время при себе, затем отправил обратно в монастырь. Иноки не только не приняли недавно ими изгнанного, но опять сейчас же его изгнали, и он принужден был вернуться к преподобному. Тогда Антоний написал этим инокам следующее: «Корабль, потерпев крушение и потеряв свой груз, пристал наконец к берегу после многих усилий, и хотя вы видите его в этом бедственном положении, вы хотите его погубить». Они поняли смысл слов преподобного и приняли обратно изгнанного инока.

Но если ревность Антония о Боге не отнимала у него кротости и снисходительности, то он умел также прибегать к строгости, когда того требовали религиозные интересы других. Один князь-арианин, по имени Балак, послужил в этом случае примером строгости Антония. Он преследовал православных с яростью, которая свойственна только еретикам и которая доходила до того, что он подвергал публичным истязаниям дев и иноков. Антоний ему написал: «Вижу над тобой гнев Божий. Перестань преследовать православных, иначе ты вскоре погибнешь лютой смертью».

Получив это письмо, Балак не только не умягчился, но разорвал письмо, бросил куски на землю и плюнул на них. Он оскорбил лиц, принесших письмо, и поступил с ними, как поступал с прочими иноками. Но Бог не замедлил смирить его дерзость. Спустя пять дней Балак вместе с губернатором Египта Нестором ехали верхом на лошадях. Лошади эти заартачились, и та, на которой ехал Нестор, хотя и была очень тихая, вскочила на Балака, сбила его на землю и жестоко его искоусала. Его перенесли в город, где он через два дня и умер.

Любовь преподобного к уединению не позволяла ему сходить с горы, за исключением лишь тех случаев, когда этого требовала любовь его к людям.. Для этого он отправлялся в свой монастырь Писпир, и чтобы не терять времени понапрасну, у него было условлено с одним из учеников его, Макарием, жившим в этом монастыре, чтобы он по приходе старца оповещал его о свойствах ожидавших его лиц, называя их именами египтян или иерусалимлян. Если Макарий говорил ему, что ожидавшие его беседы — египтяне, это означало, что им нельзя сообщать ничего важного. Преподобный тогда приказывал накормить их, произносил для них небольшое поучение и отпускал их; но если ожидавшие были люди высокого благочестия или должны были вести с ним разговоры о важных предметах, то Макарий называл их именем иерусалимлян, и тогда святой садился с ними и беседовал всю ночь о спасении души.

Один военачальник, восхищенный его беседой, хотел задержать его, когда он уходил, и умолял его остаться; но старец извинился и прибегнул при этом к такому сравнению: «Как рыбы гибнут, когда находятся слишком долго вне воды, так и отшельники, если остаются без достаточной причины довольно долго с мирянами, чувствуют, как никнет их благочестие в такой беседе. Поэтому мы должны так же поспешно возвращаться в наше уединение, как спешит рыба нырнуть в воду». Этот ответ привел военачальника в полное восхищение. Он признался, что Антоний, несомненно, истинный служитель Божий и что столь выдающаяся мудрость не может быть уделом необразованного человека, если она не будет вдохновлена Богом.

По тем уловкам, к которым прибегали, чтобы заставить св. Антония сойти с горы, можно заключить, что его отрывали от его кельи почти с насилием. Так поступили гражданские начальники и судьи, желавшие его видеть. Не будучи в состоянии дойти до его кельи — как потому, что ведущие туда тропинки были почти непроходимы, так и потому, что их свита была слишком многочисленна, — они послали к нему под конвоем солдат связанных преступников. Они надеялись, что из сострадания он решится сойти в Писпир, чтобы испросить их помилования, и они будут, таким образом, иметь возможность говорить с ним.

Итак, ничто не могло побудить преподобного расставаться с уединением, кроме дел христианского милосердия. В этом он являлся точным исполнителем предначертания Бога, Который послал его как; бы врачом всему Египту. Святой Афанасий говорит об этом так: «Под его влиянием многие из воинского звания, многие осыпанные дарами судьбы оставляли все, чтобы стать отшельниками. Несколько девиц, обрученных с женихами, отказывались от брака, чтобы посвятить свое девство Иисусу Христу. Кто, удрученный печалью, придя к нему, не уходил с сердцем утешенным? Какой бедняк, поговорив с ним, не становился настолько покорным Богу в своей нищете, что начинал презирать богатство? Какой юноша, имевший счастье посетить его на его горе, не исполнялся потом намерением отречься от мирского счастья, чтобы начать жизнь покаяния? Какой отшельник, ослабевший в своих подвигах, не чувствовал, как речь Антония воскрешает его ревность? Кто, наконец, имея ум, смущенный тревогой или искушаемый злыми духами, не находил у святого Антония покой души и избавление от искушения?»

Жизнь, украшенная столькими добродетелями, полная дел добра и столь богатая заслугами, должна была закончиться славной смертью. Эта смерть слишком прекрасна, чтобы можно было опустить ее малейшую подробность. И вот что передает о ней святитель Афанасий, верный жизнеописатель Антония.

Антоний недавно вернулся из поездки в Александрию. Зная через данное ему от Бога откровение, что его конец близок, он хотел еще раз посетить отшельников своего монастыря, чтобы сказать им последнее «прости». Собрав их вокруг себя, он говорил им так:

— Слушайте, дорогие дети, последнее наставление вашего отца. Никогда больше не увижу я вас в этой жизни. Я должен умереть. И это так естественно, ибо мне уже идет сто пятый год.

Отшельники прервали его на этих словах и с сердцем, переполненным горестью, бросились к нему на шею, испуская громкие вздохи и обливаясь слезами. Но он был полон радости и сиял каким-то святым ликованием, как будто ему предстояло покинуть чужбину, чтобы вернуться на родину. Он продолжал наставлять их и снова увещевал не ослабевать в подвиге, вести себя всякий день так, как будто то был последний день их жизни, хранить душу чистой от дурных помыслов, не иметь никакого общения с еретиками и арианами и не удивляться, что мирские власти сочувствуют этим нечестивцам, так как это был лишь временный успех, который скоро должен был кончиться; наконец, чтобы они пребывали крепкими в вере в Иисуса Христа и в предания святых отцов, которые они узнали из книг и его бесед.

После этих его слов братия стала умолять его, чтобы он пребывал до конца жизни своей с ними, но он отказал им по нескольким причинам. Главным образом он желал избежать тех почестей, которые в Египте воздавались телам людей, которых память почиталась.

После посещения монастыря он вернулся к своему обычному уединению, где в скором времени заболел. Он призвал тогда двух отшельников, последние пятнадцать лет служивших ему вследствие его старости, и сказал им: «Наконец, дорогие дети, настает час, когда, по выражению Писания, я вступаю на путь моих отцов. Чувствую, что Господь призывает меня. Сердце мое пылает желанием соединиться с Ним в Небе, а вас, возлюбленные мои, вас я заклинаю, не теряйте ослаблением подвигов плод трудов, которым вы так давно предаетесь. Внушайте себе ежедневно, что вы только что приступаете к духовному деланию, и тогда доброе изволение будет в вас ежедневно расти. Вы знаете, какое коварство употребляют демоны, чтобы нас погубить. Вы были свидетелями их ярости и в то же время их слабости. Неизменно любите Иисуса Христа, всецело Ему доверьтесь — и вы восторжествуете над их лукавством. Не забывайте никогда различных наставлений, которые вам давал я, но особенно помните, что всякий день вы можете умереть».

Он убеждал их, как и других отшельников, избегать еретиков. Затем дал им завет — не переносить его тела в Египет, а похоронить его в земле, чтобы никто, кроме этих двух учеников, не знал о месте его погребения. Он сделал распоряжение также относительно своей одежды. Великому епископу Афанасию он завещал отдать свою тунику и мантию, которую он получил от него новой и которая была теперь изношена, а этим двум ученикам, ходившим за ним в его последние годы, он завещал свою власяницу. Его прощальные слова были: «Прощайте, милые дети, ваш Антоний отходит, и его уже более нет с вами!»

Затем он дал с отцовской нежностью лобзание мира. Он тихо протянул ноги и весело смотрел в лицо смерти, выражая какую-то чудесную радость, словно он видел идущих к нему навстречу друзей. Можно предположить, что блаженные духи явились ему в эту минуту, чтобы сопровождать его в Небесное отечество. И так он предал дух Богу семнадцатого января, в день, в который египтяне, греки и латины празднуют его память, в год от Рождества Христова 356-й, на 105-м году своей жизни.

Его ученики, верные исполнители его последней воли, тайно погребли его тело и заботливо скрыли место его погребения. Епископы, которым были переданы его туника и его мантия, сохранили их как драгоценные сокровища. Когда они взирали на эти вещи, им казалось, что они видят самого великого Антония, и, надевая их, они переживали внутреннюю радость, как будто они были облечены его духом.

Святитель Афанасий замечает, что преподобный от юности до смерти был ревностен в

подвигах и в любви к уединению, что умаление сил его в старости не заставило его ни желать лучшей пищи, ни переменить одежды и что, однако, он до своей последней болезни пользовался совершенным здоровьем, что его зрение было всегда хорошо, что он был крепче людей, постоянно заботящихся о своем теле.

«Но что, — говорит тот же святитель, — еще более доказывает его добродетель, так это то обстоятельство, что, не совершив ничего в области науки, литературы и искусства, он тем не менее был окружен величайшей и всемирной славой. Простой человек, старавшийся всю свою жизнь скрываться, живший уединенно на пустынной горе в Фиваиде, он заставил своим благочестием говорить о себе с восторгом в Африке, в Константинополе, в Риме, в Галлии и Испании. Один рассказ о его праведности вел за собой множество обращений».

Вся древность воздала ему великолепные похвалы. Известно, что святитель Афанасий, как сильно ни был занят церковными делами величайшей важности, полагал, что он много послужит Славе Божией, описав жизнь Антония, и признается в своем труде, что все, им сказанное, ничтожно по сравнению с тем, что еще остается сказать.

Св. Иероним говорит, что Бог чудесно возвестил его кончину святому Илариону и что в тех местах небо три года не изливало дождя.

Замечательно описано в знаменитой «Исповеди» блаженного Августина то могучее впечатление, какое оказывал на людей рассказ о подвигах Антония. Августин находился в колебании и не решался бросить греховных привычек, чтобы начать духовную жизнь. К нему пришел один приятель и рассказал о недавно происшедшем событии, о котором много говорили в знатных кругах. Двое офицеров из свиты императора совершенно случайно прочли в одной монашеской книге несколько страниц жизнеописания Антония. И были так потрясены, что тут же решили проститься с миром, и остались иночествовать в том же монастыре. Этот рассказ так подействовал на Августина, что он, обернувшись к другу своему Алипию, воскликнул:

— А мы что делаем? Что думаешь ты о только что слышанном? Вот невежды завоевывают Небо; а мы со всем нашим знанием настолько глупы, что как бы зарылись в плоть и кровь. Неужели нам будет стыдно последовать их примеру, раз они опередили нас на пути к Богу, и не следует ли нам, наоборот, сгорать со стыда, что мы еще не пошли за ними?

Святитель Григорий Великий называет св. Антония не иначе, как Божественным Антонием. Иоанн Златоуст спрашивает своих слушателей читать его жизнь, чтобы поучиться у него истинной мудрости. Он говорит, что преподобный почти сравнялся славой с апостолами; что он примером показал то, что на словах завещал Христос, что он один уже составляет чудное доказательство истины религии. Наконец, благоговейное почитание преп. Антония целыми веками христианства достаточно доказывается именем Великий, которое ему дали за величие его подвигов.

IV. Монастыри и духовное учение преп. Антония

Какое-то особое сочувствие к себе вызывает то настроение единения и дружества, которое видим мы в подвижниках различных христианских доблестей. В жизнеописаниях святых вы часто встречаетесь с выражением: «...мученик (такой-то) и иже с ним».

«Иже с ним» — это люди, увлеченные примером святого: иногда его кровно близкие, семейные; иногда люди, находившиеся под его духовным влиянием, задолго до страдания обращенные им ко Христу; иногда же внезапно, по наитию благодати, потрясенные его

нравственной крепостью, взволнованные тем необъяснимым величием, какое дышит во всяком страдании за правду, отвергшие свои недавние заблуждения и с криками: «Я верую, я христианин» — принимавшие тут же в своей крови крещение во Христа и венец мученичества.

Такие же «иже с ним» бывали и у подвижников христианского иночества, являвшихся, таким образом, также предводителями целой рати мучеников — мучеников, потому что жизнь инока есть мученичество и, может быть, еще более трудная, чем та смерть за Христа, которую принимали вовремя гонений христианские страстотерпцы.

Пытки бывали обыкновенно непродолжительны, и в самых страданиях своих мученики были подкрепляемы драгоценным сознанием, что они всенародно исповедуют свою веру и этим исповеданием могут привлечь к Христу новых последователей. Они знали, что после нескольких часов или дней пыток последует сладость награды, и, определив себя на переход в блаженную вечность, могли смотреть на тело, подвергавшееся всей утонченности пыток, как на чужое. Наконец, самая их гибель происходила большей частью в необыкновенно прекрасной обстановке.

Представьте себе блеск южного неба, мраморные уступы великолепного амфитеатра, заполненные несметной нарядной толпой, сошедшейся смотреть на торжественную казнь мученика. Вот его вывели. Сколько взоров жадно глядит на него, враждебных и сочувственных! Родные, знакомые, привязанность которых составляла, быть может, так недавно столь значительную часть его жизни и которых всех он оставил, отдав все до единой силы души единому Христу...

Есть какое-то нравственное удовлетворение в том, чтобы погибнуть за новую свою веру перед людьми, когда-то близкими, как бы своей гибелью бросая им завет уверовать в то, во что уверовал сам.

И вот он стоит со светлым лицом, с улыбкой того счастья, от которого отделен всего несколькими торжественными минутами и которое больше его никогда не покинет; стоит, предчувствуя, что сейчас увидит то, о чем мечтает всякая верующая душа, увидит лицом к лицу страшный Престол Господа Славы. И, как ни мало в эти минуты он присутствует на земле, он не может смутно не сознавать, насколько охвачено им все это народное множество, какая громадная работа возбуждена им в душах многих из зрителей, которые, быть может, готовы воскликнуть: «И я христианин!...»

Вот смерть, вожденная для всякого верующего человека. Не то подвиг преподобного. Оторваться от привычной жизни, задавить в себе все привязанности, стать живым мертвецом, уйти в чужие места; ежедневно, ежечасно, ежеминутно бороться со своей природой, идя ей во всем наперекор, и такую жизнь вести в продолжение месяцев, годов, десятков лет — какую громаду любви к Богу и какую силу христианского упования надо иметь, чтобы не ослабеть в этом подвиге и терпеливо донести это тяжкое иго к ногам Подвигоположника Иисуса!

И вот идеальное начало в душе человеческой настолько сильно, что великие иноки, сораспявшиеся Христу, всегда находили последователей, имели учеников. Как ни бежал известности отшельник, люди стремились стать под его руководство. И помимо его воли ему приходилось делаться начальником обширных обителей.

Само собой понятно, что у такого великого инока, каким явился отец монашества преподобный Антоний Великий, не могло не быть духовного потомства.

Бог избрал его как бы для того, чтобы заселить пустыни монахами и сделаться патриархом

иноков.

Но раньше ему пришлось втайне поработать над укреплением в себе добродетелей и одолеть искушения мира, плоти и дьявола, чтобы стать вполне духовным человеком, во всеоружии великой опытности, необходимой для его служения.

Действительно, он прошел по всем ступеням, на которых мог выработаться прекрасный духовный руководитель. Сперва жил он в качестве ученика под руководством старца, чтобы научиться быть учителем. Он жил долгое время в безвестности, чтобы слава впоследствии его не смущала. Он испытал великие искушения, чтобы помогать искушаемым. Таков был Антоний, когда вышел из старого замка, где провел двадцать лет в вольном заключении, молясь, борясь и подвижничая, чтобы показать нам этим мудрым поведением, что не должно никогда поспешно браться за руководство других и что это страшное служение требует, чтобы к нему свято подготовились.

Ко времени выхода его из этого старого замка должно отнести основание его монастырей, появление его учеников и начало тех наставлений, которые он им давал. Его добродетели, чудеса, сила его слова влекли к нему слушателей и учеников со всех сторон, и тут под его руководством стало образовываться знаменитое сословие иноков, число которых впоследствии настолько увеличилось, что, по словам церковного писателя Руфина, в пустынях было столько же жителей, как в городах.

Первые его ученики селились в окрестностях этого замка, в пустынях, расположенных между Мемфисом, Арсиной, Вавилоном и Афродитой, по обе стороны Нила. Отшельники эти жили так или по несколько вместе, образуя род общин или уединяясь в пещерах в качестве отшельников. Всеми руководил Великий Антоний, и под его руководством плоды их жизни были столь обильны и чудесны, что святитель Афанасий говорит о них с живым восторгом.

«В горах, — пишет этот великий учитель церкви, — были монастыри, представлявшие как бы храмы, наполненные дивными ликами людей, которых жизнь проходила в пении псалмов, в чтении молитв, постах и бдениях, которые полагали все свои надежды в будущих благах; которые жили в чудном единении и любви и трудились своими руками гораздо менее для себя, чем для бедных. Это было какой-то обширной областью, совершенно отделенной от мира, счастливые жители которой не имели другой заботы, кроме упражнения в благочестии».

Кто мог смотреть на это громадное множество иноков, на их братское единение, на их чудное согласие, которое изгоняло из их среды всякий ропот и злоречие и заставляло их единодушно стремиться к добродетели, кто мог видеть все это и не воскликнуть: «Как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль! Расстилаются они, как долины, как сады при реке, как алойные деревья, насаженные Господом, как кедры при водах» (Числ. гл. 24).

Так восхваляет святитель Афанасий первые монастыри преп. Антония.

Эти монастыри он называет внешними. Дело в том, что после их основания преподобный задумал уединиться в глубь пустыни, чтобы жить там далее от людского общества. Он ушел на самую отдаленную гору, на которой и кончил свою жизнь. Некоторые из его учеников, узнав об этом месте его уединения, постарались приблизиться к нему, насколько он им позволял, чтобы легче пользоваться его наставлениями. Это именно и послужило поводом к основанию монастыря Писпир, который преподобный посещал довольно часто.

Этот монастырь находился недалеко от Нила или даже, может быть, на берегу Нила и отстоял в тридцати милях от горы преподобного, которая в свою очередь была отделена лишь днем

пути к востоку от Красного моря. Макарий и Амафий, ученики преподобного, которым пришлось похоронить его, жили в этом монастыре Писпир раньше, чем они перешли служить к преподобному из-за его крайней старости. В этом месте образовалась община не менее многочисленная, чем в пустынях по ту сторону Нила, так как передают, что по смерти святого патриарха египетского иночества у Макария находились там под руководством пять тысяч иноков, кельи которых были расположены между рекой и горами, на одной из которых почил преподобный.

Так как Писпир находился близко к горе преподобного, то он и приходил туда чаще, между тем как прочие, более отдаленные монастыри он посещал лишь изредка ввиду трудности пути по обширным и бесплодным пустыням, которыми эти монастыри отделялись один от другого.

Именно: от преподобного до более отдаленных его монастырей было пути не менее трех дней и трех ночей.

Но если он не мог посещать своих первых учеников так же часто, как иноков Писпира, он не покидал их своей заботой. Или они к нему приходили, или он им писал по разным случаям. Из свидетельства святого Иеронима достоверно известно, что он писал разным монастырям, и, между прочим, инокам Арсиной, письма, отмеченные Апостольским духом.

В монастыре Писпир преп. Антоний принимал мирян. Лица, желавшие с ним говорить, отправлялись туда и ждали, пока он сойдет туда со своей горы, как делал он это или в известные определенные дни, или когда Бог внушал ему это. Святитель Афанасий упоминает, что Господь часто возвещал преп. Антонию, кто к нему пришел и по какому поводу. Однако это бывало не всегда. Часто о приходе он справлялся у Макария, на попечении которого были приезжие и который был монастырским экономом, кто к нему прибыл и имеет ли до него важное или пустяшное дело.

Это подтверждается случаем с Евлогием Александрийским, о котором рассказывал в старости Крон, священник Нитрийской церкви. «Когда я был молод, — говорит он, — и пришел однажды в приречный монастырь по имени Писпир, где жили ученики преп. Антония Амафий и Макарий, то я прождал пять дней, чтобы увидеть преподобного. Говорят, что он бывал там иногда через десять, а иногда через двадцать дней, как возвещал ему Бог для пользы его посетителей. Нас сошлось тогда несколько иноков, всякий по своим личным делам. Между нами был один Евлогий из Александрии, имевший при себе несчастного прокаженного, за которым он ходил».

В этом именно монастыре преподобный победил в споре философов и софистов, которых привело к нему любопытство и желание смутить его своими вопросами. Тут он увещевал судей и лиц начальственных быть правосудными одинаково для всех. Отсюда он писал императору и здесь совершил наибольшее количество своих чудес.

Из всего этого можно заключить, что необходимо для уяснения себе расположения монастырей преп. Антония различать две пустыни и две горы и по ним два рода монастырей.

Первая пустыня, определяющая положение первых монастырей, окружала гору, на которой стоял старый замок, и находилась между Мемфисом, Арсиной, Вавилоном и Афродитой. Эта первая пустыня отстояла в трех днях пути от отдаленной горы, где умер преподобный и окрестности которой вплоть до Нила составляли вторую пустыню.

Иноки первой пустыни необыкновенно умножились в последующие времена. Руфин говорит, упоминая о жившем там св. Серапионе, что он был начальником десяти тысяч монахов и что

количество тех, которые жили в пустынях Мемфиса и Вавилона, было почти неисчислимо. Уже было указано, что во второй пустыне преп. Макарий после кончины преп. Антония имел под руководством пять тысяч иноков. И это была, однако, лишь часть насельников этой местности. Так, в то же время Питирион, заступивший место Амафия на самой горе преп. Антония, начальствовал там также над разными иноками, жившими в пещерах. А пещер таких в этой горе было много, так как из нее в давнее время извлекли множество камней для построения знаменитых египетских пирамид.

Инокам именно этой первой пустыни преп. Антоний сказал прекрасное слово, сохраненное в писаниях святителя Афанасия и приведенное в описании жизни святого. Но он находился в своей второй пустыне и, очевидно, в монастыре Писпир, когда он дал инокам следующее наставление.

— Имейте, — говорил он им, — твердую веру в Иисуса Христа. Храните полную чистоту мыслей и тела. Не следуйте приманкам жадности, храните себя от тщеславия. Часто молитесь. Пойте псалмы вечером, утром и в полдень. Вспоминайте предписания Евангелия. Вспоминайте о делах святых, чтобы их пример вдохновил вас к деланию добродетели и к искоренению пороков.

Он прибавлял также, что надо часто со вниманием думать о словах апостола Павла: «Да не зайдет солнце во гневе вашем» — и это правило распространял не только на всевозможные ссоры, но и на грехи. Он уговаривал их тщательно испытывать свою совесть и всякий вечер обдумывать, как они провели день и ночь, чтобы, если окажутся виновными в чем-либо, не впадать в тот же грех, а если не сделали ничего дурного, то стремиться самим вперед и никак не презирать или осуждать других.

Предостерегал он их и от того, чтобы произносить суд над ближним, и приводил слова Апостола Павла: «Не судите раньше времени, но ждите пришествия Иисуса Христа, Который Один знает все сокровенное».

— Есть, — говорил он, — пути, кажущиеся добрыми и ведущие, однако, к вечной гибели. Часто мы ошибаемся, произнося свое осуждение и забывая о своих собственных грехах. Но Суд Божий иной. Он не судит по наружности и проникает в тайны сердца. Вот почему мы должны предоставить все Его Суду, а сами сокрушаться о грехах наших ближних и сносить их недостатки, судя всегда лишь нашу совесть.

Наконец, он преподавал весьма полезный практический совет. Он сказал, что прекрасное средство для того, чтобы возрасти в добродетелях, это наблюдать за всеми своими действиями и тайными мыслями, как будто нужно было отдать во всем этом отчет перед братьями. Одна мысль, что придется рассказывать о своих грехах другому, способна помешать привести это намерение в исполнение. Страх и смущение служат в этом случае как бы задерживающей нас уздой.

Сохранились еще разные изречения преп. Антония. Вот некоторые из них...

Об отречении от мира

Один инок говорил однажды преп. Антонию, что, по его мнению, больше заслуги подвизаться в добродетелях в миру, чем в пустыне. Преподобный спросил его, где он живет. Он ответил, что находится при родителях и, получая от них все содержание, он тем избавлен от всяких мирских забот и может свободно предаваться чтению и молитве. «Но, сын мой, — возразил ему преподобный, — когда с твоими родителями случается неприятность, разве она тебя не

огорчает? И, если они имеют причину радоваться, не разделяешь ли ты с ними эту радость?» «Да, — отвечал инок, — и меня задевает все, с ними происходящее, и дурное, и хорошее». «Так знай, — отвечал ему святой старец, — что и в будущей жизни ты будешь поставлен в ряду тех, с кем ты делил радость и горе».

«Но, — продолжал преподобный, — это не единственное неблагоприятное условие того состояния равнодушия и лени, в котором ты живешь, и весьма неблагоприятное обстоятельство, так как оно заставляет твою душу изменять настроение сообразно тому, что происходит с твоими родителями и постоянно приковывает твою душу к земле. Дальнейшее зло заключается в том, что, доставляя тебе, чем жить, они лишают тебя плодов награды твоего труда и мешают тебе исполнять правила преп. Павла, который заповедует питаться трудами своих рук.

Вот отчего, хотя бы мы и могли иметь такую же помощь от наших родителей, мы предпочли бедность, в которой живем, всяким богатствам. И мы предпочли лучше зарабатывать хлеб насущный в поте лица, чем пользоваться даровой помощью наших родных. И мы ценим гораздо выше нашу тяжкую и полную трудов бедность, чем эти бесплодные и ничего не приносящие чтения, о которых ты говоришь.

Неужели мы не последовали бы твоему образу Жизни, если бы пример) апостолов и заветы наших предшественников доказали нам, что такой образ жизни полезнее? Уверю тебя, что эта неправильность в твоей жизни не менее значительна, чем та, на которую я тебе указывал. Если, будучи сильным и могущественным, как ты, ты живешь помощью других, что позволительно лишь лицам слабым, то ты ничем не отличаешься от людей, живущих на счет других, тогда как истинные монахи, по завету апостолов, должны жить трудами своих рук».

Вот чрезвычайно важный отзыв одного из величайших иноков христианства об обиходе монашеской жизни. Им произнесено безусловное осуждение всякому иноку, который, имея силы работать, не кормит себя трудом своих рук и питается мирским подаванием. Нужно признаться, что если иночество утратило свое некогда громадное влияние на мир, то это потому, что оно вырождается. Где встретим мы людей, которые, оставив, как отцы египетских пустынь, богатые наследства, проводят жизнь в великой нищете, кормя себя горстью фиников или кусками хлеба, приобретаемыми на те гроши, которые выручат от продажи своего несложного рукоделия?

Великий Антоний без всяких ограничений высказывает мысль, что даже жизнь, посвященная высокому созерцанию, и та не оправдывает существования на чужой счет. Что же сказать о тех иноках, в которых иноческого ничего нет, а есть лишь обычные мирские немощи?

Монастырь может вернуть себе утраченное влияние на общество лишь тогда, когда сделается, как те заветные монастыри, собранием «земных ангелов и Небесных человеков». А один из первых признаков таких людей есть полное бескорыстие, которым далеко не отличаются поколения иноков за последние века... Во всяком случае, слово преподобного Антония необыкновенно ярко и характерно освещает многое в сложном вопросе о современном иночестве.

О покаянии

Один инок спросил у преподобного, что ему делать, чтобы получить прощение грехов.

Преп. Антоний ответил ему, что надо плакать и вздыхать о грехах, так как слезы покаяния освобождают нас от пороков и способствуют приобретению добродетели. Мы видим, что

псалмы изобилуют этими святыми вздохами и что царь Иезекия был исцелен от своей болезни и получил, кроме того, победу над врагами ценой слез покаяния. Ради них также Апостол Петр получил прощение за свое троекратное отречение от Христа, и Мария, плакавшая у ног Иисуса, услышала из Его уст, что она избрала благую участь.

Преподобный сказал также: «Одно из лучших дел, которое может совершить человек, это — искренно сознать свои вины перед Богом и до конца своих дней быть готовым к искушению».

О терпении

Несколько иноков хвалили преподобному одного монаха. Когда этот монах посетил преподобного, тот, желая удостовериться, верно ли то, что ему рассказывали о его добродетелях, стал испытывать его смирение. Тот не выдержал испытания, и тогда преподобный сказал ему: «Ты похож на дом, у которого прекрасный фасад, но который воры обокрали, забравшись сзади».

Пришли как-то к преподобному несколько иноков, прося его дать им совет для спасения души. Он им сказал: «Вы ведь знаете, чему учит нас Христос в Евангелии. Этого для нас достаточно».

Но, так как они продолжали настаивать на том, чтобы он преподавал им какое-нибудь наставление, он им сказал: «Исполняйте, что заповедал Спаситель: «Если ударят тебя в правую щеку, подставь левую».» Они ответили, что не имеют достаточно сил для того.

«Если, — возразил им преподобный, — у вас не хватает мужества подставить им другую щеку, то выносите терпеливо, когда вас ударяют». Они опять ответили, что и этого не могут стерпеть.

«Если и этого вы не можете сделать, — продолжал он, — то, по крайней мере, не воздавайте злом за зло». Они объявили, что и это сверх их сил. Тогда преподобный, обернувшись к своему ученику, сказал ему: «Пойди, приготовь им чего-нибудь поесть: я вижу, что они весьма слабы». А им сказал: «Если вы не можете исполнить ничего из сказанного мной, то что же сказать мне вам еще? Вы скорее нуждаетесь в молитвах, которые бы помогли вашей слабости, чем в каких-нибудь советах».

Один брат спросил у него, что ему делать, чтобы стать угодным Богу. Он ответил: «Соблюдай три вещи. Первое — где бы ты ни был, помышляй о присутствии Божием. Второе — когда работаешь, питай твой ум размышлением над словами Св. Писания. Третье — не меняй легко места жительства, но с терпением оставайся на том, которое раз избрал».

Об искушениях

Антоний говорил, что тот, кто живет в пустыне, избавлен от трех родов искушений: искушения слуха, языка и глаз; и что ему предстоит бороться лишь против сердечных нечистых движений. Он говорил еще, что Бог не попустил некоторым его современникам подвергнуться сильным искушениям, так как они были слишком слабы. Он говорил также: «Никто не может сказать, что вошел в Царствие Божие, не пройдя через искушения».

О чувстве меры в иноческих подвигах он говорил так:

«Некоторые монахи, чересчур истощив себя постом и воздержанием чрезмерными, удалились от Бога, так как не соблюли чувства меры».

Один охотник видел преподобного говорящим с большой веселостью с иноками и был этим очень изумлен. Преподобный понял его мысль и сказал ему: «Возьми стрелу и натяни лук».

Охотник сделал это. Преподобный сказал: «Натяни туже». Он опять исполнил приказание. Преподобный велел ему в третий раз натянуть еще туже. И тут он исполнил приказание. Но объявил, что если преподобный потребует от него, чтобы он натягивал лук дальше, то лук переломится. На его слова преподобный ответил: «То же самое нужно иметь в виду в деле (служения Богу. Дух не вынесет, если его напрягать выше меры. Иногда от слишком больших напряжений надо давать ему отдых».

О воздержании он сказал однажды своим ученикам:

«Уступайте лишь с трудом требованиям тела. Подавляйте вожеления. Отвращайтесь от тщеславия. Ведите себя, как будто вы живете не в этом мире, и вы найдете мир».

Он говорил еще: «Инок, который, поработав некоторое время, прекращает свой подвиг и снова впадает в нерадение, — ленивый и неключивый раб и не может рассчитывать на награду для тех, которые упорно трудились».

О чистоте намерений он высказал своему ученику такое правило: «Когда ты сохраняешь молчание, не думай, что ты тем совершаешь подвиг; но убеждай себя лучше, что ты недостойн говорить».

Он говорил часто, что, как лошадь, вертящая колесо мельницы, съела бы зерно, которое туда кладут, если бы ей не завязывали глаз, точно так же Господь скрывает от нас иногда по своему милосердию добро, которое мы делаем. Иначе мы, видя это добро, стали бы считать себя лучшими, чем мы в действительности, и наше самолюбие уничтожило бы цену наших добрых дел.

О послушании он говорил: «Послушание и воздержание столь могущественны, что они могут покорить пустынною самых диких животных».

О вреде самочиния он высказывался так: «Знал я иноков, которые подвергались великим падениям после долговременных трудов. И это несчастье с ними случалось или потому, что они слишком полагались на свои добрые дела, или не следовали этому важному совету Писания: «Вопроси Отца своего, и Он возвестит тебе, что тебе делать».

Одним из его правил было, что монах, ищущий совершенства, не должен ставить себе примером для подражания одного только инока, как будто он мог найти в нем совершенство всех добродетелей, тогда как один силен духовным рассуждением, другой молчанием, третий смирением, четвертый воздержанием, пятый простотой или другой какой-нибудь свойственной ему добродетелью. Но, как трудолюбивая пчела образует свой мед из всех соков, которые она собирает на различных цветах, так и инок должен брать от всякого инока, которого видит, пример в добродетели, которой тот отличается, чтобы образовать в своей душе, так сказать, мед совершенства.

О любви к ближнему он говорил: «Наша жизнь, наша духовная смерть зависят некоторым образом от нашего ближнего. Если мы привлекаем его к Богу, мы сами привлекаем к себе Бога; если же, наоборот, мы вредим ему, мы грешим тем против Иисуса Христа».

Один брат сказал ему: «Отче, помолись за меня Богу». Он ему ответил: «Я не могу заботиться о тебе, и Бог даже не будет этого делать, если со своей стороны ты не будешь заботиться о своем духовном благе и не будешь просить об этом Господа».

Он часто также говорил: «Святые отцы, которые жили раньше нас в пустыне, выходили из нее или брались за исцеление духовных немощей других только тогда, когда сами от них

исцелялись и становились собственным опытом прекрасными врачами душ. А мы, удаляясь в пустыню, желаем исцелять других раньше, чем исцелимся сами. И от этого мы всегда немощны и недуги наши скорее растут, чем убавляются. И нельзя ли нам сказать: «Врач, исцелись сам, прежде чем думать об излечении других.»»

Наконец он говорил: «Соблюдайте себя всегда в страхе Господнем. Помните, что Он мертвит и животворит; ненавидьте мир и то, что в мире. Ненавидьте также покой телесный. Отрекайтесь от этой жизни, чтобы жить лишь для Бога, не забывайте никогда, что вы Ему обещали, потому что Он потребует у вас в этом отчета. Переносите добровольно голод, жажду, наготу. Бодрствуйте, молитесь, плачьте, вздыхайте, стенайте в глубине сердца вашего; наблюдайте постоянно за собой, чтобы знать, достойны ли вы Бога, презирайте плоть, чтобы спасти душу».

Кроме этих изречений, передаваемых разными церковными историками, до нас дошло еще иноческое правило, которое носит имя «правило преподобного Антония Великого».

В нем святой заповедует монахам: 1) Не ослабевать никогда в молитве и точно совершать ее в определенные часы. 2) Сохранять всегда чувство сокрушения и раскаяния в грехах. 3) Находиться постоянно в келье и заниматься там или ручным трудом, или молитвой. 4) Совершать ночью келейную молитву, прежде чем идти в церковь. 5) Избегать церквей, где большое стечение народа; не навещать мирян, не ходить одним в город, когда есть необходимая нужда туда отправиться. 6) Не есть раньше третьего часа дня за исключением субботы и воскресенья; строго соблюдать пост в среду и в пятницу, никогда не нарушая этого поста, иначе как в случае сильной болезни, и никогда не есть мяса. 7) Быть воздержанными за трапезой, молиться до и после нее, не участвовать в пирах, мало спать, не скидывать ни днем, ни ночью туники. 8) Постоянно стремиться к самоотвержению и смирению себя, а для этого заставлять себя просить прощения, как только перед кем провинился. 9) Не поддерживать с гордостью своих мыслей, не считать себя умнее других, не спорить, никого ни в чем не упрекать, особенно же тех, которые находятся в горе и неприятностях; навещать монастырских больных и помогать им; принимать братию с приветливым лицом и с сердечной любовью. 10) Одеваться просто, довольствоваться необходимым, не любить показной стороны, быть скромным и сдержанным, особенно за трапезой и в пути. Если путешествует несколько иноков, держаться на некотором расстоянии один от другого, чтобы легче соблюдать молчание творя молитву и не позволяя взору бегать по сторонам. Наконец, любить труд, не роптать в работе; спрашивать у старцев, как себя вести, и не предпринимать ничего без разрешения настоятеля монастыря.

V. Ученики преп. Антония

Если давать это имя всем тем, которые обращались к преподобному за духовными советами или которые взяли его за образец себе, то можно сказать, что таких учеников было столько же, сколько вообще было монахов в Египте, Сирии и Палестине.

Об этом свидетельствует один церковный писатель. «Преподобный Антоний, — говорит он, — имел великое множество учеников, которые все выделялись своими добродетелями. Одни из них процвели в Египте и Ливии, другие в Палестине, Сирии и Аравии».

Их можно разделить на три главные группы. Те, которые жили около него в Фиваиде и находились обыкновенно под его руководством, известнейшие из которых суть: Сармат, Амафий, Макарий, Исаакий, Пелузий, Питирион, Иосиф, Пафнутий, особенно же преподобный Павел, названный Препростым.

Далее те, которые рассеяны по прочему Египту, особенно в пустынях Нитрии и Скита. К ним

принадлежали оба знаменитых Макария, Египетский и Александрийский, Исидор, Гераклид, Тамва, Пиор и другие.

Третья группа составляется из иноков, удалившихся из Египта; к этим лицам принадлежит преподобный Иларион Великий.

Но нужно сказать, что в его время не было в пустынях человека выдающейся святости, с которым бы он не был связан узами истинной любви.

Большинство дошедших о его учениках сведений относятся к тем, которые жили вне Фиваиды. Что же касается до других, то за исключением Павла Препростого история передала нам лишь весьма краткие данные.

О Сармате известно, что он жил в монастыре Писпир и что после смерти преподобного Антония сарацины сделали набег на этот монастырь и предали Сармата смерти.

От него сохранилось следующее весьма глубокое изречение: «Я ценю гораздо больше грешника, который считает себя грешным и стремится к покаянию, чем человека, который, не сделав больших преступлений, тем не менее считает себя праведником».

Один инок объявил ему, что ему часто приходит мысль выйти из кельи для посещения других братьев, и спросил его, может ли он следовать такому помыслу.

— Не делай этого, — отвечал ему Сармат, — и скажи своему уму: я тебя в этом не слушаюсь.

Он имел обычай заключаться время от времени на сорок дней, которые он проводил в великих подвигах. Это упражнение в благочестии он проводил с такой ревностью, что время это казалось ему всегда слишком кратким.

Один старший инок спросил его, какой плод получает он от этого уединения. Он сперва не хотел ему ответить. Но, когда тот стал упрашивать его, он признался, что он получил способность настолько уметь побеждать сон, что мог говорить ему по желанию: «Иди» — и сон удалялся; «Приди» — и сон являлся.

Макарий, которого не надо смешивать с двумя знаменитыми иноками. Египетским и Александрийским, жил в Фиваиде до конца своих дней. Он был экономом монастыря Писпир и ему было поручено принимать странников. Это к нему обращался по приезде своем в Писпир преподобный Антоний с вопросом, египтяне ли или иерусалимляне пришедшие люди.

Затем он оставил этот монастырь, чтобы удалиться совсем на гору к преподобному и служить ему в его крайней слабости. Амафий был его товарищем по уходу за преп. Антонием. И оба слышали из уст преподобного его последние слова и его духовный завет и погребли его тело.

От него или от Сармата святитель Афанасий узнал некоторую часть дел преподобного Антония, и от него блаженный Иероним узнал сказание о жизни преподобного Павла Препростого.

Макарий кончил свои дни не на горе, где почил преподобный Антоний. После того как Сармат был убит в монастыре Писпир и сарацины удалились, он пришел в этот монастырь и принял Начальство над братией.

Амафий был товарищем и соучеником Макария, с которым вместе он служил преп. Антонию. Он достойным образом заменил своего учителя на горе, где начальствовал большим числом

отшельников, живших в пещере.

Гора эта была так крута, а скала возвышалась так прямо и высоко, что нельзя было смотреть на нее без страха.

Так образовалось две общины; одна в Писпире и окрестностях его, вплоть до горы преподобного Антония. Этими иноками управлял Макарий. Другая охватывала самую гору преподобного Антония и находилась под руководством Амафия, и обе эти общины были воодушевлены одним духом, так как настоятели их были воспитаны одним учителем.

Амафия по его смерти заместил Питирион. Он был его учеником, начав свое духовное воспитание у преп. Антония.

Руфин говорит о нем в таких выражениях: «Он был полон таким множеством добродетелей, исцелял такое множество больных и имел такую власть над демоном, что, казалось, он один явился наследником силы своих двух наставников. Его поучения были проникнуты необыкновенной мудростью».

Он ел только два раза в неделю; единственной его пищей было небольшое количество муки, разваренной в воде.

Он имел великую опытность в духовной жизни и особенно в борьбе с приражениями демонов.

У него был дар различать духов злобы и их различные хитрости.

Он говорил, что они толкают нас к разным грехам по мере того, как видят, что в нашу душу прокрадываются разные нечистые привязанности, и что для того, чтобы иметь над ними власть или изгонять их из прокаженных, или побеждать их, когда они искушают нас, для всего этого надо прежде всего укротить в себе страсти и пороки, и тогда можно легко победить демона, то есть самые страсти, которые в себе самом победил.

Авва Иосиф жил на горе преподобного Антония еще при жизни этого святого.

Ему выпал случай привлечь на себя похвалу преподобного за смирение. Несколько старших иноков собрались к преподобному Антонию побеседовать о духовных предметах, и преподобный стал спрашивать их мнения о разных местах Священного Писания. Каждый высказывал, как он понимает эти места. Когда Иосиф был спрошен о смысле одного текста, он в простоте сердца ответил, что он не знает. Тогда преподобный Антоний сказал: «Авва Иосиф один лишь нашел истину, признав свое незнание». Этими словами святой хотел отметить его смирение и поставить его в пример другим.

Руфин говорит, что он имел радость видеть его в Писпире и принять его благословение. Он причисляет его к самым знаменитым инокам своего века и говорит, что он творил дивные чудеса силой своей простой до святости жизни и детской чистоты своего сердца.

Иосиф требовал, чтобы его ученики оказывали ему слепое послушание, и он предписывал им иногда малоразумные вещи, чтобы приучить исполнять свою волю даже против внушений рассудка!

Одному своему ученику он приказал в течение нескольких дней подряд влезать всякий день на большую сикомору, находившуюся в монастырском саду, и съесть несколько плодов с нее. В следующую пятницу — день, в который иноки обыкновенно постятся, — этот монах не решился исполнить приказания своего духовного отца, потому ли, что он считал, что наставник его

забыл о постном дне, или потому, что он не смел нарушить устава. Через несколько времени он спросил у аввы Иосифа, зачем он ему дал такое необыкновенное приказание, на что тот ответил: «Старцы не всегда приказывают молодым людям вещи, которые кажутся разумными, но иногда дают приказания, кажущиеся странными. И когда они им слепо подчиняются, они предписывают им что-нибудь серьезное, видя, что те приобрели истинное послушание».

Весьма замечателен и интересен разговор, который вел авва Иосиф со своими иноками по вопросу о полнейшем бесстрастии, которое истинный монах должен испытывать безразлично ко всем людям.

Как-то два инока пришли к нему с просьбой объяснить им, лучше ли им принимать с радостью посещающих их братьев или не выражать этой радости. Они не успели еще открыть рта, чтобы изложить ему свое затруднение, как он предупредил их вопрос, дав им такую притчу...

Он посадил их одного слева, а другого справа, затем вошел в свою келью, покрылся старым рубищем и прошелся между ними в таком одеянии, не говоря ни слова.

Затем он снял с себя это рубище, надел хорошую одежду, которую он употреблял в праздничные дни, и снова прошелся между ними. Наконец он оделся, как одевался постоянно, и сел с ними.

Монахи смотрели на него с удивлением, не понимая ничего из того, что он представил. Тогда он им сказал: — Хорошо ли заметили вы, что я сделал? — Да, — ответили они.

— Но, — прибавил Иосиф, — заметили ли вы, чтобы перемена в платье изменила что-нибудь и во мне? Стал ли я хуже, надев рубище? Стал ли лучше, надев лучшую одежду? — Конечно, нет! — Поймите же, по сравнению с этим, что все созданное, даже и люди, не должно ничего изменять своим появлением в нашем внутреннем мире. Принимайте с радостью и невинностью и с христианской любовью братьев, которые вас посетят. А если никто не придет к вам, храните себя в сосредоточии духа.

Такова должна быть, конечно, весьма труднодостижимая бесстрастность человека, который поставил все свое счастье в одном Боге. Он до такой степени освободился из-под влияния людей, так равнодушен к приятным или к резким их речам, что ни один человек уже не может доставить ему горе или радость.

Истинный инок, достигший высоты бесстрастия и выработавший в себе истинную любовь к христианству, все готов сделать для человека, относясь ко всем с одинаковым чувством доброжелательства, но никого не предпочитая, ко всем равный, никем не волнуемый. Нет близких, нет любимых, нет ненавидимых, все дорогие братья, с совершенно равными правами на его привязанность из-за общего их Отца Бога, из-за высокого звания чад Божиих.

Те, кому приходилось знать великих иноков, испытали на себе тепло этой всех одинаково греющей и всегда готовой согреть любви, которая «не ищет своих си», все дает, ничего не требуя и не ожидая, всех принимает, никому предпочтительно не радуется, все терпит, ничем не огорчается.

Вот такого-то расположения духа — благоволения ко всем людям, без отличения кого бы то ни было, этого спокойствия и, если можно так выразиться, святого равнодушия к людям, при горячности и стремлении к одному только Богу, — и требовал от иноков авва Иосиф.

Иноки, которые приходили к нему за советом, были, несомненно, на должной высоте, чтобы понять слова аввы. Они ушли домой, вполне уяснив себе тот вопрос, за разрешением которого

приходили.

Передают также следующую глубокую мысль, высказанную этим аввой.

Есть три состояния души, угодные Богу. Первое — это состояние больного, испытывающего к тому же искушения, и тем не менее благодарящего Бога. Второе — это когда во всех своих поступках действуешь с такой чистотой намерений, что к этому не примешивается ничего людского. Третье — это положение монаха, который живет под руководством духовного отца и отрекается во всем от своей воли.

Один монах пришел спросить его, как ему спастись, потому что он не мог ничего выносить, не мог работать, не имел чем подавать милостыню.

Авва Иосиф ответил ему: «Если ты не можешь исполнить ничего такого, старайся, по крайней мере, не делать ничего нарушающего любовь к ближнему, и я верую, что Господь смилуется над тобой».

Стараясь передать малейшие черты, относящиеся к преп. Антонию, надо назвать еще учеников его Исаака и Пелузия.

Первый из них помогал ему как переводчик, переводя его посетителям на греческий язык то, что преподобный Антоний говорил им на своем родном, египетском языке.

Интересен рассказ преподобного Илариона Великого о посещении им горы преподобного Антония после его кончины.

Два инок, Исаакий и Пелузий, показывали ему узкую келью великого Антония, убогое его ложе, сады, которые он насадил и взрастил. Преподобный Иларион просил их также показать ему место погребения преподобного. Но нужно думать, что они не могли исполнить этой просьбы: во-первых, преподобный запретил показывать кому бы то ни было свою могилу, главным же образом потому, что они и не могли знать ее места, и тайна, которой так много было в жизни Великого Антония, осенила навсегда и тот клочок земли, который принял его изможденное подвигами и трудами тело.

VI. Преподобный Павел Препростой, ученик преп. Антония в Нижней Фиваиде

Преп. Павел, названный Препростым, потому что он был совершенно лишен всякой хитрости и отличался по природе великой простотой, был одним из знаменитейших учеников преп. Антония. Он поздно начал монашескую жизнь, так как жил в браке до шестидесятилетнего возраста в одной деревне Фиваиды, где занимался хлебопашеством.

Дурное поведение его жены послужило для него поводом, чтобы с ней расстаться и удалиться в уединение. Она уже давно вела без ведома мужа преступную жизнь. Однажды Павел, вернувшись раньше, чем она думала, неожиданно вошел в дом и застал ее на месте греха. Он не стал выражать бурными выходками своего гнева. Но, посмотрев на жену и обидчика с горькой улыбкой, в которой проглядывало негодование, он сказал: «Как это хорошо! Меня мало интересует подобная супруга. И я свидетельствую именем Иисуса Христа, Который видит мою обиду, что она мне больше не жена. Я ухожу и становлюсь монахом».

Ни слова не говоря больше, он вышел из своего дома и, удрученный горестью, углубился в пустыню, в которой скитался около недели, пока не пришел к месту, где жил преп. Антоний.

Он постучался у двери кельи и рассказал преподобному сложившееся в нем намерение. Антоний, найдя, что он слишком стар для того, чтобы в этом возрасте подражать его жизни, посоветовал ему пойти лучше в какую-нибудь деревню и трудом зарабатывать себе пропитание. Если же он окончательно решил покинуть мир, то преподобный советовал ему вступить в общину, где жизнь менее сурова, чем отшельническая, и где он найдет успокоение в своей старости. Преподав такой совет, великий отшельник заперся в своей келье.

Но Павел не сдался. Он остался на том же месте в ожидании, чтобы отшельник снова открыл дверь и ради его упорства согласился на то, в чем он ему сначала отказал. Он провел так три дня и три ночи, в смиренном терпении ожидая отшельника. Когда на четвертый день преп. Антоний вышел из своей кельи, он снова подошел к нему, стал его уговаривать и объявил, что желает умереть на этом месте. Преподобный, видя, что с ним не было никакой провизии, побоялся, что он умрет. Поэтому он его принял, но лишь для того, чтобы потом принудить его удалиться. Для этого преподобный хотел подвергнуть его тяжелым испытаниям и тем отбить у него охоту к отшельничеству, так как трудно было предполагать, чтобы этот человек в таком преклонном возрасте мог вынести труд пустынножительства.

Он сказал Павлу, что лучший путь для инока есть послушание. Павел со всей искренностью обещал повиноваться. Первое испытание, которому Антоний его подверг, заключалось в том, что он должен был молиться вне кельи и не трогаться с места, пока Антоний не принесет ему работы. Сам Антоний заперся у себя в келье и потихоньку наблюдал через окно, тщательно ли он исполняет приказания. Он оставил его таким образом под действием солнечных лучей днем и свежести ночи, и Павел не прекращал все время своей молитвы, не изменяя положения и не трогаясь с места. После этого трудного и тяжелого испытания, где перед святым выказались все терпение и послушание Павла, он принес пальмовых ветвей и велел Павлу работать, подражая ему. Когда он кончил работать, Антоний сказал, что он сработал дурно и приказал ему разделить работу и сработать ее вновь. Павел исполнил это, и на его лице не появилось ни малейшего признака неудовольствия.

Затем Антоний предложил ему подкрепиться пищей и велел ему поставить стол, на который положил четыре маленьких хлеба. Эти хлебы должны были составить всю их трапезу. Было естественно, что после такого тяжелого труда и столь продолжительного поста Павел набросится с жадностью на пищу, и святой ждал этой минуты, в которую должна была обозначиться мера его послушания. Ученик, который во всем хотел примениться к учителю, столь же внимательно наблюдал за ним, насколько тот следил за учеником. Он выказал не меньшее равнодушие, чем сам преподобный, к находившимся перед его глазами хлебам. Он без всякого нетерпения ждал, пока учитель его прочел двенадцать псалмов и сотворил двенадцать молитв. Он беспрекословно исполнил приказание когда преподобный, вместо того, чтобы позволить ему есть, приказал ему, довольствовавшись одним видом хлебов, идти спать без всякой пищи, поднял его в полночь на молитву и лишь на другой день к вечеру, снова прочтя молитвы и псалмы, позволил ему приняться за пищу.

И тут Павел желал воспользоваться лишь одним хлебом, как сделал это и его учитель. А когда святой стал угощать его, он ответил, что с него достаточно одного хлеба, так как он думает быть монахом и так как Антоний накануне сказал ему, что, как монах, сам Антоний возьмет только один хлеб.

В таких испытаниях прошло несколько времени. Антоний нарочно усиливал суровость своих требований, чтобы посмотреть, не будет ли он тем утрачен. Наконец, вполне удовлетворенный его покорностью, его рвением, он сказал: «Если ты, брат, можешь жить постоянно, как вел себя эти дни, то я согласен, чтобы ты остался со мной». На это Павел ответил: «Не знаю, предпишешь ли ты мне что-нибудь более трудное, но мне нетяжело

исполнять то, что ты назначал мне доселе». Тогда преп. Антоний, не сомневаясь более, что Бог послал ему этого человека, чтобы подражать его жизни, принял его окончательно под свое руководство.

Принятый таким образом в число иноков, Павел стал исполнять со всяческим усердием советы своего учителя. Антоний предписал ему, между прочим, облегчать тяжесть уединения ручным трудом; часто возносить свой ум к Богу, между тем как пальцы будут заняты работой; вкушать пищу только вечером и никогда не насыщаться, особенно не пить досыта, хотя бы и воды. Преп. Антоний понимал, что главный подвиг Павла должен состоять в послушании. И он продолжал испытывать его в этой добродетели, приказывая часто ему такие вещи, которые казались безумными. Преподобный старался беспрекословным исполнением таких приказаний выработать в нем совершенное отречение от своей воли.

Так, он однажды приказал ему в течение целого дня черпать воду из колодца и лить ее на землю; другой раз — расплести только что сплетенные им корзины и снова плести их; распороть себе одежду, потом сшить ее и снова распороть. Когда ему однажды принесли горшок с медом, он приказал разбить этот горшок, оставить мед течь в разные стороны и затем собирать его раковинной, следя, чтобы не попало в мед никакого сору. Во всех этих случаях Павел оказывал немое и немедленное послушание.

Он был настолько внимателен к малейшим жестам преподобного Антония, что принимал их все с таким же усердием, как будто считал их за Божии повеления. Несколько знаменитейших отшельников посетили однажды святого, и завязалась длинная беседа об Иисусе Христе и о пророках. Павел присутствовал при этом споре и в простоте своей спросил, были ли пророки до Христа или Христос после пророков. Преп. Антоний покраснел за своего ученика при этом странном вопросе, и с великой кротостью он сделал ему знак рукой выйти и молчать.

Павел так строго исполнил это приказание, что не стал вовсе говорить и не появлялся даже между братией. Об этом предупредили Антония, и когда тот спросил у него причины его поведения, то, с удивлением отнесясь к его исполнительности, сказал другим отшельникам: «Воистину этот человек — живой укор нам. Мы и Бога, говорящего нам с высоты Небес, не слушаемся. А вы видите, как исполняет он малейшее слово, выходящее из моих уст».

Преп. Антоний часто прибегал в разговоре с братией к примеру Павла, чтобы показать, что те, которые хотят быть совершенными, не должны сами собой распоряжаться и следовать собственным мнениям, как бы они ни казались хороши. Но прежде всего приучиться отвергать собственную личность, следуя примеру Иисуса Христа, Который говорил, что Он пришел в мир не для того, чтобы творить зюлю Свою, но волю пославшего Его Отца. Такими великими испытаниями, таким полным отречением золи преп. Павел достиг столь высокого совершенства, что св. Антоний не смотрел на него больше, как на ученика, но как на отшельника, который может жить один. Он выстроил для него в трех или четырех милях от своей кельи другую келью и сказал ему: «Вот, ты с помощью Божией стал иноком. Живи же теперь один, чтобы искуситься в борьбе с демоном, и помни, что частые битвы, которые надо выдерживать в пустыне, требуют постоянных молитв».

После этой разлуки преп. Антоний часто навещал своего ученика и имел радость постоянно заставить его за теми занятиями, которые он ему предписал.

Едва провел Павел год в своей новой келье, как Господь пожелал явить через него все значение простоты и послушания. Господь даровал ему дары чудес, и в особенности дар изгнания из бесноватых духов. Он творил большие чудеса и даже в большем количестве, чем его великий учитель. Издали стекались к нему в надежде исцеления. Преп. Антоний боялся

даже, что Павел углубится еще далее в пустыню, чтобы наслаждаться там чудными радостями созерцания и уединения, которые он уже испытал. Поэтому он приказал Павлу никуда не уходить и принял на себя обязанность принимать его посетителей. Когда же он сам не мог их исцелить, он отправлял их к Павлу, и всегда с успехом тот исцелял их.

К преп. Антонию привели молодого человека, одержимого упорным и злым бесом. Он в ярости изрыгал хулу на Самого Бога и разрывал тех, кто к нему приближался. Как только Антоний увидел этого несчастного, он объявил спутникам больного, что он не имеет еще власти над этими главнейшими духами и что эта благодать дана Павлу Препростому, и все вместе с Антонием пошли просить Павла изгнать беса.

Павел, который всегда считал Антония своим господином и который по смирению приписывал Антонию все чудеса, которые сам творил, встал, совершил горячую молитву и сказал бесу, что авва Антоний повелевает ему выйти из тела этого человека, чтобы он, выздоровев, славил Бога. Но демон отвечал лишь бранью, называя его и его святого учителя обманщиками, старыми обжорами, бездельниками, людьми, которых ничем нельзя удовлетворить, которым недостаточно казалось властвовать в их монастыре и которые хотели распространить и на него свою тиранию. «Ты выйдешь, однако, — сказал ему Павел, — или я сейчас же скажу об этом Иисусу Христу. Да, я объявляю Его именем, что, если ты будешь упорно оставаться, я пожалуюсь Иисусу Христу, и Он поступит с тобою, как ты заслуживаешь». Демон не послушался и стал произносить хулу на Спасителя. Тогда Павел, одушевленный святым гневом против этого гордого духа, оставил бесноватого у себя в келье и пошел молиться на возвышенной скале. Под прямыми лучами жгучего солнца он стоял неподвижно, как столб, молясь и ожидая, чтобы Бог услышал его. Не видя еще исполнения своей молитвы, он наконец сказал Богу, как ребенок, говорящий с отцом: «Спаситель мой, Иисус Христос, распятый за меня при Понтийском Пилате? Ты видишь, что я не сойду с этой скалы, не буду ни есть, ни пить, пока Ты не избавишь этого человека от одержавшего его демона». И тотчас Господь, как будто не желая огорчить Павла, исполнил его молитву: в ту же минуту из кельи, где находился бесноватый, раздался крик демона: «Выхожу, выхожу, меня изгоняют силой: смирение и простота Павла принуждают меня бежать...» Он тотчас же вышел и принял форму громадного дракона, доплзшего до моря и бросившегося туда.

Павел получил также необыкновенную благодать видеть глубину сердца людей, ходивших в церковь. Состояние совести людей он видел столь же ясно, как другие видят людские лица. Находясь однажды в монастыре, он после духовной беседы с некоторыми иноками пошел с ними в церковь для совершения литургии. Павел стал смотреть на входивших в церковь. Все они имели светлые лица, на которых сияла радость и благое настроение их душ; за каждым следовал Ангел, радовавшийся их доброму расположению. Но он увидел одного, у которого совесть была обременена грехом. Он показался ему с черным телом и покрытым мрачной тучей. Демон держал его связанным, и его Ангел следовал за ним издали печальный.

Грустное состояние этого человека так тронуло Павла, что он стал плакать и стонать и остался вне церкви, не желая войти в нее. Иноки, заметившие его горечь, полагали, что Бог открыл ему дурное состояние совести, и стали расспрашивать его с целью покаяться в грехах. Но он не хотел им ничего сказать, продолжал быть распростертым у церковной двери и не переставал плакать и стонать.

Он подождал окончания службы, чтобы посмотреть, не выйдет ли измененным тот, кто вошел в церковь столь недостойно. И Господь, милостивый к слезам и молитвам Павла, даровал этому грешнику во время службы благодать полного раскаяния. Павел увидел, что он вышел с лицом, озаренным радостью, и телом, настолько же белым, насколько раньше оно было черно. Демон следовал за ним лишь издали. Ангел-хранитель находился около него и выражал

чрезвычайную радость от его обращения. При виде этого Павел в восторге и изумлении перед милосердием Создателя воскликнул: «О, несказанная благодать Божия! Как велико Его сострадание! Как безгранична Его любовь к нам!» Он тотчас же подбежал к возвышенному месту и, напрягая голос изо всех сил, говорил: «Идите, смотрите на дела Господни, как они чудны, идите видеть, как Бог хочет всем человекам спастись и в разум истины прийти! Придите, ублажим Создателя; преклонимся пред Ним и скажем: «Ты, Один только Ты, Господи, можешь отпускать грехи!»» Все сбежались к нему. Он рассказал, что открыл ему Бог, и просил того, в котором он увидел столь счастливую перемену, рассказать, как она в нем произошла. Тот не мог отрицать истины и рассказал, что до сего времени он жил в грехе; но, услышав в церкви слова из Пророка Исайи, в которых Бог обещает прощение тем, кто искренно раскаивается, он одумался и в чувстве искреннего сокрушения вознес к Богу такую молитву: «Господи! Ты пришел в мир для спасения грешников и дал нам через Твоего Пророка только что слышанные мной обетования. Исполни их на мне, хотя я великий грешник и недостойн Твоей благодати! Обещаю Тебе, что с этой минуты я отказываюсь от греха и не уступлю ему больше и что впредь буду служить Тебе с чистой совестью. Прими же меня, Господи, ныне, потому что я хочу покаяться. Прости грешнику, который умоляет Тебя отпустить ему его прегрешения и искренно отказывается от греха!»

Публичная исповедь этого кающегося произвела сильное впечатление на присутствующих. Они столько же изумлялись милосердию Божию, сколько тому, что господь открыл Своему служителю душевное состояние этого человека, и громким голосом прославляли они Спасителя.

Бог также открыл этому преподобному прощение, которое Он даровал кающейся Таисии, о которой будет в этой книге рассказано. Ее обратил на путь покаяния преподобный Пафнутий. По истечении трех лет, которые он продержал ее в заключении в келье одного женского монастыря, он пришел к преп. Антонию, прося его, чтобы Господь возвестил ему, отпущены ли ей грехи прежней жизни. Преподобный собрал своих учеников и приказал им провести ночь в молитве, чтобы видеть, откроет ли Бог то, что желал знать Пафнутий. При этом, однако, он им не объяснил, в чем состоял вопрос. Бог открыл желаемое Павлу. Он увидел в небе великолепное ложе, которое охраняли три сияющие девы. Он подумал, что оно приготовлено для его духовного отца Антония. Но он услышал Голос, говоривший ему, что это ложе назначено для раскаявшейся грешницы Таисии.

Год смерти Павла можно полагать не ранее 338 года, и вот по какой причине. Рассказывают, что император Констанций пригласил преп. Антония посетить его в Константинополе. Преподобный спросил Павла, следует ли ему ехать. Тот ответил: «Тебя будут звать просто Антоний, если поедешь ко двору, и авва Антоний, если туда не поедешь». А Констанций воцарился в Константинополе лишь в конце 338 года.

VII. Преподобный Пафнутий, ученик преп. Антония, исповедник и епископ в Фиваиде

Св. Пафнутий более известен в церковной истории не как отшельник, а как епископ, хотя добродетели, которыми он блистал на епископской кафедре, он почерпнул в уединении под руководством преп. Антония. Он родился в Египте, неизвестно, в каком городе. Желание отдать себя без раздела Богу повлекло его в монастырь Писпир, где мало-помалу он стал преуспевать в добродетелях. Его извлекли оттуда, чтобы поставить епископом в одном городе — в Нижней Фиваиде. Он явился туда, как светильник, вынутый из-под спуда, чтобы светить на «свещнице». Его жизнь поддерживала те заветы, которые он давал народу, и сам он служил как бы живым примером веры и благочестия.

Преследования Галера Максимиана и Максимиана Дайя достигли до его страны, и он был одним из тех святых исповедников, которых приговорили к работе в шахтах, проколов и вырвав им правый глаз и подвергнув другим истязаниям. Некоторые из них тут же и погибли под пыткой ради вечного блаженства. Но Бог хранил Пафнутия для новых битв и сберег его для Своей церкви, чтобы защищать веру против еретиков, как Он же укрепил его против ярости язычников.

Вселенский Никейский Собор и затем поместный Тирский Собор, созванный происками ариан против святителя Афанасия, были великими местами, где он просиял, ревностно отстаивая Божество Иисуса Христа.

На Первом Соборе он присутствовал с несколькими святыми епископами, которые, как он, носили на себе знак стойкости в вере во время ужасов гонения Диоклетиана, Максимиана, Максимиана и Ликиния — почетные и настолько же славные в глазах всей церкви знаки, насколько они казались позорны и унижительны в глазах язычников. Кроме того, в Пафнутий действовала благодать чудес, которую даровал ему Бог: он изгонял своим словом демонов, а его молитва легко испрашивала у Неба исцеления больных и увечных.

Император Константин Великий, присутствовавший на Никейском Соборе, считал Пафнутия одним из величайших иерархов, составлявших это священное собрание, выказывал ему знаки чрезвычайного внимания. Он часто звал его к себе во дворец и целовал с почтительной любовью место его правого глаза, который он потерял за бесстрашное исповедание имени Иисуса Христа.

По окончании Собора, в делах которого он принимал ближайшее участие, он продолжал быть в единении с православными епископами. Его близкая связь со святителем Афанасием, который наследовал св. Александру на знаменитой александрийской кафедре и который являлся всю свою жизнь необходимым оплотом веры, побудила его последовать за Афанасием на Тирский Собор, куда император, возбужденный арианами, вынудил Афанасия явиться, чтобы оправдаться в ложных, возведенных на него обвинениях.

Святитель Афанасий выступил на Соборе с сорока девятью православными епископами Египта и Фиваиды, в числе которых Пафнутий был одним из знаменитейших. Войдя в зал заседания, они нашли собрание составленным почти исключительно из ариан, которые считали себя скорее судьями, чем сочленами святителя Афанасия. Пафнутий увидел среди них св. Максима Иерусалимского, православного иерарха, который во время гонения со славой исповедывал веру во Христа и, как Пафнутий, подвергся пыткам. Теперь он был обманом привлечен арианами на их сторону. Только что Пафнутий его увидел, он, раздвигая толпу, пошел прямо к нему и, отведя Максима в сторону, сказал ему: «Имея честь носить те же знаки мучения, которое Мы приняли за Христа, и потеряв вместе с тобой одно из телесных очей, чтобы обильнее наслаждаться Божественным Светом, я не могу видеть тебя сидящим в совете нечестивых обманщиков и в рядах служителей лжи».

При этом Пафнутий объяснил ему заговор ариан против святителя Афанасия и убедил Максима не подписывать его осуждения.

История не говорит нам более ничего о св. Пафнутий, но и то немногое, что она сохранила, делает честь духовному развитию, полученному им в монастыре преп. Антония, и показывает, что этот птенец великого египетского пустынножителя был в эти тревожные времена юной церкви одним из ревностнейших борцов за религиозную истину.

VIII. Преподобный Сисой, отшельник на горе преп.

Антония

Сисой был одним из самых ярких светил среди пустынножителей и удостоился того, что Сам Спаситель незадолго до его смерти назвал его избранным сосудом пустыни.

Он еще в очень молодых годах отрекся от мира и жил сперва в Скиту под руководством аввы Гора. Он несколько лет упражнялся с самоотречением и в аскетических подвигах. Когда же пустыня Скит показалась ему слишком шумной, он переправился через Нил и уединился на горе, где незадолго до того скончался преп. Антоний.

Свежая память о добродетелях этого святого патриарха монашества разожгла его рвение, как будто бы он видел его живым и слышал из его уст дивные наставления, которые преподобный дал своим ученикам.

И повел он на горе самую высокую духовную жизнь. Его аскетические подвиги, его суровое молчание и вообще блистательный пример его иноческой добродетели доставили ему доверие всех иноков, которые имели случай его видеть, часто обращаясь к нему за советами. С каким старанием он ни старался, он не мог укрыться от многих посетителей и должен был жертвовать любовью к уединению для братской любви. Добродетель; на которой он больше настаивал, была смирение. И он мог тем лучше учить смирению, что сам он был образцом самого глубокого смирения. Один инок сказал ему однажды: «Я считаю, что я, отец, всегда предстою перед Богом». На это он ответил: «Это еще немного, сын мой. Но было бы лучше, если бы ты считал себя ниже всех тварей, потому что через это ты приобрел бы смирение». Другому в подобном же случае он сказал: «Умалаяя себя, отрекись от похвалы чувствам, стань выше тщетных забот мира, и ты найдешь покой сердца».

Другой инок сказал ему, что он еще не достиг до высоты преподобного Антония.

«О, — воскликнул он, — если бы у меня было в сердце хоть одно из чувств этого великого человека, то я бы весь был объят огнем любви Божественной!»

У него было столь низкое мнение о себе, что, как ни суров был образ его жизни, он считал себя чувственным и жадным человеком и хотел, чтобы другие так же думали о нем. Его посетили отшельники и просили сказать ему несколько слов в наставление. Он извинился и оставил их говорить со своим учеником. Но данный им пример заменил с избытком словесные поучения и произвел на них большее впечатление, чем если бы он произнес им длинную речь. Во время разговора их с его учеником он на какой-то их вопрос закричал им, что Сисой — обжора, который ест без меры и без надобности. А иноки, которым было известно, как велико его воздержание, подивились его смирению и вернулись к себе вполне довольные посещением.

Конечно, лишь жажда презрения людьми и любовь к поношениям заставляли его говорить так. Он не только не нарушал правил воздержания, которые были приняты между отшельниками, но в большинстве случаев прямо забывал о пище, и его ученик Авраам был вынужден напомнить ему о трапезе. И на это он иногда удивлялся, полагая, что он уже ел. Так мало обращал он внимания на телесные нужды. Если случайно ему приходилось по гостеприимству принимать с посетителями пищу ранее положенного времени, он затем долго постился, заставляя тело оплатить снисхождение, которое он ему сделал лишь для того, чтобы исполнить долг милосердия другим. Соседние пустынники знали этот его обычай. Однажды, когда пришедший навестить его авва Адельф, епископ Никополеоса, не знал его обычаев, пригласил его позавтракать с собой в день своего отъезда, преподобный не захотел отказать ему. В то же

время пришли несколько старцев и стали упрекать ученика Сисоя, что он не предварил епископа, так как было очевидно, что после этого завтрака святой наложит на себя продолжительный и строгий пост.

Как-то раз отшельники собрались, чтобы присутствовать при служении литургии. После совершения таинства один из них дважды давал ему вино. Сисой оба раза выпил понемногу более ддя того, чтобы не огорчать брата отказом, чем потому, что желал этого. Но когда монах поднес ему в третий раз, он, полагая, что в те два раза заплатил достаточно долгу учтивости, отказался, говоря, что вино вводит в искушение.

Он так опасался мирской похвалы, что, молясь иногда с воздетыми руками, он опускал их тотчас, как думал, что его могут видеть, из боязни, что его начнут еще более почитать. Однажды, совершая молитву в обществе другого пустынного, он не мог удержаться от нескольких вздохов. Но как только он успокоился, он пожалел об этом и сказал с великим смирением этому монаху: «Прости меня, брат! Я, кажется, не истинный пустынный, если я так вздыхаю перед другими».

Всегда готовый оправдывать других, он, если видел что хорошее в других, обращал это укором себе. Прохаживаясь однажды на горе, на которой он десять месяцев никого не видал, он встретил охотника, у которого он спросил, откуда он и давно ли он не был в этом месте. «Уже одиннадцать месяцев, — отвечал охотник, — я хожу по этой горе, но не встретил никого, кроме тебя». Тогда преподобный пошел в свою келью и с чувством самоукорения, ударяя себя в грудь, говорил: «О, Сисой, ты полагал, что хранил строгое уединение, пробыв некоторое время один; а вот мирянин, который пробыл в уединении дольше тебя!»

Три отшельника, привлеченные молвой о его святости, посетили его, и один из них сказал ему: «Отец, что сделать мне, чтобы избежать адского огня?» Он ему не ответил. «А я, отец, — подхватил другой, — чем могу избежать скрежета зубов и не умирающего червя адского?» Третий спросил: «А мне что делать? Меня охватывает смертельный ужас всякий раз, как я представляю себе тьму кромешную».

Тогда преподобный ему ответил: «Признаюсь вам, братья, я никогда не думал об этих вещах; и так как я знаю, что Бог полон благодати, то я надеюсь, что он сжалится надо мной». Монахи, которые ожидали более прямого и пространного ответа, удалились, выражая некоторую печаль. Но святой не захотел отпустить их недовольными, позвал их и с великим смирением им сказал: «Блаженны вы, братья, и завидую я вашей добродетели: вы мне говорили об адских муках, и я понимаю, что вы так проникнуты мыслью о них, что они могут вам много помочь, чтобы избежать грехов. А я! Что делать мне с сердцем, столь бесчувственным, что я не думаю даже, чтобы после смерти было место казни, назначенное для наказания злых! Эта бесчувственность есть, без сомнения, причина тому, что я совершаю столько грехов». Отшельники, удивленные столь смиренным ответом, просили у него прощения и возвратились домой, утверждая, что совершенно верно все то, что им рассказывали о его смирении.

Он говорил, что в течение тридцати лет он молится Иисусу Христу: «Господь мой, Иисус Христос, не дай мне сегодня согрешить языком».

— И однако, — прибавлял он, — я всегда в этом отношении грешу.

И эти слова могли быть вследствие его смирения. Он строго наблюдал молчание и уединение и постоянно держал дверь кельи запертой, чтобы его не развлекали.

Так как кротость является верной спутницей смирения, то Сисой был столько же кроток,

сколько смиренен. В его ревности не было никакой горечи. Он не удивлялся ошибкам своих братьев и, далекий от упреков и негодования, с чрезвычайным терпением помогал им избавляться.

Один отшельник, живший в его соседстве, часто приходил к нему с признанием в своих грехах, и святой всегда отвечал ему: «Встань!» «Но, отец, — возразил ему однажды этот монах, — сколько же времени буду я подыматься и снова падать и снова подыматься?» «Делай это, — отвечал он ему, — пока смерть не найдет тебя павшим или поднявшимся».

Несколько иноков спросили его, не должен ли монах, который впал в прегрешения, совершать покаяние в течение целого года. «Это мне кажется слишком долго», — ответил он. «Но тогда, — сказали они, — по крайней мере шесть месяцев?» «Это много», — отвечал он. Они продолжали спрашивать: «Так, по крайней мере, сорок дней?» «И это много», — заметил он. «Так что же, — возразили братья, — ты находишь, что, если бы вскоре после его падения совершалась литургия, его можно допустить к таинству?» «Я не говорю этого, — отвечал преподобный. — Но я думаю, что благодать Божия такова, что если бы он обратился к Богу с искренним раскаянием во грехе, то сам Господь принял бы его меньше, чем в три дня».

Нельзя не остановиться с особым вниманием на этих светлых взглядах великого подвижника. У нас не без прихотливости некоторые миряне замечают, что христианство слишком «черно» и слишком грозно. В самом деле, учение о благодати Божией, учение о таинстве искупления в нем как будто заслонено трепетным ожиданием вечной муки. Из испуганного мозга, с детства смущенного страшными картинами адских мук, как будто вытравлен образ кроткого Пастыря, несущего на плечах погибшую овцу и оставляющего верное стадо для взыскания одной заблудившейся овцы. Так и эти простодушные иноки, со вопросники преп. Сисоя. Вместо того, чтобы укреплять свою душу памятью о разбойнике, перед которым ради его предсмертного короткого исповедания Христа открылись перед первым двери рая; памятью о первоверховном Петре, которому троекратное торжественное отречение от Христа не воспрепятствовало принять ключи рая и стать краеугольным камнем церкви; памятью о грешнице, омывшей слезами ноги Учителя и отершей их волосами, принявшими столько нечистых ласк, о чьем подвиге любви доселе по всему миру твердит Евангелие, — они распалили свое воображение ухищренными подробностями адских мук. Одного смущал «огнь неугасающий», другого «скрежет зубов и червь не умирающий», третьего «тьма кромешная». И как мудр, и как христиански глубок был ответ инока, что он за благодатью Божией и за верой в милосердие Божие забыл об адских муках!

Не пойдем ли мы, что уже в силу психологических соображений гораздо полезнее для души более помнить о благодати Божией, чем об угрозе адских мук? В этих земных наших делах для кротких и благодатных людей мы будем работать с большим усердием, чем для сурового требователя. И вечная запуганность души вовсе не соответствует величию жертвы Христовой и делу искупления. Переживая в душе вечную Пасху, полные чувства «радости спасения», мы легче избежим всякого зла и лучше сохраним себя, чем в постоянном страхе.

Такой же интерес представляет разговор преподобного с теми иноками, которые непременно желают ограничить милосердие Божие известным сроком и не могли понять, что мгновенного дуновения благодати Богу достаточно для того, чтобы возродить падшую душу, и привлеки ее к себе великим движением Отчей любви, сразу исцелить все ее раны. Они не могли понять, что Бог есть прежде всего существо недостижимое и что могущество Его благодати не может быть определено ничтожными и жалкими мерами нашего убогого земного рвения...

Вот еще несколько случаев, в которых высказались взгляды преп. Сисоя. Один отшельник спросил его: «Если в мою келью войдет разбойник, чтобы меня убить, то, чувствуя, что я

сильнее его, могу ли я убить его сам?» «Нет, — отвечал преподобный, — но предоставь его Богу. Ибо, в какой ни находишься опасности, должно думать, что это наказание за грехи. А когда случается что-нибудь хорошее признавать, то мы обязаны этим лишь благодати Божией».

Еще один отшельник спросил его, должен ли он остановить вожатого, если в дороге увидит, что тот сбивает его с настоящего пути. Он ответил: «Не советовал бы тебе». «Так что же, — возразил отшельник, — надо допустить, чтобы я из-за него заблудился?» На это преподобный рассказал следующую притчу: «Иноки часов двенадцать находились в пути. Их застала ночь, и они удостоверились, что их проводник их обманывает. Однако они не захотели нарушать молчания, чтобы его обличить, и всякий из них подумал в сердце, что он увидит свою ошибку, когда наступит день, и выведет тогда их на настоящую дорогу. Так терпеливо следовали они за ним и прошли около двенадцати миль. Когда настало утро, проводник заметил свою ошибку и сильно перед ними извинялся. Они ему кротко отвечали: «Мы этого остерегались, но ничего не хотели сказать тебе». Этот человек удивился их терпению, их настойчивости в сохранении молчания и получил от этого большую духовную пользу.»

У преподобного было правило, что отшельник не должен выбирать такой ручной труд, который ему более нравится. Он не желал также, чтобы брат, по преклонному возрасту или ради немощи нуждавшийся в помощи братьев, свободно повелевал ими. «Когда люди сделали так уже много, — говаривал он, — что о нас заботиться, к чему нам еще приказывать?» Его ученик, служивший ему, был вынужден совершить путешествие. Много других братьев предложило ему свою помощь, но преподобный терпеливо дожидался его возвращения. Чтобы испытать его, Бог попустил, что сарацины дошли до его горы, что они ограбили его ученика и унесли тот малый запас провизии, который у него был. Когда варвары удалились, преподобный с учеником отправился искать по полям какое-нибудь пропитание, и когда святой старец нашел несколько зерен ячменя, он положил часть в рот, а остальные отдал ученику.

Бог возвышает тех, которые себя унижают. И он даровал преп. Сисою дар чудес. Но так как все, что привлекало к нему уважение людей, тревожило его смирение, он не выносил ничего, что распространяла о нем слава; и можно было добиться от него чуда лишь тогда, когда прибегали к какой-либо уловке.

Так поступил один человек, направлявшийся к нему за благословением со своим очень еще молодым сыном. Мальчик умер в дороге. Но отец, не печалась и глубоко веря в молитвы преп. Сисоя, отнес умершего к святому. Войдя в его келью, он положил мальчика у его ног, как будто тот не умирал, чтобы он благословил их обоих. После того, как святой совершил над ними молитвы, отец встал и вышел из кельи, оставляя труп сына с преподобным. Отшельник, видя, что тот не двигается сказал ему, чтобы он встал и шел за отцом. Мертвец ожил и исполнил это приказание. Тогда счастливый отец, в восторге ворвавшись к преподобному, объявил ему, что он сотворил, и прославлял за воскрешение своего сына. Но Сисой, ужасно боявшийся, чтобы кто не узнал о его чудесах, чрезвычайно был этим опечален и велел передать этому человеку через своего ученика, чтобы он всячески остерегался говорить об этом до его смерти. Преподобный Сисой избавил также этого самого ученика от жестокого покушения, молясь Христу Спасителю в простоте своего горячего сердца: «Господи, я не отойду от Тебя, пока Ты не избавишь его от одержавшего его искушения».

Нельзя удивляться тому, что его молитва была так действенна, потому что он влагал в нее необыкновенный жар, потому что его моления были так возвышенны, что доходили до экстаза. Иногда его сердце так всецело было охвачено огнем любви Божественной, что, едва вынося его силу, он облегчал себя частыми вздохами, не видя этого и даже против своей воли.

Доверие, которое отшельники имели к нему, заставляло его заботиться о них, и он с

чрезвычайным вниманием вооружал их против новшеств ересей. Несколько ариан осмеливались прийти к его горе, чтобы распространить между братией свое учение. Он им ничего не стал возражать, но приказал своему ученику прочесть в их присутствии трактат, составленный святителем Афанасием против их заблуждения. Это чтение выяснило всю лживость их догматов и затворило им уста. Обличив их таким образом, он отпустил их со своей обычной кротостью. Его ученик Авраам, видя, насколько он удручен годами и немощами, сказал ему, что ему было бы хорошо перейти поближе к обитаемым странам, где бы ему могли легче помочь. На это он ответил: «Если вы это находите нужным, отведите меня в такое место, где бы не было женщин». «Но, — отвечал ученик, — они всюду, кроме пустыни». «Если это так, — ответил он, — отведите меня в пустыню».

Из собрания его изречений можно понять, что он уступил желанию ученика и отправился на некоторое время в Клизму, город, расположенный на берегу или вблизи Красного моря. Там посетили его несколько мирян и желали вступить с ним в большие прения, но он молчал. Тогда один из них сказал другим: «Зачем вы надоедаете этому доброму старику: он не ест, потому не может и говорить». Тогда преподобный заговорил и ответил им: «Я ем, когда требует этого телесная нужда».

Авва Аммон пришел также навестить его и, видя, что он тоскует по своему уединению, стал ему доказывать, что, удрученный старостью, он нуждается в помощи, которую не мог бы иметь в пустыне. Но преподобный, бросив на него печальный взгляд, сказал: «Что говоришь ты мне, Аммон? Свобода духа, которой я там наслаждался, не заменяла ли мне всего!» Наконец, когда этот Божий человек вернулся в свое дорогое уединение и был уже при конце своего жизненного пути, отшельники собрались вокруг него, чтобы принять от него его последние мысли и чувства. Его лицо сияло и, как бы восхищенный уже вне тела, он говорил: «Вот авва Антоний идет ко мне». Немного позже он воскликнул: «Я вижу лик пророков». И в эту минуту его лицо стало еще лучезарнее. Он произнес еще: «Вот идут апостолы!» И продолжал говорить тихо, как будто беседовал с какими-то святыми людьми. Отшельники просили его объяснить, с кем он говорит, и он произнес: «Вот ангелы пришли принять мою душу; я прошу их подождать немного, чтобы дать мне время на покаяние». Они ответили ему: «Отче, тебе не нужно больше каяться», а он возразил; «Я не уверен в том, что я даже приступил к покаянию». Наконец его лицо просияло, как солнце, и в то же время он воскликнул: «Видите, видите. Спаситель идет ко мне!» Он отошел, произнося эти слова, и его келья в ту минуту наполнилась Небесным благоуханием.

Он почил около 429 года, по меньшей мере семьдесят два года спустя после того, как он удалился на гору преп. Антония, что показывает, что он пришел туда очень молодым и скончался в глубокой старости.

IX. Преподобный Аполлоний, фиваидский отшельник и дьякон-мученик

Место рождения и время смерти этого отшельника неизвестны. Предполагают, что он был замучен незадолго до св. Петра Александрийского, когда Максимин Дайя, объявленный цезарем, в нарушение эдикта, объявленного в его предсмертную болезнь Максимианом Галером, продолжал гонение, начатое Диоклетианом. Это относится приблизительно к 311 году.

Аполлоний был одним из лучших фиваидских отшельников и был возведен в степень дьякона. Когда последовало гонение, он не удовольствовался тем, чтобы славить Бога в тишине своей кельи, но навещал исповедников веры, заключенных в тюрьмах, и воодушевлял их

мужественно стоять за Христа. Семена его слова принесли богатые плоды, и благодаря ему несколько лиц с радостью приняли венец мученичества. Вскоре и самому ему выпало на долю умереть за Христа. Императорские чиновники, вменив ему в преступление его отношение к схваченным христианам, арестовали его и бросили в тюрьму. Язычники того места, где его содержали, пришли в большом числе, чтобы посмотреть на него и поглумиться над ним; один из них, по имени Филемон, знаменитый в народе искусством игры на флейте, желая отличиться перед другими, особенно издевался над преподобным. Он осыпал его всякой бранью, называл его соблазнителем, мошенником, говорил, что он заслужил всеобщую ненависть и что его надо уничтожить как можно скорее.

Аполлоний слишком приучил себя к терпению; чтобы в этом случае сохранить свое спокойствие, он молча выносил все то, что влагали ожесточение и ложная ревность в уста этому разъяренному человеку. Он дождался конца его ругательств и ответил ему такими словами: «Господь да сжалится над тобой, сын мой, и да не вменит тебе во грех всего, что ты наговорил!» Эти слова, произнесенные с кротостью, свойственной святым, растрогали Филемона. А Бог внезапным наитием Своей благодати сделал из него вдруг нового человека. Он объявил себя христианином и, не довольствуясь этим первым признанием, побежал в судилище и там всенародно заявил о своей вере во Христа.

Судья счел это за глупую выходку и шутку, потому что Филемон был известный шутник. Удостоверясь, однако, что он говорит серьезно, он спросил у него, потерял ли он рассудок и как он мог помешаться в такое короткое время.

На это Филемон твердо ответил ему: «Это ты скорее и несправедлив, и безумен, присуждая к смерти христиан, которые действительно ни в чем не повинны. Я объявляю, что я христианин и что нет на земле людей лучше христиан». Судья не подал вида тому, что оскорблен этим ответом; он постарался привлечь его на свою сторону ласками. И, лишь увидев, что это ему не удастся, перешел от кротких слов к жестокости и стал мучить его различными пытками. Он велел также привести из тюрьмы преп. Аполлония, против которого был страшно раздражен за обращение Филемона, и подверг его самым ухищренным мучениям за то, что он кроме богохульства и неверия в богов провинился еще соращением Филемона. Аполлоний, продолжавший оставаться спокойным, сказал ему со своей обычной кротостью:

— Дай Бог, чтобы ты и все находящиеся здесь последовали за тем, что вы называете во мне заблуждением.

Но этот ответ еще более раздражил судью. И он приказал сжечь Аполлония и Филемона живыми. И вот они уже стоят среди пламени. Уже лижущие языки его готовы опалить их тела. А сердце Аполлония еще жарче огня горит ревностью ко Христу. И вознес он тогда из глубины души своей, уже устремлявшейся в объятия Отца, последнюю молитву, чтобы Господь проявил Свою безграничную силу и посрамил язычество. Все присутствовавшие вокруг слышали его молитву, произнесенную громким голосом. И едва он кончил, как на него и Филемона пало облако, и излившаяся на них роса совершенно погасила огонь. Это чудо так изумило судью и народ, что они стали громко кричать, что один Бог христиан велик и бессмертен. Весть об этом чуде и об обращении этого значительного чиновника быстро распространилась и дошла до префекта Египта, который находился в Александрии. Но он не только не изменился под впечатлением этого известия и не призадумался над происшедшим, но выбрал офицеров самого жестокого нрава и отправил их за этим, уверовавшим во Христа чиновником и за Аполлонием.

В цепях они были приведены в Александрию. В дороге Аполлоний, полный Духа Святого, влагавшего в его уста слова живительные, возвещал Христа своим провожатым и настолько

убедил их в истине христианства, что они исповедали веру свою перед префектом и захотели разделить страдания приведенных ими и просветивших их узников. Найдя их непреклонными, префект приговорил их ко ввержению в море. Не мог понять этот нечестивец, что, давая им тем спасительное крещение, он внес величайшее счастье и возрождение. Они были там захвачены волнами, но для того, чтобы жить вечно.

Море, послужившее орудием их мученичества, не скрыло их от почитания верных. Оно возвратило их тела, выбросив на берег. Христиане похоронили их в общей могиле, которую Бог прославил множеством чудес и которая привлекала толпы народа. Память их празднуется 14 декабря.

Х. Преподобный Иоанн Египетский, пророк и отшельник в Нижней Фиваиде

Казалось, Бог послал этого святого в мир, чтобы показать, что не всегда знатное происхождение выставляет людей вперед и что право на это принадлежит больше всего добродетели. Святой Иоанн Египетский, при своем низком происхождении, так прославился святостью, что, можно сказать, кроме преп. Антония Великого не было другого инок, слава которого так прогремела по миру. Он был уважаем не только простым народом, но и великими землями и императором. Знаменитейшие писатели и богословы, каковы: святой Иероним, блаженный Августин, преподобный Касиан воздали ему дивные похвалы. Поэтому все сохранившееся о нем особенно заслуживает доверия, являясь отголоском слов, написанных о нем этими великими писателями. Город Ликобой в нижней Фиваиде был его родиной. Он был обучен ремеслу плотников и прожил, занимаясь ремеслом до двадцатипятилетнего возраста. Тогда, уступая желанию работать лишь для спасения души, он разом отказался от мира, чтобы удалиться в уединение. Хотя благо, от которого он отказался, было невелико, к нему можно применить слова, сказанные Иеронимом о святом Петре, что он покинул многое, так как в сердце его не осталось никакой любви к земным благам.

Вместе с этой первой жертвой он отрекся от своей воли. Он вручил себя руководству одного старого подвижника, чтобы научиться послушанию, и служил ему с величайшим усердием и смирением. Между тем старец, желая закалить его, налагал на него трудные испытания. Для начала он приказал ему поливать сухую и полусгнившую палку, пока она не пустит корней. Это испытание продолжалось год. Ни разу преп. Иоанн не нарушил приказания, хотя за водой должен был ходить за две версты.

Весть об этом подвиге послушания распространилась в соседнем монастыре, и некоторые братья приходили своими глазами удостовериться в этой изумительной покорности. Однажды в присутствии таких посетителей старец позвал Иоанна и велел ему выбросить в окно сосуд с маслом, составлявший их единственный запас. Преподобный беспрекословно исполнил это приказание, не рассуждая о том, что это масло им чрезвычайно нужно.

Еще как-то раз пришли монахи, желавшие полюбоваться Иоанновым послушанием. Старец позвал его и приказал бежать к одной указанной скале и прикатить ее к месту, где они находились. Это была громадная каменная масса, которую бы не могли сдвинуть несколько человек. И однако Иоанн, подбежав к ней, стал толкать ее то плечом, то животом и ногами, прилагая всевозможное усилие, пока все его платье и даже скала не были смочены его потом. Этим он доказал, что, когда настоятель приказывает ему что-нибудь, ему нечего смотреть, возможно ли, это или нет, а только слушать.

За такое исключительное смирение Господь даровал ему впоследствии дар пророчества.

Одиннадцать, или двенадцать лет упражнялся он таким образом в отречении от собственной воли. После этого, так как его духовный отец умер, он провел около пяти лет в различных монастырях и наконец удалился в пустыню, чтобы жить совершенно отшельником.

Место, выбранное им для уединения, была пустынная гора в округе города Ликополя. Он вырыл себе пещеру в скале, к которой был трудный доступ, и заткнул вход, чтобы его не отвлекали от погружения в духовно-созерцательную жизнь. В это время ему было от сорока до сорока двух лет. И он пробыл в этом затворе до девяноста лет, не отворив его ни разу никому, кроме только одного человека, который и сохранил нам повествование о его жизни.

Как ни желал он всей душой жить с одним лишь Богом, он не мог помешать, чтобы к нему не стекались со всех сторон, так что он принужден был разрешить выстроить неподалеку от своей кельи помещение, в котором бы посетители были защищены от непогоды и пользовались странноприимством, на котором так настаивает Евангелие. Но он говорил лишь по субботам и воскресениям через окно, которое служило ему для передачи ему пищи. И он не позволил ни одной женщине приблизиться к его келье.

Он вел в этом месте совершенно Небесную жизнь. Он находился в постоянной молитве и созерцании. Сердце его, отрешенное от земли и чуждое мирских забот, возносилось к Богу с полной свободой, и Бог, соединяясь все теснее с его душой, по мере того, как возрастала его отрешенность от мира, наполнял ее светом и обилием благодати.

Его воздержание было велико по обычаю тех счастливых времен. Он не вкушал ничего вареного, даже хлеба; но ел один раз в день к вечеру небольшое количество плодов. Он соблюдал эту строгость поста до конца своей жизни и так в это втянулся, что впоследствии, даже при желании, не мог бы изменить образа жизни: так он утончил свой желудок! Вероятно, по этой же причине его борода и волосы были чрезвычайно светлы, так как крайняя слабость, до которой он довел свое тело, уничтожила соки, поддерживающие краску волос.

Какими дарами ни наградил его Бог, Он не избавил его от искушения, которыми Он, как золото огнем, испытывает Своих величайших святых. Демоны часто пытались смущать его ночью, чтобы отвлечь его от молитвы и лишить его короткого покоя, а по утрам, прибавляя насмешки к причиненному злу, они являлись в видимых формах, как будто прося извинения за ночное беспокойство.

Этот лукавый дух, пользующийся малейшим случаем для соблазна служителей Божиих, в одной встрече имел удачу смутить святого. Духи внушили ему мысль усилить свой пост до двух дней сряду, чтобы ослабить его ум полным ослаблением тела, уже изнуренного старостью и необычными подвигами.

Преподобный, который из-за любви к подвигу подвергал себя всевозможным истязаниям, поддался искушению. Когда в конце второго дня он хотел сесть за трапезу, демон явился к нему под видом гнусного эфиопа и, бросившись перед ним на колени, сказал ему со злой усмешкой: «Ведь это я побудил тебя к этому долговому посту». При этом признании преподобный пришел в себя и понял, что он поддался вражескому внушению. Это побудило великого служителя Божия лишь к большей бдительности.

Тридцать лет жил он так в затворе, сражаясь с духами тьмы, в великих подвигах, предаваясь день и ночь молитве, живя, так сказать, в Небе высотой своего созерцания, как будто он уже не находился в этом мире. И после такой жизни Бог дал ему благодать пророчества, столь великую, что ничто не могло остаться не обнаруженным перед его взором, где бы скрыто оно ни было: в закоулках совести людской, или в отдаленных местах, или во тьме будущего.

Людам, приходившим к нему как из отдаленных стран, так и из близи, он, когда это было нужно, объявлял то, что они считали навсегда скрытым в глубине своей совести. И, если они совершили тайно какой-нибудь большой грех, он увещевал их наедине ревностно и кротко, чтобы вызвать в них раскаяние и исправление. Он также заранее объявлял, будет ли разлив Нила, от чего зависит хороший или дурной урожай, большой или средний, и предупреждал людей, когда им угрожал гнев Божий, объяснял людям, чем они вызвали этот гнев, и уговаривал грешников смягчить Бога покаянием и переменой жизни.

Все это относится к менее интересному его предсказанию. К тем, которые в свое время наделали много шума, принадлежит его пророчество о поражении эфиопян, когда они сделали набег на владения империи со стороны Сиены, первого города, который находится в Верхней Фиваиде, идя из их страны. Они сумели разбить по частям противопоставленные им войска, нанесли большой урон и захватили большую добычу. Можно было бояться, чтобы они не продолжали далее своих завоеваний, так как числом они сильно превосходили римские войска. Генерал, начальствовавший над этими войсками, не нашел лучшей помощи, как обратиться к совету и молитвам отшельника Иоанна. Итак, он пришел посоветоваться с ним, что ему делать. И служитель Божий ему ответил, обозначив при этом точный день, в который сбудется его пророчество, что он может без боязни идти на неприятеля, что он одержит в этот день над ним полную победу, что он обогатится от него военной добычей и захватит обратно то, что неприятель у него отнял. Все так и случилось. И когда этот генерал по возвращении из похода пришел благодарить его, он еще предсказал ему, что он будет пользоваться особыми милостями императора. И это в действительности оправдалось. Пришел посетить его другой офицер. Жена его, которую он оставил беременной, родила, как потом оказалось, в тот самый день, как он был у подвижника, и находилась при смерти. Святой сказал ему: «Ты, конечно, воздал бы славу Создателю, если бы знал, что Господь даровал тебе сегодня сына. Мать его в опасности, но Бог ей поможет и ты найдешь ее выздоровевшей. Спешь поскорее домой. Ты придешь туда на седьмой день по рождении ребенка. Назови его Иоанном. Воспитывай его у себя до семилетнего возраста, не позволяй ему иметь какие бы то ни было отношения с язычниками. И затем поручи его воспитание каким-нибудь инокам, чтобы они вырастили его в преданности и верности Богу».

Одна благочестивая женщина по имени Пимения, жившая в Фиваиде, чрезвычайно желала видеть преподобного Иоанна. Так как он не принимал лиц ее пола, то и для нее не сделал исключения из правила и удовольствовался тем, что велел ей передать через других разные советы. Особенно наказывал он ей не ехать в Александрию. Она по небрежности или потому, что забыла совет святого, поплыла по Нилу к этому городу. По дороге она остановила свое судно у Ниссий; ее люди сошли на берег, завязались ссоры с местными жителями — и те одного из них убили, переранили других, бросили в реку третьих, ничего не зная о запрещении отшельника Иоанна. Наконец, погрузили и ее в воду и принудили ее саму удалиться, угрожая в противном случае поступить с ней еще хуже.

Самые же знаменитые его предсказания были те, которые он сделал императору Феодосию Великому. Он заранее в разное время предупредил его о вторжении варваров в провинцию, о восстании тиранов и средствах укротить их и еще о разных событиях его царствования. Особенно важны были для Феодосия те советы, которые он спросил у преп. Иоанна относительно двух своих самых опасных врагов. Один из них был тиран Максим, победитель двух императоров Грациана и Валентиниана, из которых он первого убил в 383, а другого изгнал из его владений в 387 году. Иоанн уверил его в победе и предсказал, что он одержит ее без большого кровопролития. Доверившись его слову, Феодосий пошел на врага, — хотя имел меньше, чем тот войска, — разбил Максима в двух битвах в Паннонии, беспрепятственно перешел Альпы, преследовал его и, наконец, нагнал в Аквилее, где солдаты Феодосия отрубили

Максиму голову.

Четыре года спустя Евгений завладел западной империей, с помощью предводителя Арбогаста, задушившего молодого Валентиниана. Феодосии решил идти на него, чтобы отомстить за убитого. Евгений, ожидавший этой войны, готовился к ней, как язычник, прибегая к идольским суевериям и к магии. Он спросил человека, который брался сам предсказывать будущее колдовством. Римские жрецы приносили также много жертв за Евгения, тщательно рассматривали внутренности жертвенных животных и находили в них счастливые предзнаменования. Феодосии же искал истину в более чистых источниках. Он послал в Фиваиду одного из своих придворных, Европия, чтобы тот убедил Иоанна прийти к нему или узнать у него, идти ли ему самому первому на тирана или ждать, чтобы тот напал на него. Евтропий с усердием исполнил данное ему поручение. Он убеждал Иоанна ехать к императору. Но, не уговорив его покинуть уединение, он услышал великие предсказания. Он узнал от Иоанна, что император одержит победу, что она достанется с большими жертвами, чем та, которую он одержал над Максимом, что Евгений погибнет, но что сам Феодосии ненадолго переживет его; что он умрет в Италии и оставит своему сыну западную империю. Все это в точности исполнилось. Феодосии пошел на Евгения и думал сперва, что он побежден, так как в первый же день битвы потерял десять тысяч готов; но на другой день победа решительно склонилась на его сторону, и было ясно, что ею он обязан исключительно молитвам преподобного, так как он был в такой опасности все потерять. Битва произошла на Аквилейской равнине 6 сентября 394 года. Феодосии же жил только до 17 января следующего года и по смерти оставил восточную империю Аркадию, западную — Гонорию своим сыновьям.

Дар пророчества, полученный преп. Иоанном от Бога, сопровождался даром исцеления. Он творил чудеса и там, где его не было, особенно ради женщин, так как он никогда не позволял, чтобы хоть единая подошла к его келье. Супруга одного сенатора ослепла и постоянно просила мужа отвезти ее к преподобному. Муж узнал, что преподобный никогда не допустит ее к себе. Единственное разрешение вопроса он нашел в том, что пришел просить Иоанна хоть помолиться за нее. Он это исполнил и, кроме того, послал ей масло, которое освятил. Больная потеряла им себе глаза, и к ней вернулось зрение. Он обыкновенно пользовался этим освященным маслом, надеясь, что станут приписывать исцеления больных менее ему, чем силе благословения. Таким образом он по смирению скрывал полученную им благодать. Он приписывал также исцеления вере тех, которые к нему обращались, и уверял, что он был услышан вовсе не за какие-нибудь свои заслуги, но лишь потому, что Господь желал подать Свою милость этим людям.

Его твердое намерение не говорить ни с одной женщиной подало повод к замечательному обстоятельству, на котором особенно останавливался блаженный Августин.

Один военачальник, ведший войска в Сиенну, куда ехала с ним его жена, отправился по ее уговору к келье преподобного; его целью было выпросить, чтобы Иоанн позволил ей прийти к нему. Преподобный Иоанн отвечал, что оно тех пор, как затворился в келье, никогда не видал женщин и что то, что она просит, совершенно неисполнимо.

Офицер не сдавался. Он продолжал все настойчивее упрашивать его, уверяя, что если он ему откажет в этой милости, то жена его умрет с горя. Тогда, исполняя ее просьбу, он доставил ей необыкновенную радость.

Святой дивился его вере и настойчивости. Он не желал огорчать ни его, ни его супругу полным отказом, но не мог изменить своего решения. Он ему сказал: «Иди, твоя жена увидит меня, не приходя сюда и даже не выходя из дома». Офицер ушел с таким ответом, стараясь догадаться, что это значит. Много раздумывала над ним и жена. Ночью, когда она заснула, святой явился

ей во сне и сказал ей такие слова:

«Женщина! Твоя вера велика и принуждает меня прийти сюда, чтобы удовлетворить твою просьбу. Тем не менее я советую тебе не желать видеть земной облик служителей Божиих, но созерцать очами духа их жизнь и их дела, «ибо плоть не пользует, а дух животворит». Что же касается меня, то я вовсе не в качестве праведника или Пророка, как ты думаешь, но только ради твоей веры помолился за тебя, и Бог даровал тебе исцеление от всех болезней, которыми ты страдала. Ты и твой муж — вы будете отныне пользоваться совершенным здоровьем, и благоденствие осенит весь ваш дом. Но не забывайте Бога и благодеяний, полученных вами от Него. Живите всегда в страхе Господнем, не желайте ничего свыше того, что вам назначено в жалованье, а ты довольствуйся тем, что видела меня во сне, не прося ничего большего».

Проснувшись, эта женщина рассказала мужу все, что она видела и слышала, и описала ему очень верно все черты лица преподобного, цвет и форму его платья и все другие отличия, по которым его можно было признать. Он не мог сомневаться, что святой явился ей во сне. В изумлении вернулся он к пещере преподобного Иоанна, сказал ему все происшедшее и благодарил его.

Очень интересно описание посещения, сделанного блаженному Иоанну Палладием и другими отшельниками, и те прекрасные наставления, какие он там получил. Палладий был в Нитрийской пустыне со своим учителем Евагором и Албином, Аммоном и тремя другими. Они как-то разговорились про преп. Иоанна, о святости которого шла громкая молва. Евагор сказал, что он был чрезвычайно рад узнать наверно о его добродетелях через какого-нибудь опытного в духовных вопросах человека.

Палладий чувствовал в себе достаточно сил, чтобы совершить это путешествие, так как ему было всего двадцать шесть лет. Он отправился, никого не предупреждая, и после трудного пути прибыл наконец к горе преподобного. Помимо того, что он находился в дороге восемнадцать дней, совершая путь отчасти пешком, отчасти по воде, он еще заболел, так как это было время разлива Нила, во время которого болезни представляют обычное явление.

Прибыв в келью, он увидел, что вход в нее заперт, и узнал, что она отпирается лишь в субботу и воскресенье. Он дождался этого дня и увидел преподобного сидящим у окна, через которое он говорил с подходившими к нему людьми. Увидев его, святой ему поклонился, спросил его через переводчика, из какой он страны, что его привело сюда, и добавил, что, по его мнению, он принадлежит к компании Евагра. Палладий ответил на все его вопросы. Но во время их разговора явился Алипий, губернатор этой провинции, и с большой поспешностью подошел к преподобному Иоанну. Отшельник покинул тогда Палладия, который отошел в сторону, чтобы дать им поговорить на свободе. Беседа их затянулась. Палладию наскучило ждать, и в сердце его возникло чувство ропота, что святой обращает на него слишком мало внимания, что делает разницу в лицах по их положению... Палладий даже думал сразу уйти.

Преподобный в эту минуту узнал духом, что происходит у него в душе, и послал к нему своего переводчика Феодора сказать ему не быть нетерпеливым, так как он сейчас отпустит губернатора. Эти слова заставили Палладия опомниться. Он понял, насколько просвещен был преподобный, раз он проникает в его мысли, и стал спокойно ожидать ухода губернатора.

Когда преп. Иоанн позвал его к себе, он сделал ему мягкий, ласковый выговор за произнесенное им осуждение и за внутренний ропот, до которого он себя допустил. Потом, чтобы утешить его, он ему сказал:

— Не помнишь ли ты слов Писания, что не здоровые, а больные имеют нужду во врачах? Я могу

говорить с тобой, когда захочу: ведь ты со мной, и если бы я не мог доставить тебе духовного утешения, есть другие отцы, которые могут это сделать. А вот этот губернатор, который находится под властью духов в тех земных делах, которыми он занимается, пришел ко мне за несколькими спасительными советами. И в то время, которое у него есть, чтобы передохнуть, в те минуты, когда он, как раб, бежит из-под власти жестокого и немилосердного господина, как могу я его покинуть, чтобы говорить с тобой — с тобой, постоянно занимающимся делом спасения?

После этого разговора Палладий стал просить Иоанна помолиться за него, но святой старец, дав ему, как маленькому ребенку, мягкий удар по щеке, с приятной веселостью продолжал затем говорить ему следующее:

— Ты не будешь избавлен от печали. Ты вынес уже большую борьбу при мысли оставить твое уединение. Но страх оскорбить Бога заставил тебя отложить свой уход. Демон мучит тебя этим и представляет тебе видимые поводы к такому удалению. Он представил тебе, что твой отец скорбит о твоём уходе, что твое возвращение побудит твоего брата и сестру удалиться в уединение. Но я возвещаю тебе добрую весть, что твои оба брата вне опасности и что твой отец проживет еще семь лет. Пребуди же с мужественным сердцем в уединении и не думай из любви к ним вернуться домой, потому что написано: «Возложивший руку на рало и озирающийся вспять недостоин Царства Небесного».

Эти слова много утешили и укрепили Палладия. Затем старец с той же веселостью спросил его, не мечтает ли он об епископстве. Он отвечал, что нет, так как он уже епископ. (В переводе с греческого это слово означает: «надсмотрщик», «смотритель» или «надзиратель» и проч.)

— В каком городе ты епископствуешь? — спросил святой.

— Я епископствую, — отвечал Палладий со смехом, — над кухней, над расходами, над столом, потому что усердно слежу за этими вещами: вот мое епископство, назначенное мне свыше.

— Перестань шутить, — сказал ему святой, — потому что ты скоро будешь епископом и много пострадаешь от разных распрь. Но если хочешь избежать всего этого, не выходи никогда из своего уединения, ибо, пока будешь в нем оставаться, никто не может назначить тебя епископом.

Вскоре он почувствовал истину этих слов. Через три года, угрожаемый признаками водянки, он согласился ехать в Александрию, откуда, по совету врачей, перешел в Палестину, а затем в Вифанию, и там был сделан епископом Еленопольским. Он вслед за тем пострадал от гонения, воздвигнутого на Иоанна Златоуста, и в течение одиннадцати месяцев был спрятан в темном помещении. Тогда-то вспомнил он, как предсказывал ему великий Пророк все несчастья, которые он претерпел.

Между тем преподобный, желая ободрить его, чтобы он терпеливо переносил свое одиночество, велел передать ему, что сам он уже сорок лет живет, заключась в своей келье, и за все это время не видал ни одной женщины, ни одной монеты; не видел, как едят люди.

Палладий вернулся затем в Нитрию, где он рассказал Евагру и другим пяти инокам все, что он видел в этом замечательном человеке. Своим рассказом он возбудил в них еще более горячее желание самим туда отправиться, что они и сделали через два месяца. По возвращении они рассказали Палладию, чему они были свидетелями во время своего посещения, но он не поместил этого в своей истории.

Приблизительно в это же время Руфин или, как полагают другие, Петроний, говорящий пером

Руфина, отправился к святому с шестью спутниками, ища духовных наставлений. Они были им приняты с выражением любви и гостеприимства истинно христианским. Так как у египетских отшельников был обычай совершать молитву до начала беседы, то они просили святого старца исполнить это и дать им благословение. Он спросил их, нет ли среди них лица священного сана, на что они ответили отрицательно.

Тогда святой стал в них внимательно вглядываться по очереди и, когда дошел до самого молодого, произнес, указывая на него пальцем: «Этот — дьякон». Он был действительно дьякон. Но открыл это лишь одному из спутников, которому вполне доверял, скрывая по смирению свое достоинство, чтобы не казаться, что он превосходит званием благочестивых людей, с которыми шел и которых считал гораздо выше себя. Он продолжал отрекаться, но преп. Иоанн, взяв его за руку, поцеловал эту руку и сказал: «Остерегайся, сын мой, отрицать благодать, полученную тобой от Бога, чтобы добро не довело тебя до зла и смирение до лжи. Ибо никогда не надо лгать не только с дурным намерением, но и с доброй целью, потому что ложь, как учит Спаситель, приходит не от Бога, а от лукавого». После этого краткого наставления дьякон перестал скрывать истину и открыл ее своим молчанием.

Когда они совершали молитву, один из братьев, сильно страдавший лихорадкой, просил святого исцелить его. Преподобный ответил, что он ищет облегчения от страдания, которое ему полезно, так как болезнь очищает душу, как соль употребляется для очищения тела. Однако преподобный благословил елей, потершись которым больной почувствовал себя лучше и мог пешком дойти до места, назначенного для пребывания его и его товарищей. Преподобный распорядился, чтобы им было оказано всякое внимание по правилам христианского гостеприимства, и, укрепившись телесной пищей, они поспешно вернулись к нему, чтобы получить духовную. Он тотчас принял их с выражениями такой любви, как будто они были его собственные дети. Он их усадил и спросил их, откуда они и какова цель их путешествия. Они отвечали, что они идут из Иерусалима, чтобы быть свидетелями того, что донесла до них молва, потому что все, что видишь своими глазами, гораздо глубже врезается в память, чем то, о чем только слышишь.

Тогда повел он с ними ту длинную беседу, которой Руфин приводит только часть и которая полна возвышенными нравственными наставлениями и очень интересным замечанием насчет духовной жизни. Чтобы дать понятие об этой беседе, можно разделить все сказанное а ней на два главных отдела: чего должны пустытники избегать и что они должны стараться приобрести.

Что касается первого, он советует пустынникам не довольствоваться одним внешним или словесным отречением от демона, называемого князем века, но исполнять это на самом деле в своей внутренней жизни, исправляя пороки, укрощая страсть, умервляя чувственность, подавляя беспорядочные привязанности и все более и более освобождаясь от своих недостатков и несовершенств.

Один из главных пороков, которые он советует истреблять, это гордость. Он предупреждает Руфина и его спутников остерегаться, чтобы чувство гордости не прокралось и в то намерение, с которым они пришли к нему, не побудило бы их по возвращении гордиться перед другими, что они видели такие вещи, о которых другие знают лишь по рассказам. Он сказал, что гордость — это такой опасный порок, что он может низвергнуть душу с высоты совершенства; что одинаково опасен и только начинающим духовную жизнь, и тем, которые уже много потрудились, внушая первым после какого-нибудь подвига молитвы или милостыни, что они достигли уже совершенства, и заставляя вторых приписывать свои успехи своим трудам и ревности вместо того, чтобы относить всю славу к Богу.

От гордости он переходит к другим порокам вообще и умоляет отшельников мужественно бороться с ними. Средство, на которое он им указывает, — это следить самым тщательным образом за мыслями и сердцем своим, чтобы ни одно пустое пожелание, ни одно беспорядочное побуждение не пустило в душе корней, потому что, кроме того, что от этого рождается чрезвычайная рассеянность, развлекая душу на молитве, пленяющая ум, заставляющая воображение блуждать по тысяче бесполезных или губительных предметов, — эти безнравственные привязанности путем греха открывают дверь души демону, который тогда поселяется в той душе, как в доме, ему принадлежащем. Затем он в немногих словах показывает печальное состояние души монахов, над которым демон властвует грехом. «Он навсегда лишен мира и покоя. Он всегда в смущении и в тревоге. То он увлекается безумными радостями, то он удручен глубочайшей скорбью, а все это потому, что в нем живет роковой гость, которого он допустил, уступая своим страстям».

Тут святой жалуется на заблуждение некоторых иноков, которые, говорит он, только, по видимому, отрекаются от мира, а сами не работают над очищением себя от пороков и над укрощением страстей. «Вся их забота, — говорит он, — не идет дальше посещения нескольких святых отцов, и слышанные от них мудрые поучения они приносят затем своим братьям в духе тщеславия, величаясь своими сношениями с этими служителями Божиими, корча из себя учителей, и повторяют эти прекрасные наставления, поучая других не тому, что сами исполнили, но что лишь слышали и видели». Упрекает он еще и тех, кто по тщеславию хочет возвыситься до священных степеней, которых инок не должен искать, ожидая призвания от Бога.

Чтобы ярче выставить все безобразие души инока, который через грехи свои и пороки находится во власти демона, преподобный противопоставляет счастливое состояние того, кто борьбой со страстями стяжал себе духа Божия. Вот в каких словах рисует он такого инока: «Наоборот, тот, кто действительно отсекся от мира, то есть отсек грех от своего сердца, не оставив никакой открытой двери, через которую грех мог бы войти; кто подавляет гнев, укрощает беспорядочные движения души, избегает лжи, ненавидит зависть; кто не только не злословит, но и не позволяет себе даже судить своего ближнего; кто считает своими радости и огорчения своих братьев и кто поступает так во всех обстоятельствах, — тот открывает дверь души Святому Духу. Когда он вошел в душу, там царствует лишь любовь, терпение, кротость, благость и все другие плоды, которые производит Дух-утешитель».

Далее преподобный говорит о том, что должен приобрести инок.

Это прежде всего чистота сердца, к которой он должен стремиться постоянной борьбой против страстей и всяческими усилиями умертвить в душе нечистые привязанности всеми духовными подвигами, свойственными его званию. Он уверяет, что чистота сердца будет чудным образом располагать его к наитию благодати. То, что он высказывает по этому поводу, заслуживает быть приведенным в целостности, потому что здесь заключено в немногих словах и в доступной форме то, что наставники в духовной жизни последующих веков высказали пространнее и с большими подробностями о высших степенях молитвы, о таинственном общении души с Богом и с бесплотными духами.

«Если, — говорит он, — мы предстанем перед Богом с совестью чистой и свободной от этих недостатков и пороков, о которых я говорил, мы можем увидеть Бога, насколько Его можно видеть в этой жизни, и возвести к Нему в нашей молитве очи, чтобы созерцать не телом и не чувственными глазами, но умственным взором и духовным постижением Того, Кто невидим. И пусть никто не думает, что он может созерцать Его Божественную сущность, какова Она есть на самом деле, и не строит в своем уме какого-нибудь образа, имеющего отношение к телесным вещам.

Да не воображает себе никто Бога в каких-нибудь формах ни в каких-нибудь определяющих его границах. Надо мыслить Его как чистого духа. Который может быть ощутимым и проникать Собою любовь нашей души, но не может быть постигнут, ограничен, очерчен словом. Поэтому мы должны приближаться к Нему с глубоким благоговением и великим страхом. И мы должны, хотя бы душа наша была совершенно чиста и свободна от всякой нечистоты и всякого клейма испорченной воли, созерцать Его внутренними очами таким образом, чтобы земля наша знала, что Он стоит невыразимо выше всякого великолепия, всякого света, всякого сияния, о каких она только может мыслить».

Изложив это учение о созерцании Бога, преподобный переходит к необыкновенным действиям благодати, которые иногда Бог посылает душе, каково чувство священной близости к Богу и другие таинства, которые Он открывает, и явления бесплотных духов.

«Тот, — говорит он, — кто познал таким образом Бога, приобретет затем познания великих тайн, так как, чем более будет очищаться его душа, тем более откровений будет делать ей Бог. Господь будет тогда смотреть на него как на Своего друга и как Он смотрел на тех, о которых сказано в Евангелии: «Не называю вас более слугами, но друзьями». И Он им дарует, как дорогому другу, то, чего он просит. Ангелы и все бесплотные духи в небе будут относиться к нему как к другу их Бога и Господина: они исполнят все желания его и о нем можно будет поистине сказать: «Кто отлучит меня от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?»»

В этих словах преподобного видно то, что учителя духовной жизни позднейших времен высказали о чрезвычайных дарах, которые Бог посылал иногда своим верным слугам.

Но преподобный знал, что эти дары не самое существенное на пути к совершенству и что самое главное — это заставить сердце и мысль отучиться от любви к миру и к себе. Настаивая особенно на этом основании Монашества, он приводит из жизни разных отшельников три примера, которые все доказывают опасность гордости и ложной славы и значение смирения в нашем внутреннем деле.

Один монах жил в большом воздержании, питался лишь от труда своих рук, проводил дни и ночи в молитве и выдавался разными добродетелями. Но он слишком высоко ценил свои успехи, возымел чувство тщеславия и доверия к собственным силам. Вследствие этого демону стало легко приступить к нему с самыми худшими искушениями. Он довел инока до греха плотской нечистоты, после чего этот несчастный, вместо того чтобы обратиться через покаяние к Богу, впал в отчаяние, покинул пустыню и вернулся в мир. Там он предался греховной жизни с таким упорством, что тщательно избегал встреч с хорошими людьми из опасения, чтобы кто-нибудь своими спасительными советами не извлек его из пропасти, в которую он добровольно бросился.

Другой случай совершенно противоположен первому. Один грешник жил так беззаконно, что считался в своем городе первым развратником. Милосердие Божие довело его до желания покаяться. Он обратился к Богу и удалился в отдельную пещеру, где заглаживал великим воздержанием и ручьями слез бесчисленные грехи, которые он сотворил. Демоны, приведенные в ярость столь счастливой переменой его жизни, повели против него жестокую войну. Они не только томили его сильными искушениями, но безжалостно поражали его физически, причиняя ему невыносимую боль. Однако он остался тверд и непреклонен в своем добром намерении, и главным образом поддерживала его глубина его смирения и его живое чувство сокрушения о прошлом, которое он поддерживала постоянно в своей душе. Он достиг этим способом столь великой добродетели, что по всей стране на него смотрели как на Ангела и, удивляясь его благочестию, говорили, что столь необыкновенную перемену могла совершить

только рука Всевышнего. Его пример произвел такое впечатление, что вслед за ним обратилось еще несколько грешников и еще несколько людей, которые после доброй жизни имели несчастье тяжко пасть и в отчаянии не осмеливались отказаться от этой жизни и теперь исправились.

Третий рассказанный преподобным случай заключает в себе также весьма полезное и высокое учение. Один отшельник, живший в самом глухом месте пустыни, провел в ней несколько лет очень строгой жизни. Он уже приближался к старости. Его душа была полна лучшими добродетелями и возвысилась до самого высшего совершенства, какого может достигнуть монах. Посвящая себя всецело на службу Богу, постоянно молясь и прославляя Бога в гимнах, он имел от Бога великие утешения. Чтобы вознаградить его еще в этой жизни за его верность. Господь освободил его от забот о пище и посылал ему Сам пищу. Он чудесным образом находил у себя на столе хлеб чрезвычайно приятного вкуса, вкусив которого этот добрый инок начинал снова молиться и петь гимны. Бог, кроме того, давал ему некоторые откровения и несколько раз открывал ему будущее. Все эти знаки Божьего благоволения, которые он получал лишь по милосердию Божьему, возбудили в нем гордость, как будто он стяжал их собственными заслугами. Его рвение стало к Нему ослабевать, причем сперва он сам этого и не заметил, затем он дошел до большого обленения, так что был менее усерден в песнопении и не так охотно молился. Во время пения псалмов его стали посещать пустые мысли, и незаметно греховные помыслы забрались в самые тайные уголки его сердца. Однако он исполнял все свои прежние «правила», так что с виду он казался тем же и зло было лишь внутри. В таком расположении, войдя после вечерни в свою пещеру, он, как прежде, нашел Небесный хлеб на столе. Он съел его, нисколько не думая о том, чтобы опомниться от своего разленения, и не помышляя о плачевной перемене, которая в нем произошла.

Затем он почувствовал в сердце движение властолюбия; в нем горело пламя нечистой любви, им овладело желание вернуться в мир. Однако он боролся с собой в этот день, совершил песнопения и молитвы и, когда вошел в келью, чтобы утолить голод, нашел снова на столе хлеб. Но этот хлеб не был так бел, как обыкновенно. Эта перемена удивила его и навела на него печаль. Он понял, что то было наказание за его разленение. Спустя три дня искушение возобновилось, и в такой силе, что его воображение представляло ему предмет искушения с чрезвычайной живостью, и он в мыслях готов был на грех. Однако он и теперь пропел псалмы и совершил обычную молитву, но ум его был полон смущения и тревоги.

Когда после вечерни он вошел в пещеру, он опять нашел хлеб на столе, но хлеб грубый, сухой и как будто объеденный со всех сторон мышами и собаками. Тогда он стал вздыхать и лить слезы, которые, однако, лились не настолько от чистого сердца и не в таком изобилии, чтобы могли погасить столь страстное сердечное воспламенение. Однако он вкусил хлеба, но не столько и не с таким удовольствием, как бы ему хотелось.

Нечистые помыслы умножались и обуревали его воображение, как тучи пущенных стрел. И ночью он поднялся и отправился в город, решив оставить служение Богу.

Он был еще далеко от города, когда рассвело. Так как он уже много прошел и чувствовал зной солнца и усталость, то, посмотрев во все стороны, нет ли где монастыря, где он мог бы отдохнуть, он заметил келью, где жили отшельники, и направился туда. Как только они его завидели, они вышли к нему навстречу, приняли его, как будто к ним пришел Ангел, вымыли ему ноги, пригласили его прийти на молитву, приготовили ему трапезу — одним словом, исполнили относительно его все обязанности гостеприимства.

Когда он немного отдохнул, они стали убеждать его, как человека опытного в духовной жизни, сказать им что-нибудь в наставление и главным образом научить их, как избегать козней врага

и изгонять из головы дурные мысли, им внушаемые. Таким образом, ему пришлось говорить с ними обо всех этих предметах, и он дал им полное наставление. Но пока он с ними говорил, в нем пробудилось раскаяние в своем поступке и он сказал себе в глубине сердца: «Как смею я объяснять другим, как защитить себя от лукавства демона, когда я сам поддаюсь искушению? И как хочу я исправлять других, сам первый не исправляя себя? Иди, ничтожный человек, и исполни прежде то, чему учишь». Сделав себе этот внутренний упрек, он еще живее понял весь ужас своего положения. Он простился с иноками, направился в пустыню и, войдя в свою пещеру, распростерся в молитву перед Богом, говоря в сердечном сокрушении: «Если бы Спаситель не пришел ко мне на помощь, моя душа была готова низвергнуться в ад. Еще немного — и я бы впал в разные преступления. Но надо мною сбылось слово Писания: «Брат, который поможет своему брату, будет возвышен, как крепкий город; брат, помогающий брату, будет как хорошо укрепленная крепость. Его намерения будут тверды, как петли городских ворот»».

Видя затем, что по своей вине он потерял Небесную пищу, которую посылал ему Бог, он провел остаток своих дней в слезах и в печали и начал снова есть хлеб, добытый трудом в поте лица. Он заключился в своей пещере и жил в ней в власянице, молясь и вздыхая, пока не явился к нему Ангел и не сказал ему: «Господь принял твое покаяние. Но берегись увлекаться тщеславием. И когда братья, которых ты оставил, придут благодарить тебя и станут благословлять твое имя, не отказывай им в приеме, но ешь с ними и вместе с ними прославляй Бога».

Рассказав эти примеры, преподобный Иоанн объяснял Руфину и его спутникам, что вывод, который они должны из этого сделать, таков: ничто нас так не обеспечивает от опасности этой жизни, как смирение, и нет ничего более опасного, как гордость. Он прибавил, что надо быть настороже, чтобы демон не искушал нас дурными мыслями, что обычай, который имеют иноки, когда кто приходит их посетить, — начинать с молитвы имеет целью именем Божиим разрушить козни врага.

В течение трех дней поучал Иоанн своих гостей. И когда они прощались с ним, он им сказал: «Идите в мире, дети мои. Сегодня пришло в Александрию известие о победе, которую благочестивый император Феодосии одержал над тираном Евгением. Но этот великий император скоро умрет естественной смертью». Вернувшись домой, они видели исполнение пророчества преподобного.

Что касается до него самого, то он умер вскоре после посвящения Руфина, который пишет, что через несколько дней он узнал через иноков, что эта яркая звезда монашества закатилась. Преподобный Иоанн провел три дня подряд, никому не показываясь, и в коленопреклоненной молитве предал дух свой Богу.

Жизнь этого человека была слишком отрешена от земли, он слишком углубился в таинство духовной жизни, а мы слишком далеки от них, слишком оплотнели, чтобы нам не казалось мало понятным и странным многое из здесь написанного.

Но то, над чем, быть может, с улыбкой сомнения остановится мнимая мудрость, — то покажется легко приемлемым для тонкого и глубокого ума.

Уже прошло время, когда недоверие ко всему лежащему вне области чувственного восприятия считалось признаком образованности. На Западе учреждаются целые ученые общества для изучения явлений, близких тем, каких было так много в жизни преподобного Иоанна. Лишь для людей с крайне ограниченным кругозором, лишь для младенствующих умов существование мира духов представляется сомнительным. И что удивительного в том, что люди, доведшие в

себе развитие духа до такой исключительной силы, как египетские пустынные, чувствовали их, с ними говорили и боролись, когда этих же духов и чувствовал и видел один из самых трезвых, самых прозорливых и блестящих умов нашего времени — В. С. Соловьев!

Не как на какие-нибудь интересные и оригинальные басни, а как на реальную действительность, более несомненную, потому что менее преходящую, чем тот чувственный мир, который нас окружает, нужно смотреть на эти заботливо собранные добросовестными христианскими писателями древности сказания. Собирали же они их на пользу будущих поколений, на помощь в той страшной и неизбежной борьбе, которая известна всякому сознательному христианину.

XI. Преподобный Аполлон, отшельник в Нижней Фиваиде

Он родился около 321 года неизвестно где. В возрасте пятнадцати лет он удалился в пустыню в обществе своего старшего брата, который вел там столь совершенную жизнь, что Бог после его смерти показал его Аполлону в небе среди св. апостолов.

Он явился наследником его добродетели и сделал громадные успехи в духовной жизни. Бог готовил его к великим делам на благо многих.

Проведя сорок лет пустынной жизни, он услышал голос с неба, приказывавший ему идти в обитаемые места, где Бог хотел через него образовать совершенно стойкий в добродетели и ревностный ко всякому благу народ. Преподобный имел случай заметить, что те, кто поставлен над другими в качестве настоятеля или силой чрезвычайных своих дарований, особенно подвержены искушению тщеславия. Поэтому он просил Создателя укрепить его против этого опасного искушения и не дать погубить ему достигнутого таким трудом иноческого делания. Его молитва имела такие же последствия, как молитва Соломона, когда он просил Господа даровать ему мудрость. Тот же голос, который объявил ему, что он призывается к делу спасения своих братьев, велел, чтобы он занес руку за голову, взял то, что там найдет, и зарыл это в песок. Аполлон тотчас послушался и нашел там маленького эфиопа, который закричал: «Я без гордости!» Тогда Небесный голос произнес: «Иди же теперь; Бог будет давать тебе все, что ты просишь».

Обезопасенный таким образом против столь тонкого и опасного порока, Аполлон вышел из пустыни и поселился в окрестности города Гермопольца в Фиваиде, в месте, где, по преданию, младенец Иисус провел несколько времени со Своей Пречистой Матерью и Иосифом Праведным, когда они бежали в Египет от преследования Ирода.

Место, выбранное им для жилья, была пещера, расположенная у подошвы горы. Там, не отыскивая тех, кого ему суждено было принять на свое попечение, он ожидал в сосредоточии и молчании, чтобы Господь исполнил Свое обетование, приведя к нему этих людей.

Преподобный одевался в толстую льняную тунику и покрывало, обматывавшее ему голову и шею. Он не ел ничего, что прошло через огонь, даже хлеб, но только сырую траву, как произрастила ее земля. Его воздержание было так велико, что жизнеописатель его говорит, что пища эта была более Небесная, чем земная. Он молился не менее ста раз днем и столько же ночью, так что без преувеличения можно сказать, что его молитва не прекращалась ни днем, ни ночью. Так проходила его жизнь, вся проникнутая мыслью, о Боге, когда настало время, в которое Господь исполнил сделанное ему обетование.

Он не искал случая стать известным, но посланный ему Богом дар чудес, которые он творил в великом множестве, составил ему славу Пророка или Апостола. И несколько отшельников из

соседней провинции собрались под его руководством и стали жить около него. Он принимал всех с безграничной любовью и служил им верной поддержкой, показывая своим примером, как исполнять то, чему учил он их на словах.

Он узнал в то время, что офицеры Юлиана Отступника, находившегося тогда в Антиохии, захватили одного соседнего отшельника и отвели его в тюрьму с намерением принудить его служить в войсках. Его любовь не позволила ему оставить этого человека без утешения, хотя он и видел, что сам подвергается опасности. Он пошел к месту его заключения с другими отшельниками и убеждал не терять мужества, потому что настало время христианам проявить свою ревность ко Христу.

Во время их беседы пришел центурион и, рассерженный тем, что монаху позволили войти в тюрьму, запер его и сопровождавших его отшельников с намерением забрать всех под арест и велел усилить стражу, чтобы они не убежали. Но что мог он против тех, кого Бог принял под Свое покровительство?

В полночь Ангел, сияющий светом, явился открыть им дверь темницы. Это так сильно испугало стражу, что она бросилась к ногам служителей Божиих и просила их уйти, говоря, что они лучше сами подвергнутся смерти, чем будут их удерживать после такого чуда.

Они еще не ушли, когда поспешно прибыл с несколькими высокопоставленными лицами забравший их центурион, потому что землетрясение опрокинуло его дом, под развалинами которого были погребены его главные слуги. Освобожденные пустытники вернулись в свое уединение, прославляя Бога.

Нельзя себе представить, не будучи умиленным, жизнь, которую они вели в этой пустыне. Их было приблизительно пятьсот, и они были размещены в разных монастырях у подошвы горы, где жил преподобный; и во всех них было одно сердце и одна душа. Преподобный вел их с такой бдительностью, ревностью, с такой кротостью и совершенством, что, по отзывам историка, среди такого громадного множества иноков не было почти ни одного, который бы не получил от Бога дар чудес. Их одежда была белая, как у преподобного, и он требовал, чтобы они держали ее всегда в чистоте, которая служила отражением чистоты их души, так что, смотря на них, невольно тотчас представлялась в воображении Небесная ангельская рать. Между ними было несколько эфиопов, не уступавших другим в пламенном благочестии.

Хотя сам он не ел хлеба, но позволял ученикам употреблять его с солеными сырыми травами. Сперва он им позволял принимать пищу отдельно, а потом завел для всех общую трапезу. Он не хотел позволять нарушения постов среды и пятницы, и если в один из этих дней приходил какой-нибудь чужой инок, желавший подкрепиться пищей раньше трех часов — время трапезы, — он позволял подавать лишь одному гостю то, что было необходимо.

Господь пожелал в день Пасхи сменить суровость их обычного поста необыкновенным явлением Своего к ним благоволения. Преподобный собрал их накануне, чтобы отпраздновать праздник обычным богослужением. Когда все положенное по их уставу для трапезы было приготовлено, он сказал: «Если в нас есть вера, если мы, действительно, верные слуги Иисуса Христа, то пусть каждый из нас просит у Него послать ему по случаю праздника лучшую, чем обыкновенно, пищу». Они ему отвечали, что считают себя недостойными такой милости Божией, и просили его помолиться о том Богу. Тогда преподобный начал молиться с чрезвычайно веселым лицом, доказывая тем свою великую веру в Бога; и когда он кончил свою молитву и все они сказали заключительное «аминь», тогда появились никому не известные люди, несшие такое громадное количество разнообразных съестных припасов, какого в монастыре никогда не было видано. Там были даже плоды, неизвестные в Египте: кисти

винограда необыкновенной величины, орехи, фиги, гранаты, время которых еще не наступило. Было также множество меда и молока и хлеба белые и совсем теплые, хотя по их внешнему виду казалось, что они принесены из какой-нибудь отдаленной страны.

Передав монахам все принесенное, все они поспешно удалились, как весьма торопившиеся люди, а святые отшельники, прославляя Создателя, промыслившего о них с такой отцовской заботой, питались всем этим не только в Пасху, но вплоть до Троицына дня.

Святой получил от Бога высокий дар проникать в глубь сердец словами жизни, исходившими из его уст, и его поучения оказывали удивительное впечатление на его учеников.

Он убеждал их возбуждать самих себя, чтобы возрастать изо дня в день в святости, и внушил им святое соревнование, чтобы одному превзойти другого в делании добродетели. Он говорил им, что об успехах во внутренней жизни можно судить по чувству отрешенности от всех вещей мира. Он советовал им бороться с дурными мыслями, внушаемыми демоном, как только они предстанут нашему уму. «Этим способом, — говорил он, — вы раздавите главу змию и сделаете его остальное тело лишенным силы и жизни».

Он предупреждал их опасаться, если Бог посылал им благодать творить чудеса, чувства тщеславия и предпочтения себя другим. И наоборот, советовал мудро скрывать этот дар из страха, чтоб Бог не лишал их этого дара или чтоб не впасть им в искушение.

Он был врагом печали и не желал, чтобы кто-нибудь из его иноков ей предавался. Поэтому во всех них радость, которая есть признак доброй совести, всегда прорывалась наружу. Если случайно бывало, что кто-нибудь из них казался доволен менее, чем обыкновенно, он сейчас же спрашивал у того о причине; и если кто затруднялся ответить, он говорил ему об этом сам, так как дар прозорливости открывал ему все тайны сердечные.

Он о радости говорил всем: «Пусть печалятся язычники, пусть евреи проливают слезы, пусть грешники непрестанно вздыхают. Но праведные должны радоваться. Ибо, если те, которые любят земные вещи полагают радость в том, чтобы владеть легко и быстро гнущимися благами, почему нам не быть полными радости, если нас наполняет надежда на обладание бесконечной славой, на наслаждения вечным блаженством! И не зовет ли нас к этому Апостол словами: Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите».

Он убеждал их также часто приобщаться и говорил, что отшельник, насколько может, должен приступать ежедневно к Св. Тайнам, из страха, как бы, удаляясь от св. Трапезы, ему не удалиться от Бога. Он прибавлял к этому, что душа получает великую пользу, чаще представляя перед духовными очами страдания Господа Иисуса Христа, чтобы почерпнуть в Нем пример терпения.

Его ученики собирались вокруг него ото всех мест горы к трем часам пополудни, чтобы принять святое Причастие. После этого следовала легкая закуска; они оставались там до конца дня, чтобы слушать его наставления, и затем иные уходили на всю ночь, остальные проводили всю ночь с преподобным в пении псалмов. Некоторые из них, приняв святое Причастие, тотчас удалялись, не думая вовсе о принятии какой бы то ни было пищи, довольствуясь принятым ими духовным брашном. Так делали они несколько дней подряд. Всего же замечательнее было в этом сборище святых, что они находились в такой радости, что не было человека в мире, который бы испытывал такую же радость.

Это веселие благочестия показывало со стороны преп. Аполлона внимание, с которым он приготавливал своих учеников к принятию таинств; а со стороны учеников — на плоды

благодати, которые производило в них таинство.

В высшей степени прилежал преподобный к исправлению своих учеников от их недостатков. Он не только с усердием и силой напоминал им постоянно об этом, но напрягал весь жар своих молитв, привлекая на них таким образом возрождающую благодать. Один из них испытал это на себе ощутительным образом. Ему не хватало иногда смирения и кротости, и он очень жалел, что лишен этих добродетелей. В сильном желании приобрести их он пришел однажды к преподобному и просил его, чтобы он от Бога вымолил ему эти свойства души. Преподобный помолился, и молитва его была настолько услышана, что этот инок стал как бы другим человеком. Прочая братия не могла достаточно налюбоваться его кротостью и спокойствием во всех тех обстоятельствах, где он раньше расстраивался.

Прием, который он оказывал чужестранцам, доказывает согревавшую его любовь ко всем людям и смирение. Руфин передает так свои впечатления:

«Нас было трое, направлявшихся к нему. Мы находились еще довольно далеко от монастыря, когда несколько из его учеников, которым он за три или четыре дня предсказал наш приход, вышли к нам навстречу, распевая псалмы, что они всегда делают, когда к ним приходят иноки. Поклонившись нам в ноги, они воздали нам целование мира и говорили друг другу: «Вот эти братья, которых приход нам авва предсказал, уверяя нас, что через три дня к нам придут три брата из Иерусалима». Некоторые из этих иноков шли перед нами, другие сзади нас, и все они пели псалмы.

Когда преподобный услышал пение и мы приблизились к монастырю, он тоже вышел к нам навстречу, и как только увидел нас, пал ниц. Затем обнял нас и повел нас в монастырь. Совершив молитву, он по обычаю сам омыл нам ноги, и не было забыто ничего, что бы могло дать нам отдых от усталости. Так поступал он со всеми, кто к нему приходил».

В беседах, которые вел он с Руфином и его товарищами, он объяснил им, почему имеет такой обычай для приема странников. Он падал перед ними ниц, как будто молясь на них, потому что их приход знаменует явление Иисуса Христа, сказавшего в Евангелии: «Странен бе и посетите Мене», и потому что Авраам, которому явилась Святая Троица, принимал также лиц, казавшихся ему людьми, но в которых почитал своего Господа. Он прибавлял, что иногда надо принуждать чужестранных братьев воспользоваться гостеприимством, хотя бы они этого и не желали, и приводил в пример Лота, который как бы насильно завел к себе ангелов.

Руфин и его товарищи оставались у него неделю, во время которой он беседовал с ними о многом, касающемся духовных добродетелей и монашеской жизни. Особенно много говорил он им об опасностях тщеславия, о чистоте намерения при посте и аскетических подвигах, о тайне, в которой нужно все это держать, чтобы не выдать людям своих трудов и чтобы людская молва и уважение не лишили нас награды от Бога. Он очень порицал некоторых иноков, которые носили длинные волосы, ожерелья и другие предметы для украшения тела. «Они могут, — говорил он, — делать это лишь из тщеславия и чтобы привлечь внимание людей».

Когда Руфин с товарищами простился с ним, он проводил на некотором расстоянии и сказал им последнее наставление:

— Выше всего, дорогие дети, это жить вместе в великом единении и не разделяться один от другого.

Потом, обернувшись к братьям своего монастыря, находившимся тут, он спросил, кто из них желает проводить гостей до ближайшего в этой пустыне монастыря. Все они предложили

проводить их с великой любовью, но он выбрал из них только трех, знавших греческий и египетский языки, чтобы они могли и служить им в случае нужды переводчиками, и вести с ними духовную беседу. Он приказал им не покидать гостей, прежде чем они не увидят все монастыри и всех отшельников, которых они желали посетить. Наконец, отпуская их, он высказал им так свое благословение:

— Молю Создателя сниспослать с высоты Сиона Свое благословение на вас, чтобы вы во все дни вашей жизни созерцали блага вечного Иерусалима.

Такова была любовь и усердие преп. Аполлона к посещавшим его инокам. Но не менее усерден был он и к язычникам, большое количество которых он обратил к Христу как силой своего примера и своей мощной проповедью, так и своими почти бесчисленными чудесами.

В числе их надо на первом месте поставить то чудесное умножение хлеба, которое Бог совершал не раз, чтобы вознаградить его веру и исполнить принесенное ему обетование даровать ему все, что он будет просить. Голод посетил Фиваиду, и жители прибегали к нему и привели к нему своих жен и их детей, чтобы он дал им свое благословение и пищу, в которой они нуждались. Он велел раздать им, не скупясь, всю провизию, бывшую в монастыре, за исключением трех корзин хлеба, которые были назначены, чтобы в этот день пропитать его монахов. Но так как этот народ был измучен голодом, он вскоре велел принести и эти корзины и, поставив их в кругу этих бедных людей, поднял руки к небу и произнес громким голосом:

— Рука Божия не достаточно ли могущественна, чтобы умножить это? Святой Дух внушает мне, что хлеб не иссякнет никогда в этих корзинах, пока не настанет возможность насытиться нам хлебом будущей жатвы.

Его слово не было тщетно. Бог так умножил хлеба, что в течение четырех месяцев не переставали брать их из этих корзин, а они все не иссякали. Руфин, передающий это чудо по свидетельству учеников преподобного, которые были его свидетелями, рассказывает, что он сам видел, как это чудо возобновилось перед его глазами. «Мы видели, — передает он, — как несли корзины, полные хлеба, который покрыл столы, дотоле пустые. И после того, как все насытились, корзины наполняли еще хлебами и корзины были настолько полны, как будто бы до них совсем не касались».

Демон, будучи не в силах терпеть столь великих чудес, сказал ему в одном случае, где он умножил снова своей молитвой хлеб и елей:

— Разве ты Илия или другой из пророков или апостолов, чтобы осмеливаться на такие вещи?

Но он посрамил демона следующим ответом, полным веры и уверенности в Боге:

— Почему не делать их? Разве пророки и апостолы не были людьми? И не сделали ли они нас наследниками той же веры и той же полученной ими благодати? Бог, существующий для них, неужели перестал существовать для нас? Было бы кощунством утверждать это, так как это мы знаем, что Он Всемогущ и что то, что Он может Он может всегда. Как же, несчастный дух, так хорошо зная, что Он благ, ты так зол?

В другой раз он посрамил демона, заставив его выйти силой своего смирения из тела одного одержимого, которого к нему привели. Нечистый дух, теснимый святым, сказал ему, что послушается, когда он ему объяснит, что разумеет Евангелие под овцами и козлищами. Он отвечал:

— Бог знает, кто овцы, а козлища суть те, которые так же злы, как я.

Демон закричал, что он не может противиться столь глубокому смирению, и вышел тотчас из тела этого человека.

Его власть над демоном выразилась еще более чудно в избавлении душ от их ига.

Недалеко от него находилось девять или десять поселений, населенных язычниками, которые с яростным упорством держались за свои предрассудки. Их идол был поставлен посреди великолепного храма, и во время засухи их жрецы имели обычай носить этого идола вокруг своих деревень в сопровождении всего народа, причем они бегали по полям в безумной разнузданности, подобно вакханкам. Преподобный встретил их однажды в такой оргии и, сжалившись над их ослеплением, преклонил колена на землю и помолился Господу Иисусу Христу сжалиться над этими несчастными и просветить их светом веры Христовой.

Последствием его молитвы было то, что они остались на месте недвижимые со своим идолом и провели весь день под сильными лучами солнца, которое очень жгуче в этих местах. Они не могли понять причины этого неслыханного происшествия и только их священники сказали им, что оно могло быть причинено только христианином по имени Аполлон, жившим в этой пустыне, и что можно надеяться быть избавленными от их неведомых уз лишь при его посредстве.

То же самое подтвердили им люди, которых слух о таком суде привлек к этому месту; они уверяли, что некоторые на самом деле видели, как тут проходил преподобный Аполлон. Тем не менее язычники привели быков, чтобы постараться сдвинуть идола. Но усилия этих животных остались бесплодными, и язычники послали к преподобному упросить его сжалиться над ними и обещали ему отказаться от своих кощунственных суеверий и принять веру в Христа.

Преподобный, который имел в виду единственно их обращение к Богу, пришел к ним и немедленно разрешил их своей молитвой. Они тотчас бросились к его ногам, уверовали в Иисуса Христа, сожгли идолов и последовали за своим спасителем, который их научил истинам христианской религии. Некоторые из них приняли монашеское звание и остались с ним.

Спустя некоторое время он имел утешение обратиться к Богу одного знаменитого разбойника и умиротворить два поселения, озлобленные друг на друга из-за границ их владения. При первом известии об их распри он поспешил, чтобы их примирить. Но он нашел их столь раздраженными, что они не желали ничего слышать, особенно одна их сторона, которую поддерживал этот знаменитый вор, главный виновник этого раздора.

Преподобный, видевший, что именно он больше всего противится примирению, сказал ему такие кроткие слова:

— Брат мой, если ты хочешь изменить свои чувства и содействовать со мной улажению этой распри, я буду молить Бога за тебя, и Он отпустит тебе твои грехи.

Только что он это сказал, благодать уже подействовала на сердце этого преступника. Он бросился к его ногам, заклинал его исполнить обещание, которое он ему только что дал, и, обращаясь вместе с тем к людям, избравшим его предводителем, он отправил их домой в мире. Когда все они ушли, он последовал за святым, который отвел его в свой монастырь; здесь он приобрел своими молитвами такое живое чувство сокрушения о грехах, что оба они получили извещение от Бога, что Он простил ему его преступления.

Когда они однажды спали ночью в монастыре, каждый из них видел сон. Им казалось, что они предстоят пред Престолом Иисуса Христа, поклоняясь Ему в рядах ангелов и святых. И услышали они голос, говоривший: «Хотя нет ничего общего между светом и тьмою и никакой

связи между верным и неверным, однако по твоей молитве, Аполлон, даруется спасение этому человеку ради твоих за него молитв». Перемена, происшедшая в этом человеке, была столь совершенна, что привела в восторг всех братьев, которые в этом волке, превратившемся в агнца, узнали слова Пророка: «Волки будут пастись с агнцами и львы и быки есть вместе».

Совершенно другое совершилось с другим человеком, который в подобных обстоятельствах осмелился противиться влиянию преподобного. Насколько первый испытал в своем обращении силу Божия милосердия, настолько над вторым, благодаря его упорству, разразилась строгость Божественного правосудия, и ему на себе пришлось лишний раз испытать, что нельзя безнаказанно противиться служителю Бога. Он стоял во главе жителей одной языческой деревни, которая вошла в распрю с христианским поселком и взялась за оружие. Преподобный пришел, чтобы их примирить, и встретил сопротивление только в этом гордом и яростном человеке, который предпочитал умереть, чем допустить примирение.

— Твое желание будет исполнено, — сказал ему тогда преп. Аполлон, который дотоле не мог смягчить его своими уговорами. — Это будет стоить жизни одному тебе, у тебя будет такая могила, какой ты заслуживаешь, потому что ты будешь погребен не в земле, а в желудке зверей и ястребов.

Эти слова оказались не простой угрозой. Злодей упал на месте, хотя его никто не поражал; и тело его засыпали песком. На другой день обнаружилось, что звери вырыли его тело и разорвали на куски и что он служил пищей еще для ястребов. Язычники были так удивлены предсказанием, столь точно исполнившимся во всех своих подробностях, а также и другими рассказанными чудесами, что все они в этой провинции приняли Евангелие.

Год смерти преподобного неизвестен. Можно думать, что он относится к самому концу четвертого века.

Монастырь преп. Аполлона был знаменит в Фиваиде еще в шестом веке, и, насколько там было высоко подвижничество, видно из двух сохранившихся о нем рассказов.

Один молодой инок довел свой аскетизм до того, что воздерживался от всякого питья влаги до самой своей смерти, которая произошла три года спустя после того, как он принял на себя это намерение.

В том же монастыре жил старец, настолько усердный в молитве, что на кирпиче его кельи, на котором он имел обыкновение преклонять колена для молитвы, образовалось углубление в четыре пальца, сделанное его коленами.

XII. Преподобный Аммон, отшельник в Нижней Фиваиде

Преп. Аммон отшельник жил по соседству с монастырем преп. Аполлона. И к нему-то первому и повели ученики Аполлоновы Руфина и его товарищей. Преп. Аммона, как оказалось, уже не было в живых; он оставил одного ученика наследником своей кельи и своих добродетелей. И вот от них Руфин и получил сведения о его жизни.

Когда Руфин с товарищами покинули преп. Аполлона, их вожатые повели их в пустыню к югу. Пройдя некоторое расстояние, они увидели на песке следы столь громадного дракона, что можно было предположить, будто там протащили толстейшую балку. Это испугало их, и они просили своих проводников свернуть с этой дороги, опасаясь встретиться с этим ужасным зверем.

Иноки Аполлона, наоборот, уговаривали ничего не бояться и хотели даже проследить змея по его следам, чтобы настичь его и убить его в их присутствии, как это они уже Делали с другими змеями. Но Руфин и его товарищи настояли на том, чтобы идти по другой дороге. Это не помешало одному из Аполлоновых учеников проследить след зверя до пещеры, в которую тот вполз, и он закричал своим спутникам, чтобы они подошли посмотреть, как он убьет его. К ним подошел тогда живший неподалеку пустынный и, узнав от них причины их страха, рассказал, что он видал сам это чудовище, ужасный вид которого они едва ли вынесут, потому что у него не менее пятнадцати локтей длины.

Он пригласил все общество к себе в келью, и, когда они были им накормлены и отдохнули, он им рассказал, что келья, в которой он живет, была кельей святого человека по имени Аммон, который силой Божией совершил несколько чудес.

Его пища состояла только из хлеба, и он жил в нищете; но это не помешало тому, чтобы несколько злых людей, живших только грабежом, не приходили несколько раз грабить его последние крохи. Желая раз и навсегда оградить себя от них, он пошел однажды в пустыню и приказал двум большим драконам следовать за собой. Затем поставил их у дверей своей кельи и велел ее сторожить. Воры, вернувшись, чтобы ограбить его, при виде этих ужасных животных были охвачены таким ужасом, что упали на землю без чувств.

Преподобный видел их из своей кельи и, выйдя из нее, поднял их и, упрекая их в злом намерении, сказал им:

— Вы более жестоки, чем эти звери, которые слушаются меня из покорности к Богу, между тем как вы несколько не боитесь Его правосудия и не стыдитесь смущать покой Его слуг. Он велел войти им в свою келью, усадил их за стол, дал им есть, и это чудо вместе с его кротостью произвело на них столь глубокое впечатление, что они обратились к Богу.

Ужасный дракон опустошил соседние провинции. Когда он унес нескольких жителей страны, они для избавления своего прибегли к преподобному, и чтобы побудить его скорее к помощи, они привели к нему сына пастуха, который при одном виде этого зверя лишился рассудка и тело которого от отравленного дыхания дракона распухло и онемело. Сперва преподобный исцелил этого мальчика, но хотя он и решился убить чудовище, не пожелал ничего обещать. Он пошел только к месту, где надеялся его встретить, и стал там на колени для молитвы.

Скоро дракон появился, заражая воздух ужасающим зловонием своего дыхания, и с ревом и свистом, способными испугать самых храбрых людей, он бросился на него, чтобы его пожрать. Но святой, не смущаясь, сказал ему: «Да подаст тебе смерть Иисус Христос, Сын Божий». Он не успел произнести еще этого заклинания, как зверь изрыгнул вместе с ядом свою жизнь и лопнул в середине своего тела.

Присутствующие были охвачены страхом при виде этого чуда. Нестерпимый запах, выходивший из тела чудовищного животного, принудил их набросать на него большие кучи песку, и все это время преподобный стоял около него, потому что, хотя дракон и казался околевшим, никто не осмеливался подойти к нему иначе, как в присутствии преподобного.

XIII. Преподобный Онуфрий, отшельник в Нижней Фиваиде

Этот великий служитель Божий был раньше иноком общежительным, прежде чем стать отшельником, как это бывало часто в его время. Монастырь, в котором он был воспитан,

состоял приблизительно из ста монахов и был расположен около города Гермупольца в Нижней Фиваиде. Он был туда принят довольно молодым и нашел там все, что могло способствовать его духовному воспитанию. Религиозная дисциплина и послушание были там во всей силе и все вели себя согласно уставу или подчиняясь приказанию старцев. Иноки хранили там всегда полное сосредоточие, мысля себя всегда в присутствии Божиим, и нарушали молчание лишь тогда, когда лучше было говорить, чем молчать. Все всеми силами стремились угождать Богу и служить Ему днем и ночью, и все они были в столь тесном единении, что, казалось, у всех них лишь одна воля.

Преп. Онуфрий прожил с ними немного лет. Хотя он был и очень молод, поступая к ним, но его семидесятилетнее пребывание в пустыне не позволяет предполагать долгого промежутка времени между его поступлением в монастырь и выходом из него для отшельничества.

Не по капризу, не по желанию сбросить с себя спасительное иго послушания решился он оставить общество своих братьев, но по глубоким к этому побуждениям. Он слышал, как с великими похвалами передавали рассказы об отшельниках, живших в пустыне, ряд которых открыли Илья Пророк и Иоанн Креститель, которые с неодолимым мужеством выдерживали борьбу с демонами, из любви к Богу жили в вольном лишении всех человеческих утешений. Приносили себя беспрестанно в жертву Иисусу Христу своими подвигами и имели поддержку в одном только Боге, в Коем положили всю свою надежду. Не удивляясь этому образу жизни, столь страшному для человеческой природы, преп. Онуфрий почувствовал сильное желание начать такую жизнь, и после некоторых серьезных размышлений он направился через горы, отделяющие большой оазис от Нижней Фиваиды.

Пройдя приблизительно сутки по необитаемым местам, он был остановлен на своем пути удивившим и даже испугавшим его ярким светом, так что он уже думал вернуться в свой монастырь; появившийся вслед затем в этом свете блаженный дух ободрил его и уговорил продолжать дорогу, сопроводил его и дал ему прекрасные советы насчет той жизни, которую он собирался вести.

Он довел его таким образом до пещеры одного старого отшельника и тут исчез. Онуфрий объявил о своем приходе, спрашивая, по обычаю отшельников, благословения у старца, который, выйдя тотчас из пещеры и видя его лежащим ниц, поднял его, дал ему целование мира и с любовью принял его. Онуфрий остался с ним некоторое время — или для того, чтобы научиться от него обязанности отшельнической жизни, или чтобы испытать себя в ее трудностях. Затем старец, видя, что он достаточно крепок духом, чтобы обойтись без его наставлений, объявил ему, что настало время жить ему одному и что он желает отвести его на место, которое провидение приготовило для его жилья.

Они шли вместе четыре дня подряд и на пятый достигли ужасной пустыни, окруженной горами, где святой старец показал ему пещеру и объявил ему, что это место назначено ему Богом. Он с ним пробыл еще месяц, чтобы помочь ему привыкнуть к новой жизни и окрепнуть в своем намерении, и все это время он не переставал давать ему спасительные советы. Затем он поручил его Господу и вернулся домой, но посещал его однажды в год. По-видимому, однако, это продолжалось недолго, потому что добрый старец был уже в очень преклонных летах. Однажды, когда он пришел навестить Онуфрия, он заболел и умер на его руках, истомленный трудами и старостью и обремененный добродетелями. От рук же Онуфрия он принял и погребение.

Онуфрию, лишенному утешения, которое он получал от своего духовного отца, пришлось также очень много вытерпеть в суровой пустыне, прежде чем он приучил себя к голоду, жажде и к непостоянству воздуха. Но еще более вытерпел от различных, нападавших на него искушений.

Он признавался отшельнику Пафнутию, что иногда он доходил до такого физического бессилия, что в нем оставалось как бы легкое дуновение жизни и как будто бы душа его должна была сейчас покинуть его тело. Но он утешался упованием вечных благ, зная, что Бог, верный обещаниям Своим, приготовил в небе великую славу для тех, кто Ему верен.

Он питался в течение некоторого времени дикими травами, росшими в окрестности его пещеры; впоследствии он прибавил к этому финики, которые он нашел в одном месте. Голая земля служила ему постелью то в его пещере, то на равнине, то на горе, смотря по тому, где заставала его ночь в его молитве. Одежда его была совершенно изношена, и скоро для прикрытия наготы у него не осталось ничего, кроме его собственных волос, которые выросли по всему телу, как шерсть у животных, и опоясания из листьев.

Так жил он семьдесят лет, не видя за это время никого, кроме старца, приведшего его на это место, когда Пафнутий имел радость встретиться с ним. Но при встрече Пафнутий был так испуган видом его иссохшего и косматого тела, что, боясь, не призрак ли это или животное неизвестной ему породы, он побежал изо всех сил на гору и ни за что бы не сошел оттуда, если бы Онуфрий, который понял его страх, не успокоил бы его, крича, чтобы он ничего не боялся и что он такой же человек.

Пафнутий, придя в себя от страха после этих слов, не сомневался более, что это есть милость Божия, показывающая ему для его назидания какого-нибудь отшельника необыкновенно высокой жизни, каких именно он и искал, обходя эти отдаленные пустыни.

Он подошел к нему и решился спросить у него о его имени, а также о всей его жизни, заклиная его ничего от него не скрывать.

Преподобный, побуждаемый к ответу христианской любовью, без всякого притом самолюбия, с великой простотой ответил на все его вопросы. Он рассказал ему, как жил тут и также о знамениях благодати, которые посылал ему Господь.

Судя по этим знакам Божьего к нему благоволения, он достиг высшей святости. Если он лишил себя всех человеческих утешений, то имел множество радостей свыше. Когда миновало первое время испытаний, Бог стал подавать ему хлеб через Ангела, который также приносил ему по воскресеньям хлеб жизни, то есть Божественное Тело Господа нашего Иисуса Христа. Освобожденный от заботы о своем телесном пропитании, чудесно насыщаемый Святыми Дарами, он не имел в жизни другой цели, как угождать Богу, иного занятия, как восхвалять и любить его, иного желания, как обладать Им.

Это желание должно было скоро осуществиться, как по преклонности его лет, так и потому, что его сердце слишком было готово к небесной жизни. Бог послал преп. Пафнутия, как он послал преп. Антония к святому отшельнику Павлу, чтобы через него до христиан дошел слух о святости его жизни. Проведя с ним ночь в молитве, Пафнутий увидел на другой день страшное изменение на его лице; это были черты и бледность человека при последнем издыхании. Он был смущен опасением так рано потерять его, но святой утешил его и признался ему, что он достиг конца. Он преподавал ему несколько наставлений для спасения его души, и затем, встав и молясь, обливаясь слезами, он преклонил колени на землю и сказал: «Господи, в руки Твои продаю дух мой!» В эту минуту он был окружен Небесным сиянием и отошел в этом молитвенном положении.

Пафнутий, который передает об этом как очевидец, говорит, что по его смерти пустыня огласилась ангельским пением. Что касается до него, то он был так растроган, в таком восторге перед этим чудесным явлением, что его глаза как бы стали двумя источниками слез,

которые текли из чувств радости, нежности и умиления, теснивших его душу.

Он никогда не удалился бы из этого места и с радостью бы поселился в гроте Онуфрия. Но он уже узнал от почившего, что эта пещера ему не назначена. В самом деле, только что тело святого было покрыто землей, как эта безмолвная свидетельница жизни преподобного сама собой обрушилась.

Онуфрий скончался, как полагают, двенадцатого июня, и в этот день церковь празднует его память. Что же касается его рождения, то полагают, что оно относится ко времени императора Диоклетиана; далее думают, что он жил около восьмидесяти лет и умер при императоре Валенте.

Что прибавить к этой величественной простотой сжатости своей повести?.. Вот жизнь, быть может, выше, чем равноангельская; общение с Богом большее, чем было у первых людей во время райских дней. Этот хлеб, приносимый Ангелом для пустынника, забывшего о хлебе, это Тело Христово, посылаемое непосредственно с неба тому, кто столетия не видал ни одного храма, но сам стал храмом!..

Жизнь его как бы пропала для мира, ушла в безвестность и тайну этих многих десятков лет, прожитых в пустыне. Но то, что в последние сутки его жизни узнал о нем странствующий инок, доселе волнует христиан.

А церковь поставила его в число тех немногих, заветнейших своих людей, которым она присвоила звание Великий.

XIV. Обитель аввы Исидора

Странствовавшие по пустынным обителям иноки Руфин и Палладий лишь вкратце говорят о монастыре аввы Исидора, так как ненарушаемым правилом этой обители было не вводить чужих в обитель иначе, как чтобы остаться в ней до смерти.

Монастырь преп. Исидора был один из значительнейших в Нижней Фиваиде как по числу монахов, доходившему до тысячи, так и по их великому благочестию. Пространство монастыря было весьма обширно и окружено стенами. В ограде находились пространные сады, вода в изобилии, множество фруктовых и других пород деревьев и вообще все, что было необходимо для пропитания братии. Там соблюдался устав самым точным образом и в особенности постоянный затвор, потому что принимали лишь с тем условием, чтобы остаться в монастыре до смерти.

Выходить из монастыря позволено было лишь двум испытанным старцам, которых авва Исидор выбирал, чтобы относить в мир работу монахов и приносить материалы, необходимые для новых изделий. Для этого у него была келья около врат, где выстроили также помещение для приема странников, которых он принимал со смирением и любовью. Но ему было запрещено вводить посетителей внутрь монастыря.

Этими мудрыми предосторожностями авва Исидор удалил из своей обители все, что могло напоминать инокам о мире. В счастливом забвении мира, свободные от всяких временных забот, охраненные от тех пустых мыслей, которые возникают от страстей или жизненных забот, они стремились к Богу со свободным сердцем.

После этого неудивительно, что ни один из этих усердных иноков не жалел о своем заключении. Спокойствие, которым они наслаждались, добродетели, пример которых они

подавали друг другу, делали из этого монастыря обитель мира и предображение того, чем является жизнь Небесного Иерусалима. Они были так рады никогда не выходить за ограду, что лишь послушание могло их склонить к тому, чтобы нести в мир монашеские изделия.

Живя спокойно в своем уединении, они наслаждались его драгоценными плодами: молчанием, которое там царствовало, легкостью, с которой они могли предаваться своим иноческим занятиям, в особенности же постоянной умственной молитве, в которой они больше всего упражнялись, и Бог посылал им самые чудные дары, так что, говорит Руфин, между ними не было ни одного, кто бы не творил чудес. Но еще замечательнее то, что, по словам того же историка, они никогда не умирали от болезней. Когда приближался конец кого-либо из них, он прощался с братьями и опочивал в мире, в чудном веселии сердца. Обо всем этом Руфин и Палладий передают не как очевидцы-свидетели в силу того, что не было разрешено входить в монастырь, но по рассказу старца — монастырского привратника.

И теперь, по прошествии стольких веков от времени существования этой обители, что-то особенное веет на душу при рассказе о ней, и кажется она какой-то счастливой, сказочной страной.

XV. Авва Пафнутий и св. Таисия

Авва Пафнутий, которому иные приписывают происхождение из Сидона, был основателем монастыря в области Гераклеи в Нижней Фиваиде и прославился своими добродетелями. Полагают, что это он вернул к Богу знаменитую Таисию, о жизни которой также будет здесь рассказано.

Он уже скончался, когда Руфин около 390 года посетил его монастырь, так что Руфин передает о нем только по слышанным им рассказам. Жизнь, которую он вел, была так высока, что на него смотрели скорее как на Ангела, чем как на человека. К нему являлись бесплотные духи. Однажды на молитве он пожелал узнать, успел ли он в добродетели. И тогда один из этих чудных Небесных собеседников сказал ему, что он может сравнить себя с одним музыкантом, который зарабатывал себе хлеб игрой в одном соседнем городке.

Это сравнение удивило и смутило его. В желании извлечь себе урок он поспешил отправиться к этому человеку, занятие которого не имело ничего общего с добродетелями и которого, однако, небо ставило на один уровень с пустынноиком, всецело преданным подвигам и исканию духовного совершенства. Его удивление еще увеличилось, когда, найдя его и спросив его о его жизни, услышал в ответ, что он был великим грешником и существовал лишь воровством, прежде чем взялся за свое теперешнее ремесло.

Пафнутий просил его сказать ему, не случилось ли ему, по крайней мере, будучи разбойником, делать какие-нибудь добрые дела. Он ему ответил, что помнит только о двух делах: однажды, когда он был с другими грабителями, они захватили девицу, посвященную Богу; его товарищи хотели оскорбить ее, а он вырвал ее из их рук и отвел ее ночью в городок, в котором она жила, охранив ее от всякого зла.

Другое же его дело было такое. Найдя в пустыне женщину в глубоком отчаянии, так как заимодавцы бросили в темницу ее детей, а также разыскивали и ее, он сжалился над нею, отвел ее к себе в пещеру, дал ей прийти в себя от той ужасной усталости, в которой она находилась, не евши четыре дня, и подарил ей триста серебряных монет, чтобы уплатить долг и освободить мужа и детей.

Пафнутий подивился такому проявлению доброты в воре и воспользовался этим случаем,

чтобы уговорить его воспользоваться Божественным милосердием.

«Я. — сказал он, — никогда не сделал ничего подобного, а между тем ты, полагаю, слышал, что имя Пафнутия достаточно известно между отшельниками, и всю жизнь мою горю я желанием учиться добродетели и подвизаться в ней. И вот Бог открыл мне, что Он ценит тебя не менее меня. Таким образом, брат мой, видя, что ты занимаешь не последнее место в ряду угождающих Богу, не пренебрегай позаботиться о душе».

Эти слова тронули сердце музыканта и возбудили в нем чувство чрезвычайной благодарности Божественному милосердию. Он тотчас бросил на землю флейту, бывшую у него в руках, последовал за преподобным в пустыню, исполнял точно все, что приказывал ему авва, и через три года отдал душу Богу среди пения ангельских ликов.

Со времени блаженной кончины этого кающегося Пафнутий стал прилежать более, чем когда-нибудь, в подвижничестве, и, чтобы лучше узнать, чего требует от него Бог, он вторично помолился, чтобы ему был указан человек, с которым он может себя сравнить. Он получил ответ, что он походит на главного жителя самого близкого города. Он тотчас пошел туда и отыскал его без всякого труда, так как тот вышел к нему навстречу, привел его к себе в дом, омыл ему ноги и радушно угостил его.

Во время трапезы Пафнутий спросил у него, как он живет, но тот был более склонен говорить о своих грехах, чем выставлять напоказ те доброе, что в нем было; и он бы не узнал вовсе его добродетелей, если бы инок не объяснил ему, что сам Бог посылал его к нему, чтобы услышать из его уст, чем он угождает Богу.

«Не знаю, — сказал тогда этот человек, — за собой ничего доброго, но, так как ты уверяешь, что Бог открыл тебе обо мне, то я не смею более скрываться перед тем, кому все открыто. Скажу тебе поэтому, как я стараюсь располагать мою жизнь.

Уже более тридцати лет я с согласия моей жены живу целомудренной жизнью, имев от нее трех детей. Я никогда не отказал никому в гостеприимстве и всегда шел навстречу первый чужестранцам и принимал их у себя. Я никогда не выпускал от себя гостя, не снабдив его, с чем совершить остальной путь. Я не отнесся равнодушно ни к одному бедному и никому не отказал в помощи; когда дело идет о правде, я бы не покривил душой для родного сына перед моим ближним. Я не пользовался никогда плодами чужих трудов. Когда я узнавал о поссорившихся людях, я всегда старался их примирить. Я никогда не позволял, чтобы мои дети давали кому-нибудь повод жаловаться на них, ни чтобы мои стада делали потравы на чужих лугах. Я не мешал другим сеять на моей земле и довольствовался тем, что засеивал лишь те поля, которые они оставляли свободными. Я всегда, сколько мог, старался поддержать слабых против несправедливых угнетений могущественных людей. Я остерегался кого бы то ни было сердить; и когда мне приходилось быть во главе какого-нибудь судебного разбирательства, я изо всех сил старался примирить обе стороны, чем присудить одну из них к наказанию. Вот как живу я по милосердию Божию».

Такая христианская доброта этого человека привела Пафнутия в восхищение. Он обнял его с нежностью и, соображая, что он мог бы стать одним из богатейших украшений его монастыря, сказал ему:

— Раз ты исполнил все это, тебе не достает только совершенного отречения от всех благ мира, чтобы нести Крест Иисуса Христа и идти, все совершенствуясь, за Божественным Учителем.

Тот чувствовал в себе полное согласие с таким советом; итак, они отправились, не теряя

времени, вместе в пустыню, где преподобный поместил его в келью, которую занимал музыкант. Он все время наставлял его. И этот второй ученик столь верно пошел по следам первого, что в короткое время достиг меры святости и был призван наконец принять венец славы вечности.

Этот новый пример послужил новым ободрением Пафнутию, и он все быстрее шел по пути совершенства. Он говорил о себе:

— Если живущие в миру совершают превосходные дела, то тем более обязан я, будучи отшельником, стараться опередить их в подвигах!

И он усилил свои прежние труды и больше, чем прежде, усердствовал в молитве.

Он пожелал в третий раз, чтобы Бог возвестил ему состояние его души, и он снова услышал голос с неба, сказавший ему, что он подобен купцу, который к нему направляется, и чтобы он поскорее вышел к нему навстречу. Он тотчас сошел с горы и встретил этого купца, который спустился по Нилу из Верхней Фиваиды, куда он привел несколько кораблей, нагруженных товарами, которые он раздавал бедным. К монастырю Пафнутия его сопровождали несколько слуг, несших овощи, которые он подносил ему в дар.

Как только он приблизился к Пафнутию, тот сказал ему:

— Драгоценная в очах Божиих душа, зачем занимаешься ты мирскими делами, когда тебе назначено погрузиться лишь в Небесные? Оставь тем, у которых мысли только о мире, хлопотать, сколько им угодно; но у тебя все стремление должно быть в том, чтобы купить себе Царствие Божие и следовать за Христом, Который тебя призывает, чтобы служить исключительно Ему одному.

Эти слова произвели на этого человека то же впечатление, как и на двух первых. Купец приказал своим слугам раздать бедным все оставшееся у него имение, последовал за святым в келью, где жили по очереди двое первых, призванных преподобным из мира праведников, стал подражателем их жизни и в недолгом времени окончил жизненный путь в такой же праведности.

Бог пользовался также своим служителем Пафнутием в дивных делах своего милосердия. И самое замечательное из этих дел, в котором особенно ярко воссияла благодать Божия, было обращение одной известной грешницы, ставшей еще более знаменитой в церкви своим покаянием, чем она была знаменита в миру своим дурным поведением.

Имя этой женщине было Таисия. Хотелось бы умолчать о ее жизни до ее покаяния. Но если страшно было ее падение, то в ее внезапном и искреннем обращении узнается благодать Божия, и великие грешники найдут в этой истории пример возвращения к Богу и надежду на Его милосердие.

Отечество ее неизвестно, так же, как город, который явился местом ее распутства. Знают только вообще, что это было в Египте. Она имела несчастье родиться от матери столь же недостойной, какой стала и она сама. Эта мать не только не заботилась о том, чтобы сохранить ее невинность, но давала ей гнусные советы, рано ее сгубившие. Роковой пример и необыкновенная красота привлекли к ней всех развратников страны, в которых она возбудила столь бурные страсти, что некоторые из них имели из-за нее кровавые столкновения, а другие разорились, делая ей подарки.

Соблазн, ею производимый, был, вероятно, очень велик, если слух о ней дошел до пустынных

обитателей. Но случилось это не без воли провидения, которое воспользовалось верностью Пафнутия к спасению погибавших, чтобы привести эту заблудившуюся овцу в ограду Пастыря.

Средство, которым воспользовался этот Божий служитель, показывает, что оно пришло свыше, потому что удалось против расчета житейской мудрости. Пафнутий снял иноческое платье, надел мирскую одежду, запасся суммой денег, и в богатой колеснице, которая облегчала ему прием у Таисии, явился к ней под видом ее нового поклонника.

В душе Таисии не угасло совсем религиозное чувство. Она верила в Бога и была убеждена, что существует другая жизнь, где награждают и карают людей. Но эти истины были подавлены в ее душе любовью к удовольствию и богатству; и ее вера лишь делала ее более виновной через преступления, которыми она свою веру позорила.

Именно этими истинами воспользовался Пафнутий, чтобы пробудить в ней раскаяние. Он прежде всего просил ее отвести его в такое место, где он бы мог укрыться не только от глаз людей, но и от глаз Самого Бога. Когда она ему ответила, что это невозможно, так как Бог повсюду, он, развивая мысль ее ответа, стал объяснять ей, как ужасно грешить перед глазами Божиими и какой страшный ответ она должна дать перед Его Судом за гибель стольких душ, которых она ежедневно увлекала в пучину греха. При этих словах Таисия поняла, что перед ней стоит вовсе не развратник, и в эту минуту Бог воздействовал на сердце ее Своей благодатью; она бросилась к ногам Пафнутия и, обливаясь слезами, сказала ему эти немногие слова:

— Отец, назначь какое хочешь искупление. Я надеюсь, что Бог смилуеться надо мной твоими молитвами; я прошу у тебя только три часа времени, и затем я пойду, куда ты назначишь, и исполню все, что ты предпишешь.

Отсрочка, которую она просила, была лишь к тому, чтобы сильнее доказать, как искренна была Происшедшая в ней перемена. Она собрала все, что скопила ценой греха, всю свою обстановку и драгоценности, стоимость которых доходила до сорока фунтов золота, велела отнести все на площадь и подожгла всю эту груды в присутствии всего народа. При этом она возвысила голос и приглашала сообщников своих преступлений взять пример с ее обращения. После этой жертвы, в которой как бы сгорела вся ее прошлая жизнь, она пошла в то место, где ожидал ее Пафнутий. Старец отвел ее в один женский монастырь и запер ее в отдельную келью, дверь которой запечатал свинцом, чтобы никто не осмелился открыть ее без его позволения.

Он оставил ей лишь небольшое окошко, через которое ей можно было подавать пищу, и советовал сестрам носить ей ежедневно лишь немного воды и хлеба.

Заклученная таким образом и лишенная возможности выхода куда бы то ни было, Таисия умоляла Пафнутия, когда он покидал ее, сказать ей, как она должна молиться Богу. Он ей ответил, что она недостойна произносить Его святое имя, недостойна подымать к небу руки, оскверненные столькими преступлениями. Он советовал ей обращаться к Востоку и повторять часто эти слова: «Создавший мя, помилуй мя!» Она смиренно подчинилась его словам и исполняла их.

Прошло три года, и Пафнутий, все время жалевший грешницу, отправился к преп. Антонию, чтобы узнать у него, отпустил ли ей Бог ее грехи. Он ему не сказал повода, по которому к нему приходит, надеясь, что Бог все ему разъяснит. Преп. Антоний собрал своих учеников и приказал им молиться каждому наедине всю ночь, не откроет ли кому-нибудь из них Бог причину прихода Пафнутия.

Преп. Павел Препростой был тем, кому Бог открыл тайну. Он показал ему в небе великолепное ложе, охраняемое тремя девами, и сказал ему, что оно приготовлено для грешницы Таисии покающейся.

На другой день Павел рассказал об этом видении преп. Антонию, а Пафнутий, узнав таким образом, что Бог простил Таисию, отправился к месту, где ее заключил, и отпер дверь, чтобы ее выпустить. Кающаяся сказала ему, что желает здесь кончить свою жизнь. Но и теперь, повинаясь приказаниям своего духовного отца столь же беспрекословно, как покорна она была ему в трудах покаяния, она сказала ему, что с тех пор, как она вошла в эту келью, она все время, как бы загребая в кучу свои грехи, созерцала их и постоянно их оплакивала.

— Именно за это, — ответил Пафнутий, — а не за суровость твоего подвига Господь отпустил тебе.

Таисия не пережила выхода из своей вольной темницы. Пятнадцать дней спустя ее душа освободилась также и из темницы ее тела, и она востекла в радость блаженства, приготовленного ей Богом. Память ее празднуется восьмого октября. Что же касается Пафнутия, то ни год, ни время его смерти неизвестны.

Вот что известно лишь из рассказов Руфина. Он продолжал свою строгую жизнь. Перед концом явился к нему Ангел и призвал его в вечные обители, где пророки готовились к его встрече. Следовавший за этим видением день был последним днем его жизни.

Несколько священников посетили его, и он рассказал им о тех трех праведниках которые были явлены ему Богом. Тут он выразил мысль, что не надо презирать никого в этом мире, кто бы чем ни занимался, потому что повсюду есть люди, никому не ведомые, совершающие без всякой огласки весьма угодные Богу дела. Некоторое время продолжалась его беседа о Божественном, и, окончив ее, он тихо предал дух Богу. Все священники и иноки, тут присутствовавшие, были свидетелями, как ангелы возносили его душу, воспевая гимны во славу Божию.

XVI. Преподобный Патермуфий, отшельник в Нижней Фиваиде

Все было дивно в Патермуфии. Жизнь его была цепью чудес и добродетелей. Можно даже сомневаться, чтобы все, передаваемое о нем Руфином, могло быть принято доверчиво современными слушателями, так оно необыкновенно. Но после того, как Христос сказал, что вера способна передвигать горы с одного места на другое, ничто не должно удивлять нас в святых.

Патермуфий в молодости своей соединял ужасы разбоя с идолопоклонством. Он был знаменитым воров и пребывал в бесчисленных грехах. Он не щадил даже и грабил могилы, к которым относятся с уважением и язычники.

Бог изменил его сердце приблизительно в тех же обстоятельствах, в каких обратился Апостол языков, то есть когда разбойник намеревался особенно оскорбить Бога.

Однажды ночью он при помощи особенно приспособленного механизма забрался ночью на крышу дома одной девы, посвященной Богу, с намерением проникнуть туда и унести, что будет возможно. Но Господь, охранявший служившую ему душу, не допустил ему успеть в его предприятии, желая и из него сделать Своего служителя. Разбойник протрунулся большую

часть ночи; но его усилия ни к чему не вели, и он так сильно устал, что в изнеможении заснул наконец на крыше. Во время его сна ему явился во сне величественный муж, упрекал его за его грабежи и убийства, уговаривал его начать новую, добродетельную жизнь и показал ему великое число иноков, настоятелем которых ему предстояло сделаться. Когда он проснулся, он почувствовал себя в настроении столь отличном от всего, чем жил раньше, что как бы не узнавал себя. И в эту минуту дева, дом которой он хотел ограбить, явилась к нему, спросила у него, кто он и что он тут делает.

В своем смущении он даже не сумел ей ответить. Но, немного придя в себя, просил ее указать, где христианская церковь.

Дева поняла, что во всем этом есть что-то необыкновенное. Она сказала ему следовать за собою и повела его в церковь, где представила его священникам.

Разбойник бросился перед ними на колени, умоляя принять его в число верующих. Но имя его так прогремело злодеяниями, что они опасались, не скрывается ли за его поступком какое-нибудь дурное намерение. И они не хотели верить его смирению.

Но настойчивость его просьб уверила их наконец в его искренности. Они начали учить его и преподали ему на первый раз слова псалма: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». Много предметов для размышления нашел Патермуфий в этих словах. Пробыв три дня со священниками, он удалился в пустыню, чтобы на досуге сокрушения души обдумать свою прежнюю жизнь. В пустыне он оставался долго; днем и ночью молился и плакал и сопровождал молитву строгим воздержанием.

К этому времени относится искушение, о котором рассказывает Руфин. Демон, зная, как он был жаден до золота и серебра, показал ему большое сокровище, зарытое в земле, уверяя, что оно спрятано фараоном. Но Патермуфий, сердце которого было вполне исполнено благодатью, мужественно ответил ему: «Пусть погибает с тобой твое золото, зловредный дух!»

После такого начала покаяния он вернулся в церковь, где священники, видя, насколько он воспользовался их первым наставлением, дали ему другие, более пространные. Они хотели удержать его у себя. Но он из послушания лишь неделю пробыл у них; и затем, следуя призыву Божию, которому они не противились, уединился совсем в пустыне.

Коприй, о котором пойдет речь дальше, говорил, что Патермуфий первый поселился в своей пустыне.

Жизнь, которую он вел, была постоянным упражнением в самых тяжелых трудах покаяния. Он провел семь лет в этих очистительных подвигах, после чего Господь по Своему бесконечному милосердию стал посылать ему сверхъестественные дары, которые сделали из него чудотворца.

Он знал наизусть почти все Священное Писание. Не имел другой пищи, как ту, которую посылали ему с неба. Всякое воскресенье после молитвы он находил перед собой хлеб, который не приносил ему ни один человек и который он съедал с великим благодарением, не принимая никакой пищи всю прочую часть недели. Таким образом Бог освобождал его от всякого попечения о жизненных нуждах, чтобы у него не было иного дела, как созерцать Божественное совершенство.

Хотя человек, столь облагодатствованный, мог бы выступить на общественное служение, но он хотел, чтобы Бог явил ему Свою Божественную волю. Тогда он стал показываться немного народу, который мог ловить лучи его святости, скрываемые им дотоле во тьме пещеры. У него образовалось вскоре большое количество учеников. Одни переселились жить к нему в

пустыню; другие, не покидая местожительства, пользовались его советами и подчинялись им. Таким образом Патермуфий делил свое попечение между пустыней и окрестными селениями, где у него были ученики, которых он иногда навещал, чтобы наставлять их. Он одел в иноческое платье тех, которые последовали за ним в пустыню. В числе их был Коприй. Платье это состояло из туники толстой льняной материи, капюшона и мантии из козьей кожи.

Так как он был очень прилежен к подвигу погребения мертвых и так как старался, чтобы они были прикрыты одеждой, в которой он их хоронил, то это дало повод одному из его учеников обратиться к нему с особой просьбой. Этот ученик сказал ему, что он желает, чтобы по смерти его учитель сам спрятал его тело. Патермуфий обещал и сказал ему даже, что он так хорошо завернет его, что даже, будучи мертвым, он изъявит ему свое удовольствие.

Вскоре ему пришлось сдержать свое слово. Ученик этот умер. Преподобный исполнил свое обещание и спросил покойника, так ли он сделал. На это мертвец ответил ясным голосом, так что все могли слышать: «Ты удовлетворил меня, отче, твое предсказание исполнено». Это чудо чрезвычайно всех изумило, а Патермуфий, боясь искушения тщеславия, удалился скорее в пустыню.

Усердие, с которым он относился к делу спасения своих учеников, дало ему случай в одной встрече совершить самое необыкновенное чудо, за достоверность которого ручается передающий о нем Руфин. Он как-то вышел из своего уединения, чтобы посетить находившихся под его руководством иноков. По дороге Господь возвестил ему, что один из них должен умереть и что он находится при последнем издыхании. Между тем солнце закатывалось, и он опасался, что ночь застанет его прежде, чем он дойдет, и что он не застанет ученика в живых. В этом трудном положении он стал молиться Богу, чтобы ему дойти туда прежде, чем зайдет солнце. Но больной умер до его прихода.

Можно сказать, что если Господь не услышал его молитвы, то лишь для того, чтобы сотворить великое чудо. Патермуфий, видя своего ученика бездыханным, подошел к нему, поцеловал его и сказал: «Что предпочитаешь, сын мой: расстаться ли с нами, чтобы быть с Иисусом Христом, или жить еще в этом смертном теле?» Жизнь вернулась усопшему на несколько мгновений, и он ответил: «К чему, отче, призываешь ты меня из другой жизни? Мне гораздо радостнее быть с Иисусом Христом, и ничто не заставляет меня желать быть на земле». «Тогда, — сказал ему Патермуфий, — почивай в мире и молись за меня». В ту же минуту отшельник опустил голову и успокоился сном праведника.

Посетив однажды одного из своих учеников, он застал его очень больным. Кроме того, совесть его была неспокойна, так что он страшился смерти.

— Вижу, — сказал ему Патермуфий, — что ты не приготовился к последнему переходу и что твоя совесть упрекает тебя за нерадивое служение Богу. Вот почему ты так страшишься этого великого пути.

— Умоляю тебя, — ответил больной, — помолиться Богу, чтобы Он дал мне еще немного времени исправиться от моих недостатков.

— Как, — ответил Патермуфий, — ты просишь временного покаяния, находясь на конце жизненного пути, а на что употреблял ты время, которое было доселе? Кто тебе мешал тогда исцеляться от язв твоей души? А ты не только этого не делал, но прибавлял к прежним новые грехи.

Больной все продолжал заклинять учителя, чтобы он испросил у Бога отсрочку. Наконец

Патермуфий сказал ему, что, если он имеет намерение исправиться, Бог на некоторое время продлит его жизнь. Став на молитву, он, окончив ее, прибавил: «Бог дарует тебе еще три года жизни с условием, что ты ими воспользуешься для покаяния и исправления». Затем он взял его за руку, поднял его с постели, и тот почувствовал себя настолько здоровым, что последовал за ним в пустыню.

По прошествии трех лет Патермуфий отвел его на то самое место, где он его взял. Но он настолько изменился, что его можно было принять за Ангела. Когда собралась братия, преподобный, поставив его посередине, повел беседу, длившуюся всю ночь, о различных духовных предметах и особенно о совершенном исправлении своего ученика. Этот последний начал засыпать и вскоре успокоился мертвым сном. Тогда совершили церковное поминовение, и Патермуфий, схоронив его, вернулся в свое уединение.

Коприй рассказывал обо всех этих происшествиях Руфину и его спутникам. Он передавал ему также о нескольких других чудесах. Но во время рассказа один из странников, не придавая этим рассказам веры, задремал и внезапно увидел во сне книгу, написанную золотыми буквами, в руках Коприя и около него величественного старца, который сказал ему строгим голосом: «Почему не слушаешь ты со вниманием, что он говорит, и почему допускаешь ты себя до дремоты недоверием к его словам?»

Тогда он проснулся и в смущении рассказал своим спутникам на латинском языке о бывшем ему видении.

Касьян говорит о другом отшельнике, также носившем имя Патермуфий. Его не надо смешивать с тем, о котором только что шла речь. То, что о нем рассказывают, заслуживает скорее удивления, чем подражания. И на его поступок надо смотреть как на один из необыкновенных примеров, которые можно одобрить, лишь признавая в них особое внушение от Бога.

У этого Патермуфия был единственный сын восьми лет. Он желал удалиться с ним в один из египетских монастырей, ни имя, ни место которого неизвестны. Он долго стоял у дверей, прежде чем его туда допустили, и был принят с величайшими трудностями, потому что там не было обычая принимать таких молодых детей. Когда оба они поступили в монастырь, авва монастыря захотел испытать добродетель отца, чтобы очистить его от всякой родственной привязанности, чтобы он весь был проникнут самоотвержением и достиг духовного совершенства. Он удалил его от его сына, заботу о котором он поручил другим братьям; приказал также, чтобы его плохо одевали и чтобы с ним обращались настолько дурно, насколько позволял его юный возраст. Он появлялся перед отцом не иначе как в лохмотьях, и часто его наказывали в присутствии отца.

Тут была мука, пронзавшая все сердце. Но этот отец не только не выразил печали и неудовольствия, но кротко выносил это ужасное испытание, принося себя ежедневно в жертву Богу.

Наконец авва, чтобы окончательно убедиться в его добродетели, представился однажды настолько раздраженным против ребенка, что, как бы не в силах выносить его, приказал отцу бросить его в реку. Отец тотчас схватил ребенка и побежал с ним к реке, как бы забывая, что он губит своего собственного сына, и внушая себе, что у аввы есть важные соображения, внушенные ему свыше, которые заставляют его дать странное приказание.

Он уже собирался бросить мальчика в воду, когда другие иноки, которых авва нарочно послал заранее к реке, помешали ему в его намерении. А Бог вскоре открыл авве, что послушание

Патермуфия сравнялось с послушанием Авраама. Вскоре затем авва, чувствуя приближение смерти, указал на Патермуфия своим инокам как на своего преемника, потому что он не мог дать им лучшего настоятеля, как такого человека, который возвысился до столь дивного послушания.

И это не единственный пример необыкновенного послушания, сохранившийся в летописях иночества.

XVII. Коприй, авва в Нижней Фиваиде

Патермуфий настолько способствовал духовному развитию Коприя, что он был впоследствии рукоположен в священники и в свою очередь стал руководителем иноков. Он получил от Бога дар творить чудеса — исцелять слепых и увечных, изгонять демонов из бесноватых и проч. Но по смирению своему он считал себя гораздо ниже своего наставника и других праведных иноков, которые жили раньше него и о добродетелях которых он рассказывал Руфину и его товарищам.

Ему удалось обратить к Христу несколько язычников, живших в селениях недалеко от монастыря; и так как его забота обнимала также и земные их нужды, то он, узнав, насколько бесплодна их земля, благословлял песок, который они перемешивали с семенами, и это благословение старца обеспечивало ежегодно обильный урожай.

Он сам возделывал маленький сад, где насадил пальмы, фруктовые деревья и травы, чтобы кормить своих посетителей. Один язычник ухитрился однажды украсть у него из сада эти травы, но, когда он хотел их сварить, это ему никак не удалось, хотя он развел сильный огонь. Несмотря на долгое кипячение, они оставались такими же свежими, какими он их сорвал. Это чудо заставило его опомниться. Он принес святому свою покражу и стал христианином.

В соседнем городе отшельник встретил ученого, принадлежавшего к ереси манихеев, который ловил в свои сети жителей, и вступил с ним в спор. Еретик, человек тонкого ума, ловко вывертывался в трудных местах спора, не будучи в состоянии отвечать прямо. Но Коприй, чтобы одолеть его более действительным и прямым образом, сказал ему, что надо решить дело каким-нибудь чудом; и предложил зажечь сильный огонь, в который они должны были оба войти. Решено было признать правым учение того, кого не повредит пламя.

Все присутствовавшие, бывшие в большом количестве, одобрили это предложение. Зажгли огонь, и Коприй взял манихея за руку, чтобы вместе войти в него. Но тот упирался, говоря, что они должны подвергнуться испытанию отдельно и так как он бросил вызов, то он должен и начать: Коприй, уверенный в правоте своего дела и в покровительстве Божиим, тотчас согласился и, осенив себя крестным знаменем и призвав имя Иисуса Христа, смело бросился в пламя, в котором пробыл приблизительно полчаса, не получив от того никакого вреда, потому что пламя раздалось в ту минуту, как он в него вступил, и весь народ, свидетель этого чуда, громкими криками прославлял Бога.

Когда Коприй вышел из огня, предложили манихею в свою очередь войти в него. Но он не мог на это решиться; и, видя его отказ, его бросили туда силой. Хотя он тотчас выскочил обратно, он оказался наполовину обожженным. Народ в негодовании выгнал его из города с бранью и крича ему вслед, что он безбожник, что его надо сжечь живьем.

Коприй состарился в своем уединении. Ему было за 80 лет, когда его посетил Руфин, то есть в 394 году. К тому времени уже умер его наставник Патермуфий. Точно так же не было в живых и других иноков, о которых Коприй рассказывал Руфину.

Не следует смешивать нашего Коприя с другим Коприем, иноком и мучеником. Тот Коприй жил также в египетской пустыне и принял мученичество при Юлиане Отступнике. Он сперва поддался льстивым словам этого императора, но потом пришел в себя благодаря увещаниям своего наставника. Их обоих бросили в раскаленную печь, из которой они вышли невредимыми. Это послужило причиной обращения к Христу одного солдата по имени Александр. Им всем троим отрубили головы.

Вот несколько сведений, данных Коприем Руфину, о некоторых иноках.

Онуфий имел радость быть исповедником имени Иисуса Христа в гонение Диоклетиана. С этих пор он строго наблюдал за движениями своего сердца и за языком из страха, чтобы с языка не сорвалось слово, сколько-нибудь несогласное с истиной. Он удалился в уединение, где и жил не как человек этого мира, но как Небесный житель. Его часто посещали блаженные духи; и он получал с неба обильные откровения. В его затруднениях ему часто подавал советы его Ангел-хранитель.

Три отшельника, по имени Сир, Исаия и Павел, привлеченные молвой о его святости, встретились однажды на берегу Нила с намерением всем троим посетить Коприя. Это были люди весьма строгой жизни, высокого благочестия и наделенные от Бога чрезвычайными дарами.

Так как надо было плыть вверх по реке, чтобы достигнуть пустыни Онуфия и так как не было видно лодки, то они пали ниц на землю и просили Господа дать им способ доехать к Онуфию. Их молитва была тотчас услышана. Сейчас же причалила лодка со всеми необходимыми принадлежностями, и, что было еще чудеснее, когда они вошли в нее, она понесла их с такой быстротой вверх по течению, что они в течение одного часа совершили путь, который рассчитывали сделать лишь в три дня.

Когда они вышли на берег. Бог возвестил Исаии, что Он открыл их намерение и тайну их сердца Онуфию, который и шел к ним навстречу. Он также открыл Павлу, что Онуфий умрет через три дня. Скоро они могли убедиться, что все это верно. Приближаясь к его монастырю, они встретили отшельника, идущего к ним навстречу. В течение этих трех дней он поучал их всему полезному для души. И затем тихо предал свой дух Богу в их присутствии.

Последний подвижник, о котором Коприй рассказывал Руфину, был отшельник Гелен.

Он с детства был воспитан в одной монашеской общине и жил в ней столь совершенной жизнью, что уже тогда был достоин дара чудес.

Этот дар последовал за ним и в пустыню, куда он не побоялся уйти, несмотря на свои молодые лета. Жизнь, которую он там вел, была настолько превыше чувств, что он подавлял в себе малейшие житейские желания, которые могли бы возникнуть в его сердце. Однажды пришла ему в голову мысль съесть меду, и он нашел его около себя по козням злого духа. Тогда он тотчас оставил это место и пошел дальше в пустыню, где, чтобы наказать себя за это невинное желание, он присудил себя посту на несколько недель, пока к нему не явился Ангел и не подал ему воды и овощей, которых он с благодарением вкусил.

Этот чудотворец, однако, не придерживался такого безусловного уединения, чтобы не посещать время от времени монастырей, столько же для помощи братии в их внешних нуждах, сколько для их духовного назидания. Однажды, неся им съестные припасы, он так устал от навьюченного на себя груза, что совершенно изнемогал. В эту минуту увидел он диких ослов и закричал им: «Именем Иисуса Христа пусть один из вас подойдет сюда облегчить меня от моей

ноши». Тотчас один из них побежал к нему с покорностью домашнего животного. Гелен навьючил свои припасы к нему на спину, сам сел на него и очень быстро отвез его к кельям его братии.

В другой раз прибыл он в воскресный день в один монастырь. Там не было, однако, церковной службы, так как священник, которого ждала братия и который жил по другую сторону Нила, не мог решиться переправиться через реку, боясь крокодила, уже наделавшего много бед. Он решился сам отправиться за священником. Когда он пришел на берег реки, крокодил не только не напал на него, но принял его на свою спину, чтобы его переправить. Он переехал через реку, не страшась ни животного, везшего его, ни многоводной реки. Но когда он попросил священника отправиться с ними предложил ему опять переправиться через реку на крокодиле, священник никак не мог согласиться. Поэтому он вернулся один, переехав через реку таким же образом. Достигнув берега, он сказал крокодилу, что ему лучше умереть, чем причинять, как это было раньше, смерть стольким людям. И чудовище тотчас издохло.

Затем он вернулся к ним в монастырь и пробыл три дня, поучая братию, открывая одним недостатки, которым они были подвержены, и ободряя других возрастать в добродетелях, которые они старались приобрести. Светлые речи его возбуждали в одних чувство покаяния и желание исправиться, в других — святое соревнование к высшему совершенству. Готовясь их покинуть, он их предупредил в своей прозорливости, что к ним скоро придут чужестранные братья, и советовал приготовить для них пищу. Действительно, к ним скоро пришли чужие иноки.

Один молодой монах просил Коприя отвести его с собой в пустыню. Коприй объяснил ему, насколько трудное дело жизнь в пустыне, особенно вследствие борьбы, которую воздвигает демон против отшельников. Но этот брат упорствовал в этой просьбе, и Коприй, наконец, согласился, взял его с собой и отвел его в пещеру неподалеку от своей пещеры. Во время ночи демоны окружили ее и сперва искушали его разными дурными мыслями, а потом бросились на него, как будто желали убить его. При этом нападении испуганный отшельник обратился в бегство и укрылся в пещере Гелена, который успокоил его и дал ему советы относительно мужества и терпения и главным образом необоримой веры, которую всякий христианин должен иметь в Иисуса Христа и в Его силу, страшную бесам. Затем он отвел его в пещеру и провел вокруг него по песку борозду пальцем, запретив демонам именем Иисуса Христа переступать эту границу. С этих пор юный отшельник жил там спокойно и безмятежно.

XVIII. Диоскор, Евлогий, Аппеллий и Иоанн, отшельники в Нижней Фиваиде

Описатели подвигов отцов пустыни оставили нам лишь некоторые черты из жизни этих иноков.

Диоскор был пресвитером и настоятелем общины, состоявшей приблизительно из ста иноков. Он с особой заботой и вниманием следил за тем, чтобы они приступали к святому причащению с чистой совестью. Он увещевал их неусыпно следить за своими помыслами и тщательно удалять от ума все образы, которые могли бы нарушить внутреннюю чистоту. Он желал также, чтобы они умерщвляли чувственность молитвой и постом. И говорил, что если люди, живущие всласть, в случае заболевания исполняют совет врача, приписывающего строгое воздержание, то еще понятнее должны принуждать себя к воздержанию иноки, чтобы поддержать свое душевное здоровье.

Евлогий был также пресвитером и получил от Бога дар узнавать то, что происходило во внутреннем мире монахов. Он прибегал к этому дару, чтобы не допускать никого из них к

Святым Дарам без необходимого для того сокрушения сердечного.

В таких случаях он говорил одному иноку: «Ты сделал такой-то грех; другому: ты имел такой-то помысел, такое-то чувство. Твое вожделение оскорбило Бога; не подходи к Святым Дарам в таком расположении, но постарайся раньше очиститься от этих грехов искренним раскаянием в них».

Между этими иноками был еще пресвитер по имени Аппеллий; он был в миру слесарем и в монастыре продолжал заниматься слесарным делом на пользу братии. Однажды ночью, когда он работал у своей наковальни, демон ухитрился явиться к нему под видом очень красивой женщины, которая будто бы пришла сделать ему заказ.

Аппеллий вместо всякого ответа схватил рукой из горна кусок раскаленного железа и швырнул его явившемуся прямо в голову. Демон, посрамленный тем, что его разоблачили, исчезнул, испуская громкие крики и рев, которые слышала вся братия. Аппеллий с тех пор получил от Бога чудесную способность брать в руки раскаленное железо, не обжигаясь.

Иоанн жил в пустыне, соседней с пустыней Аппеллия.

Это был старец, уважаемый еще более за добродетели, чем за свои преклонные годы.

Его первые шаги на иноческом пути принадлежат к самым трудным подвигам аскетической жизни. Он сперва провел три года в стоячем положении на одном утесе, постоянно молясь, отдыхая лишь настолько, насколько позволяло такое положение тела, и принимая пищу в очень ограниченном количестве лишь по воскресеньям. Лишь чудесная помощь могла поддерживать его в этой суровой жизни, превосходящей всякие силы человеческие. Он почерпал эту помощь в святом таинстве Евхаристии. Всякое воскресенье один священник приносил ему Св. Дары, которые укрепляли его более всякой земной пищи.

Злой дух осмелился однажды принять на себя вид этого священника и явился к нему в обычный час, как бы для того, чтобы преподать ему великое таинство. Но духовный взор Иоанна был слишком просвещенный, чтобы он поддался обману.

Он сказал духу со святым негодованием: «Отец лжи, враг всякой правды, тебе мало обманывать души верующих, и ты осмеливаешься путаться еще в это святое и страшное таинство!»

Демон ответил ему: «Я надеялся обмануть тебя, как сделал я это с одним из твоей братии, которого я обманул так ловко, что он лишился рассудка, пока несколько праведных людей, помолясь о нем, не вернули ему с большими усилиями его помрачившегося разума».

С этими словами демон исчез.

За этим явлением князя тьмы последовало явление Ангела света. Оно утешило и облегчило этого великого служителя Божия. Тяжелые подвиги, в которых он жил доселе, расстроили ему здоровье. Рот его был в ранах; образовались раны и на ногах, и из них сочилась сукровица. Бесплотный дух исцелил его от ран и сказал ему, что он не будет больше чувствовать голода тленных вещей и что Бог утолит в полной мере его духовную жажду, обогатив его дарами мудрости и знания и даром возглашать истины веры с красноречием святых. Он также приказал ему покинуть свое уединение, обходить пустыни, посещая иноков и поучая их словами спасения, которые Бог вложит в его уста. Господь прибавил к этому дар познания жизни и совести иноков как ближних монастырей, так и отдаленных.

Получив такое посланничество свыше, Иоанн стал исполнять возложенное на него дело с

кротостью, смирением и Апостольской силой. В течение недели он обходил иноков, рассеянных по различным кельям. А во всякое воскресенье приходил к тому месту, где было его постоянное жилище, и принимал там св. Причастие.

Кроме этих обходов монастырей он служил еще инокам и своими письмами. Письма эти писал он то настоятелям, предупреждая их об неурядицах, какие они должны устранить из своих обителей, то простым инокам, говоря с ними о их поведении и даже о тайнах, происходивших в их душе.

Всех же вообще увещевал он отказаться сердцем от вещей видимых и всей душой прилепиться к невидимому и духовному. «Пришло время, — говорил он, — начать новую жизнь; нельзя постоянно быть детьми в благочестии. Пора принять чувства зрелых мужей и работать, чтобы процветать во всех добродетелях души».

Хотя он и был занят духовным руководством иноков, он не считал себя свободным от обязанности зарабатывать хлеб трудами своих рук. Для этого он плел попоны для лошадей по местному обычаю из пальмовых листьев.

Рассказывают, что один хромой человек сел на лошадь с намерением ехать к Иоанну, чтобы получить исцеление его молитвами. Он едва коснулся ногами попоны лошади, сплетенной руками Иоанна, как вдруг нога его совершенно выпрямилась.

Св. Иоанн совершил и другие чудеса. Но ведь и вся жизнь его была сплошным чудом!

XIX. Соломон, Дорофей, Диокл, Капитон, Илья, отшельники в Нижней Фиваиде

Антипополь, главный город Нижней Фиваиды, достопамятен в истории иночества как по бывшим в нем обителям дев, посвятивших себя Христу, так и по изобилию иноков, расселившихся в соседних пустынях.

Передают, что их было там не менее двух тысяч, и все они предавались с чрезвычайной ревностью обязанностям своего звания, своим трудом зарабатывая свой хлеб, причем одни жили по несколько вместе, а другие в полном одиночестве в углублениях скал.

Между этими отшельниками славились Соломон, Дорофей, Диокл и Капитон.

Первый выделялся своей кротостью и умеренностью. Он прожил целых пятьдесят лет в пещере, с чудным терпением перенося всю трудность такого неудобного жилища. Он выучил наизусть Священное Писание и жил трудами своих рук, чтобы не быть никому в тягость.

По чистоте своих нравов Дорофей был признан достойным степени священства. И он исполнял обязанности этого сана к утешению прочих пустынников, живших, как он, в пещерах. Доброта его была необычайна, а его самоотречение равнялось его доброте.

Одна знаменитая христианка, имя которой навсегда осталось в летописях христианства, Мелания Младшая, прислала ему однажды пятьсот золотых монет с просьбой распределить их между братией. Дорофей взял из них только три себе на личные нужды, а остальное послал отшельнику Диоклу, чтобы он взялся распределить их. При этом он сказал человеку, принесшему этот дар: «Брат мой Диокл гораздо мудрее меня и знает лучше нуждающихся в помощи. А с меня довольно этих трех монет».

В Диокле мы видим пример человека, который «мудрость мира покорил юродству Креста». Он принадлежал к числу тех людей, которые, на каких бы попрощах ни были, неудержимо влекутся к тому, чтобы оставить все и вести суровую жизнь в нищете и самоотвержении ради Христа.

В молодости он тщательно изучил литературу и затем философию.

Но в двадцать восемь лет его душа переполнилась желанием стремиться к единому познанию — Христа Распятого. Он отказался от изучения мирских наук и стал отшельником. Более тридцати пяти лет выжил он в пещере, предаваясь размышлениям о Божественных истинах.

Интересна одна мысль, которую высказывал Диокл.

Он говорил, что тот, чья душа не привязана к Богу, увлекается какой-нибудь страстью и становится подобным демону или животному: животному, если он предается плотским наслаждениям, и демону, если предается злобе. Ему стали возражать, что невозможно, чтобы ум всегда был занят Богом. Он ответил что, когда душа занята каким-нибудь благочестивым размышлением или делом, то в это время она находится с Богом.

А вот пример замечательного сокрушения о прошлом своем, грехи которого мы обыкновенно так легко забываем и извиняем. Пещера Капитона была около пещеры Диокла. Он прожил в ней по меньшей мере пятьдесят лет, не позволяя себе даже такого невинного удовольствия, как прогулка по берегу Нила, протекавшего неподалеку.

В объяснение столь сурового отношения к себе он говорил, что не укротил в себе вполне демона и поэтому не может никого видеть. С такой суровостью относился он к себе за свои прошлые грехи, потому что он был вором, прежде чем стать отшельником.

В той же местности был старец по имени Илья, который по преданию прожил свыше ста десяти лет. Он жил в ужасной пустыне, а для жилья себе выбрал место самое неудобное, к которому был весьма трудный доступ. Это была пещера, которую нельзя было видеть без ужаса.

К ней надо было взбираться по чрезвычайно узкой и каменистой тропе. И так как она была скрыта колючими растениями и кустарником, то заметить ее было очень нелегко.

Там этот суровый к себе старец с дрожащими членами, изнуренными древностью лет и тяжестью подвигов, жил, так сказать, воздержанием, вкушая лишь три малые части хлеба и три оливы всякий вечер. И то было смягчением его первых постов. Ибо раньше он часто проводил без еды целые недели. Бог послал ему дар исцелять больных, какими бы недугами они ни страдали.

Когда видишь перед собой эту суровую тень прошлого, как совестно становится перед самим собой за всегдашние потакания себе, за привередливость, за избалованность, за всю ту изнеженность, которой мы живем, за те удобства, к которым мы привыкли, и так привыкли, что ради сохранения или увеличения их вступаем во всевозможные сделки с совестью и ради поблажки себе губим свое неоценимое сокровище — душу!

XX. Оксиринкские отшельники в Нижней Фиваиде

Город Оксиринк был расположен на западном берегу Нила и числился раньше в Нижней Фиваиде. Имя свое город получил от рыбы, носившей такое же название. Когда жители были

язычниками, они воздавали этой рыбе Божеские почести. Впоследствии же город стал знаменит в летописях иночества множеством монахов, которые жили как в его ограде, так и по окрестностям.

Здесь невольно вспоминаешь слово, которое получали в обетованиях некоторые святые иноки, что ученики их умножатся паче звезд Небесных и песка морского. Вместе с тем, читая эти, кажущиеся нам невероятными, указания современников о великом множестве иноков, понимаешь, какая духовная жажда охватывала тогдашнее общество, которому после пессимизма, обуявшего лучших людей язычества, христианство поверх страданий земной жизни указывало на ликующую вечность.

Город Оксиринк представлял собой скорее целый единый монастырь, чем город, населенный жителями разных сословий. В нем насчитывалось не менее десяти тысяч монахов и двадцати тысяч монахинь.

Прежние общественные здания и храмы, посвященные некогда ложным божествам, были тогда переделаны в жилища для монахов. В городе было видно более монастырей, чем мирских домов. Не было даже ни одной башни, ни одного уголка в стенах, где бы не жили отшельники, которые повсюду воспевали днем и ночью хвалу Богу, делали из этого большого города как бы единый храм, посвященный величеству Славы Божией.

Кроме частных монастырских церквей было двенадцать храмов, где собирался народ.

Жители города по своему благочестию так любили оказывать гостеприимство всем бедным прохожим и чужестранцам, что нарочно выставляли сторожевых у городских ворот, чтобы они при появлении странников давали им знать, и сторожа наперебой созывали их к себе.

Особенно выказывалось их соревнование в гостеприимстве, когда приходил какой-нибудь пустынный.

Они бежали навстречу к нему, как будто дело шло о том, чтобы принять к себе Ангела. Всякий тянул его в свою сторону — кто за руку, кто за мантию, чтобы отвести его к себе. Руфин передает, что в его время в этом большом и населенном городе не было ни одного язычника, ни одного еретика и что епископ мог свободно проповедывать на публичных площадях, как в церкви. Однако этот город раньше был захвачен гонением, возбужденным в Египте Георгием, ложным патриархом Александрии, на кафедре которой его поставили ариане, изгнав с нее святителя Афанасия. Тогдашний епископ Оксиринкский Феодор, который не заслуживал быть пастырем такого святого града, имел слабость перейти на сторону еретиков.

Это произвело великие волнения в Оксиринке. Самая достойная часть духовенства и народа удалилась от общения с ним, и оксиринкская церковь некоторое время управлялась лишь священниками и дьяконами.

Один пустынный по имени Павел выказал в этом случае свою ревность к защите Божественности Иисуса Христа и много помог народу — и своими увещаниями, и примером — остаться твердыми в вере.

Между епископами оксиринкскими был один инок по имени Аффий, ведший в уединении весьма строгую жизнь. Когда же он стал епископом, он не нашел в себе той же силы для продолжения подвигов. Чрезвычайно этим огорченный, он распростерся в молитве перед Богом, спрашивал Его, не за то ли, что он принял епископство. Господь предоставил его собственной слабости.

Но Бог утешил его, возвестив ему, что Он его не оставил, что Он не подает ему ощутительной помощи, как прежде в пустыне, потому что с тех пор, как он стал епископом, около него находятся люди, которые могут ему помочь.

Сохранился интересный рассказ об отшельнике Аффии, который тоже был епископом оксиринским, причем не знают, тождественное ли это лицо с только что описанным.

Про него рассказывают, что, идя в глубь пустыни в оазис, он набрел на бедную хижину. Живший в ней старик рассказал ему со слезами, что он был епископом, но, имев несчастье отречься от веры после сильных пыток во время гонения, решил удалиться в пустыню, чтобы каяться в своем отступничестве, и что он живет в пустыне уже сорок девять лет, питаясь плодами пальмового дерева, стоящего у его кельи.

Предание прибавляет, что он умер на руках Аффия. Похоронив его, Аффий стал подумывать жить на том же месте. Но пальмовое дерево засохло, и хижина Аффия тотчас распалась. Тогда он понял, что Бог сотворил и то, и другое лишь для кающегося епископа.

Сохранились еще имена четырех иноков, уроженцев Оксиринка: Иоанн, Гераклемон, Андрей и Феофил. Говорят, что при чтении Св. Писания они были так умилены, что решились удалиться в пустыню. Тут они стали под руководство праведного старца, который обучил их обязанностям отшельнической жизни, что продолжалось год. Затем старец умер. Они удалились каждый в отдельную пещеру. Там питались они плодами, вкушая их лишь по два раза в неделю. По субботам и воскресеньям они собирались в одной пещере для общей молитвы и приобщались там Животворящих Тайн:

В ограде Оксиринка было тоже большое количество монастырей и много монахов, живших отдельно. Не менее их было и вне города.

Из этих последних особенно выделялся один по имени Фений. Он был знатоком египетской, греческой и латинской литературы. Но этим он не только не желал ослеплять людей, но добровольно принудил себя к молчанию. Он заперся в уединении и провел тридцать лет, не говоря с людьми и беседуя лишь с Богом и Его святыми.

В своей келье он соблюдал такой строгий затвор, что когда был вынужден выходить из нее, то делал это всегда в ночное время, чтобы не встретить никого, и, кроме того, ходил всегда в сопровождении диких зверей, а в виде вознаграждения давал этим животным пить из своего колодца. Это можно было проследить по множеству следов, которые оставались от разных животных у его пещеры.

Воздержание его было весьма строгое. Он не вкушал ничего сырого, но ни суровость его воздержания, ни его одиночество не делали его печальным или угрюмым. Наоборот, в его глазах, на его лице было столько кротости, веселости и величия, что он казался как бы Ангелом среди людей. Он слыл по всей земле за Пророка и делал множество чудесных исцелений. Однако он нелегко показывался и не нарушал для этого своего молчания. Но обыкновенно он лишь просовывал руку в окно и, налагая ее на голову больных, давал им благословение, и тогда они исцелялись.

Был случай, что воры вообразили, будто у него есть спрятанные в келье деньги. Они имели смелость забраться к нему с намерением его убить и похитить предполагаемые сокровища. Но он справился с ними силой своей молитвы. Только что они хотели взломать силой его дверь, как оказались словно связанными невидимой рукой и пригвожденными к двери, от которой не могли двинуться. На другой день к старцу пришло из окрестности много народа. Народ был так

возмущен, застав этих воров, намерение которых легко было понять, что хотел развести вокруг них огонь и сжечь их живыми?

Тогда Фений, вынужденный состраданием прервать своё молчание для спасения жизни тех, которые покушались на его жизнь, велел народу позволить ворам уйти, не делая им никакого вреда, чтобы Христос не отнял от него данной ему благодати исцеления. Разбойников оставили на свободе, и они были под таким сильным впечатлением, что отказались от своей дурной жизни и приняли монашество в соседнем монастыре, чтобы покаянием загладить свои грехи.

Заключение

Прочтя эти сказания о жизни первых отцов, иной читатель, привязанный к миру, невольно содрогнется и скажет себе:

«Господи, за что такие терзания, за что это постоянное изощренное мучительство себя?»

Да, жутко нам, живущим в мире и любящим этот мир, хотя бы с самых возвышенных и чистых его сторон, — жутко нам читать о том, как отказывались эти люди от всего, что по общим понятиям составляет цену жизни, от всего, что ее красит, веселит и вдохновляет.

Что может быть дороже человека, чем общение с людьми? А они уходили в пустыню!..

Сколько великих духовных наслаждений, самых тонких и высоких, мог бы позволить себе при своем положении преп. Антоний, не греша? И как он той радостью, какую тогда бы испытывал, прославлял бы Бога, Первоисточника всего светлого и прекрасного!.. Ибо разве великое разнообразие мира, перемены климата, столь непохожие друг на друга в отдаленных странах, особенности быта — все, что составляет для человека предмет восхищения в путешествиях, которые являются одним из главных удовольствий богатых людей, — разве весь этот блеск мира и богатство его красок не созданы непостижимой мыслью Творца?

Или человек, предаваясь высоким волнениям, какие возбуждает в душе созерцание созданий искусства — тоже удел богатых людей, — погрешает чем-нибудь против Бога, вложившего в него это стремление к дивной гармонии и чувство счастья перед совершенной красотой?

Или Тот, Кто первое Свое чудо сотворил на браке в Кане Галилейской, осудил бы Антония, если бы он создал себе семью и воспитал в своих детях верных Божиих работников?

Да, Бог не осудил бы всех этих людей, которые бы могли спастись, если бы и взяли от жизни то счастье, которое доступно христианину и которое христианину именно и доступнее, чем другим людям.

Но они сами не могли взять этого счастья, потому что их мысль была слишком прикована к другому.

Есть характеры удивительно цельные. Есть мысли, проникающие всю до мелочей жизнь таких цельных людей.

Все прекрасное, радостное и утешительное в жизни было заслонено для них одним воспоминанием, одной мыслью, одним образом: образом Христа Распятого.

Пусть веселое солнце пригревает землю и весна идет над полями, рассыпая благоухающие цветы; пусть волна голубого залива, нежно плескаясь у ног, зовет вдаль, в чудные незнакомые страны: Христос распят — и исчезают в этом слове и радостные внушения весны, и светлые

посулы увлекающих в даль волн.

Пусть раздались сладчайшие звуки, какие слышало на земле людское ухо; пусть соловей рассыпает свои тревожащие сердце трели или со струн срываются, затихают, растут и снова силятся и рвутся вперед звуки, речь души, более выразительная и могучая, чем слабое и бледное человеческое слово: Христос распят — и что в умах человека, перед которым вечно живая стоит Голгофа, может заглушить страшный звук гвоздей, вбиваемых в распростертые руки Богочеловека?

Пусть яркими красками рисуется человеку счастье семьи, пусть манит его к себе картина тихого вечера, обаятельное насиженное семейное гнездо, обожаемая жена, любимые дети: Христос распят — и как же не доказать Христу, что Он не один, не оставлен, что есть люди, которые готовы забыть все в мире, чтобы стоять у Его Креста, ... и страдая Его страданием, и упиваясь благодатью Его искупительной жертвы!

Так должны были думать эти люда. Мир был для них пуст, один лишь Христос Распятый влек к Себе их прямые и верные сердца.

И только они, бессмертные, знают, какую усладу нашли на земле в созерцании этого таинственного и вечного Креста и что сказал им Тот, Кому они отдали кратковременный свой век, когда они пришли к Нему после жизни, полной невыразимых пыток и... невыразимого счастья!

Примечание

[1] В Египте могилы имели вид домиков, а царские могилы, сохранившиеся до ныне под именем пирамид, достигали громаднейших размеров.